Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

На правах рукописи

Конусова Елена Дмитриевна

КОЛЛЕКЦИЯ АВТОБИОГРАФИЙ И БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ С. А. ВЕНГЕРОВА: ФОРМИРОВАНИЕ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Специальность 10.01.01-10 - Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
Грачева А. М.

Санкт-Петербург
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава 1. Коллекция автобиографий С. А. Венгерова:
от рождения к архивному оформлению 16

1. В отеческих стенах: коллекция при жизни С. А. Венгерова 18

1.1. Истоки коллекции 18

1. 2. Пантеон русской науки и литературы: друзья и покровители 19

2. В испытаниях и странствиях: жизнь коллекции после смерти С. А. Венгерова 28

2.1. В Институте книговедения: 1920—1933 28

2.2. В Пушкинском Доме 38

2.2.1. От «Литературного Архива С. А. Венгерова» к «Венгеровскому сборнику» 38

2.2.2. От архивной описи к комплексному научному изданию 41

3. Структура коллекции 46

3.1. Основной состав коллекции 46

3.2. Дополнения к коллекции: фото- и эпистолярные материалы Архива Венгерова 50

Глава 2. От документа до художественной прозы:
коллекция автобиографий Венгерова как гипертекст 56

1. Анкеты КБС: путеводная нить или «автобиографическое бремя» 56

2. Типы автобиографий: опыт систематизации 63

2.1. «Формальные» автобиографии 66

2. 1.1. Автобиографии в вопросо-ответной форме 66

2.1.2. Curriculum vitae 67

2.1.3. Автобиографии в форме энциклопедической статьи 78

2.2. «Индивидуализированные» автобиографии 81

2.2.1. Автобиографии-исповеди 81

2.2.2. Автобиографии-мемуары 94
2.2.3. Беллетризованные автобиографии 112
2.2.4. Антибиографии 132
2.2.5. Автобиографии смешанного типа 135
3. Автобиографический дискурс: pro et contra 138
Глава 3. Соратники, ученики и последователи С. А. Венгерова: коллекции автобиографий конца XIX – первой трети XX веков 151
1. «Я видел альбомы, которые драгоценнее всех диссертаций…» 153
2. Юбилейные сборники автобиографий 159
2.1. Автобиографический "капустник" в честь главы нововременцев 159
2.2. «Русские ведомости. 1863—1913» 163
3. «Автобиографический декор» 164
3.1. «Литературный календарь-альманах» под редакцией О. Норвежского 164
3.2. «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» под редакцией М. Л. Гофмана 169
4. «Сопутники» Венгерова: коллекции писательских автобиографий 1900—1910-х гг. 174
4.1. Коллекция А. Н. Чеботаревской 174
4.2. Коллекция Ф. Ф. Фидлера 177
5. Ученики и последователи Венгерова: коллекции автобиографий 1920-х — 1930-х гг. 184
5.1. Коллекция П. Я. Заволокина 186
5.2. Коллекция И. А. Назарова 206
6. Забытая традиция: домашний альбом П. К. Симони 209
Заключение 219
Список литературы 223
Список сокращений 242

Введение

С. А. Венгеров (1855—1920) вошел в историю отечественной историко-литературной науки как яркий представитель культурно-исторической школы, воспитавший целую плеяду выдающихся библиографов и филологов XX века. Собирание личных историй было важным направлением его многогранной просветительской деятельности – издательской, литературно-критической и педагогической.

Труды Венгерова по архивации автобиографического наследия родились в рамках общей историко-культурной модели его времени. Она сформировалась во второй половине XIX века и, в силу ряда объективных обстоятельств, в несколько трансформированном виде продолжала функционировать до конца 80-х гг. XX века.

Ярким историко-литературным явлением стал ряд издательских проектов ученого. «Критико-биографический словарь»[1] и «История русской литературы XX в.»[2] сконцентрировали в себе лишь часть созданной им коллекции эгодокументов,[3] хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы в составе богатейшего архива Венгерова (ф. 377. Оп. 7).

---

[1] *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1—6. СПб., 1889—1904.

[2] Русская литература XX века (1890—1910) / под ред. С. А. Венгерова. Т. 1—3 (вып. 1—8). М., 1914—18.

[3] Термин «эгодокумент» принадлежит голландскому историку, профессору Амстердамского университета Жаку Прессеру (1899—1970). См.: Dekker R. M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. № 5. P. 13—37. По словам историка философии Ю. П. Зарецкого, в неологизме «эгодокумент» Ж. Прессер объединил «в единое целое несколько типов источников: автобиографии, мемуары, дневники, письма личного содержания». См.: *Зарецкий Ю.* История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). С. 224.

Коллекция складывалась в течение трех с половиной десятилетий, с середины 1880-х гг. до 1920 г. как подсобный инструмент, способствовавший трудам ученого в качестве редактора Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона,[4] «Русской литературы XX века»[5] и прежде всего – Критико-биографического словаря (далее в тексте – КБС).[6] Однако, вспомогательная роль коллекции, наряду с уникальной картотекой и другими биобиблиографическими трудами Венгерова, такими как «Русские книги»,[7] «Источники словаря русских писателей»,[8] «Предварительный список»,[9] не помешала ей со временем приобрести самостоятельное источниковедческое и историко-литературное значение.

Материалы коллекции, насчитывающие более 4000 единиц хранения, отразили интеллектуальную жизнь, надежды и чаяния российской интеллигенции на всем пространстве Российской империи. Персонажами коллекции Венгерова преимущественно были его современники: писатели, журналисты, ученые-естественники, филологи, врачи, юристы, деятели церкви и пр. Однако калейдоскоп имен, фигурирующий на страницах этого обширного собрания, гораздо шире, чем фондообразующий именной перечень. Коллекция одновременно представляет собой и уникальный документальный депозитарий исторической памяти о людях и событиях, и многомерный портрет поколений, живших и творивших во второй половине XIX – первых двух десятилетиях XX вв.

---

[4] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. 1—41 А (кн. 1—82). СПб., 1890—1904 (доп. т. 1—2 (кн. 1—4), 1905—07. Далее в тексте: ЭСБ.

[5] Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1—3 (вып. 1—8). М., 1914—18.

[6] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1—6. СПб., 1889—1904. Далее в тексте: КБС.

[7] Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708—1893). Т. 1—3. СПб., 1897—1899.

[8] Источники словаря русских писателей. Собрал С. А. Венгеров. Т. 1—4. СПб., 1900—1917.

[9] Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых <…>. 2-е изд. Предварительный список. Т. 1—2. Вып. 1—5. – Пг., 1915—16.

Объект диссертации – коллекция автобиографий и биобиблиографических материалов С. А. Венгерова.

Предмет настоящего исследования – исторические корни, этапы формирования и историко-литературное значение коллекции; автобиографические тексты коллекции, с точки зрения их типологической принадлежности.

Цель диссертации состоит во всестороннем изучении коллекции как органической части Архива Венгерова и как самостоятельного, уникального историко-литературного и культурного документального комплекса, сложившегося в процессе нескольких этапов.

Основными **задачами** работы являются:

1. Изучение истории, специфики формирования и использования коллекции Венгерова с середины 1880-х гг. до наших дней.

2. Анализ жанрово-видового состава коллекции.

3. Разработка типологии автобиографических текстов; их классификация на основе повествовательных особенностей с учетом внутренних и внешних обстоятельств, оказавших влияние на форму и содержание «личных историй».

4. Выявление роли коллекции в ряду других сводов жизнеописаний последней четверти XIX в. – первых десятилетий XX в. и определение ее значения как историко-литературного явления.

Хронологические рамки исследования не ограничены исключительно периодом создания коллекции (сер. 1880-х – 1920 гг.). Поставленные задачи потребовали рассмотрения связи коллекции с традицией альбомной культуры конца XVIII – первой половины XIX вв. С другой стороны, представлялось необходимым проследить роль историко-культурных идей и собирательских принципов Венгерова в деятельности биоблиографов 20-х – 30-х гг. XX в.

Актуальность настоящего диссертационного исследования связана с наметившимся в последнее время повышенным научным интересом к эгодокументам. Проблематика автобиографического описания человека является предметом изучения в целом ряде отечественных и зарубежных изданий,

стремящихся к комплексному междисциплинарному исследованию различных сторон индивидуума, созданию его многомерного и вместе с тем целостного образа. При таком подходе в центре внимания находится не только некий абстрактный человек как предмет теоретических размышлений, но и конкретные люди с их житейскими делами, повседневными чаяниями и надеждами.[10]

Важность заявленной темы также определяется недостаточной **степенью** ее **изученности**, что в равной мере относится к деятельности Венгерова в целом. Действительно, число посвященных ему работ едва достигает пятидесяти, причем около половины их датируется 20-ми гг. прошлого века. Появившиеся вскоре после его кончины, они представляют собой первые попытки осмысления масштаба личности ученого и результатов его трудов[11] и, за исключением

---

[10] Указанная проблематика нашла свое отражение, например, в следующих работах: *Безрогов В. Г.* Коллективное и персональное в автобиографии // Человек. 2003. № 5. С. 26—37; *Мануильский М. А.* Человек – человеку // Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74. № 12. С. 1123—1125; *Мануильский М. А.* Энциклопедические контуры человека // Человек. 2005. № 1. С. 59—67; *Мануильский М. А.* Биография в структуре жизненного мира индивида // Человек. 2005. № 5. С. 30—43; *М. И. Михеев*. Фактографическая проза, или пред-текст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. №. 2. С. 133—142; № 3. С. 132—143. Обзор зарубежных исследований по указанной проблематике содержится в первой из перечисленных статей.

[11] *Боднарский Б. С.* Венгеров: [Некролог] // Бибилографические известия. 1920. № 3—4. С. 57—58; *Державин Н. С.* Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) // Известия Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1920. № 206 (698). 16 сент. С. 1; *И. Е. [Егоров И. В.]*. Профессор С. А. Венгеров // Красный балтийский флот. 1920. № 94 (182). 18 сент. С. 3; *Кантор Р.* Боевое крещение С. А. Венгерова // Вестник литературы. — 1920. — № 10 (22). — С. 2—4; *Кауфман А. Е.* Влюбленный в литературу. Памяти С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 9 (21). С. 6—8; *Модзалевский Б. Л.* С. А. Венгеров // Дела и дни: ист. журн. Книга первая. 1920. С. 614—617; *Слонимский М*. Черты из жизни С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 10. С. 4; *Штрайх С. Я.* С. А. Венгеров // Жизнь искусства. 1920. № 558. 16 сент. С. 1—2; *Энгельгардт Б. М.* Памяти С. А. Венгерова (речь, произнесенная на заседании в Доме искусств 16 сентября 1920 г.). [Корректура неустановленного издания] // РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 2. № 43. Л. 1 **(**вероятно, статья предназначалась для вышедшего в 1922 г. под

критико-биографического эссе Л. К. Ильинского и двух очерков А. Г. Фомина, не претендуют на широту и основательность выводов. В статье 1920 г., посвященной памяти недавно скончавшегося Венгерова, А. Е. Кауфман отметил:

«Я не исчерпал всего, что можно было написать о неутомимом и плодовитом С. А. Венгерове, – так много сделано им для русской литературы. Можно смело сказать, что его деятельности как историка литературы, критика, библиографа, создателя замечательного литературного архива, профессора, председателя и деятеля Литературного фонда и т. д., хватило бы на известность целой дюжины Венгеровых».[12]

Тем не менее, даже спустя полвека было очевидно, что обширное литературное наследие выдающегося деятеля отечественной науки и культуры, «хотя и привлекало исследователей, до сих пор изучено еще далеко не полностью».[13] В 1930-е – 1950-е гг. на пути осмысления научной деятельности Венгерова и полноценного освоения его Архива стояло не только военное лихолетье, но и трагическая судьба сына ученого – Вс. С. Венгерова, репрессированного и расстрелянного в 1938 г. Негативную роль сыграл и утвердившийся к 1950-м гг. взгляд на Венгерова как на представителя «буржуазного объективизма», проявившегося в «формалистических» методах

редакцией Н. В. Яковлева Пушкинского сборника, посвященного памяти С. А. Венгерова (Пушкинист. Т. IV), но по неизвестным причинам не была опубликована); *Азадовский М. К.* Памяти С. А. Венгерова (Венгеров-библиограф). Чита, 1922. 12 с.; *В. Б. [Брюсов В. Я.]*. С. А. Венгеров // Художественное слово. 1921. № 2. С. 73; *Ильинский Л. К.* С. А. Венгеров // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1923. Т. XXVIII. С. 85; *Фомин А.* С. А. Венгеров, как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник. Памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова М.; Пг., 1923. С. X—XXXIII (Пушкинист, т. IV); *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты (ныне Института книговедения). К пятилетию со дня его смерти. Л., 1925. 48 с

[12] *Кауфман А. Е.* Влюбленный в литературу. Памяти С. А. Венгерова // Вестник литературы. — 1920. — № 9 (21). – С. 6—8.

[13] *Азбукин В. Н., Пожилова Л. В.* Историко-литературная концепция С. А. Венгерова и его взгляды на романтизм // Романтический метод и романтические тенденции в русской и зарубежной литературе. Казань: Издательство Казанского университета, 1975. С. 66.

ученого в области библиографии.[14] Критика также упрекала Венгерова в отсутствии «классового подхода» к истории литературы.[15] По всей видимости, все эти обстоятельства сделали невозможным проведение в 1945 г. специально запланированной Книжной палатой масштабной сессии, посвященной 25-летию со дня смерти ученого.[16]

С конца 1940-х гг. его деятельность рассматривалась преимущественно в контексте истории отечественной библиографии и критики.[17] Изредка появлялись публикации мемуарного толка, рассказывавшие о Венгерове-педагоге.[18] В 1964 г.

---

[14] См.: *Эйхенгольц А. Д.* Сорок лет советской библиографии // Советская библиография. 1957. Вып. 48. С. 3.

[15] *Еголин А. М.* Венгеров // История русской критики. В 2-х тт. Т. II. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР [Ленинградское отд-ние], 1958. С. 375.

[16] *Сухорукова Е. М.* Юбилей С. А. Венгерова: неосуществленный проект // Библиография. 2007. № 2. С. 18—21.

[17] *Здобнов Н. В.* С. А. Венгеров // Здобнов Н. В. История русской библиографии. От древнего периода до начала XX века. Т. 2. М.: Всесоюзная книжная палата, 1947. С. 218—222; 3-е изд. М.: Госкультурпросветиздат, 1951. С.564—570 и др.; *Машкова М. В*. История русской библиографии начала XX в. (до окт. 1917 г.). М.: Книга, 1969. С. 55—57. Еще в 1939 г. М. В. Машкова, тогда аспирантка Публичной библиотеки и ученица П. Н. Беркова, посвятила себя изучению истории отечественной библиографии. «Критико-биографический словарь в России» и «С. А. Венгеров как библиограф» были первоначальными темами ее научных поисков. См.: *Михеева Г. В.* Машкова Мария Васильевна // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биогр. словарь. Т. 3. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина 1931—1945. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2003. С. 364—367; *Петровская И. Ф.* Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801—1917 годов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петрополис, 2010. С. 118—122, 300—301.

[18] *Рождественский Вс.* Страницы жизни // Звезда. 1958. № 12. С. 118—119; *Яковлев Н.* У истоков пушкиноведения (о пушкинском семинарии С. А. Венгерова) // Ленинградский университет. — 1962. — № 7 (1256). — С. 3; *Шильникова М. А.* Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) // Санкт-Петербургские Высшие Женские (Бестужевские) Курсы. 1878—1918: Сб. статей. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. — С. 210—215.

вышел в свет критико-биографический очерк А. Г. Калентьевой, повторившей вслед за Л. К. Ильинским попытку цельного освещения основных этапов жизни и научного служения Венгерова.[19] Специальный отдел этой работы посвящен истории создания КБС, и прежде всего, тем структурным изменениям, которые претерпело издание от 1-го тома к 6-му тому. Несомненным достоинством книги является перечень рецензий на библиографические труды ученого, вышедших при его жизни.

В середине 1970-х гг. М. Д. Эльзон опубликовал небольшой, тематически объединенный свод из семи жизнеописаний деятелей книги, входящих в состав коллекции. Во вступительной заметке он обратил внимание читателей к коллекции как к уникальному собранию личных историй, отметив, что оно находится вне поля зрения исследователей и подавляющее число его документов не издано.[20]

Существовали объективные причины, по которым и в 1970-е гг. полноценное изучение коллекции было невозможно. Дело в том, что ее научно-техническая обработка, которая соответствовала бы современным архивным правилам и нормам, закончилась лишь в конце 1990-х гг. Несколько ранее

---

[19] *Калентьева А. Г.* Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова (1855—1920). М.: Книга, 1964. 80 с. Справедливости ради, следует упомянуть эссе М. Ф. Щербаковой «Профессор Семен Афанасьевич Венгеров: очерк жизни и деятельности» (1967), машинописная копия которого отложилась в материалах фонда С. А. Венгерова (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 2. № 46. Л. 1—33). Несомненного источниковедческим интереса заслуживает фрагмент очерка, в котором автор поделилась впечатлениями о деятельности Пушкинского семинария и преподавательской манере профессора Венгерова, лекции которого Щербакова слушала в 1911—15 гг. в качестве студентки Высших женских (Бестужевских) курсов (л. 10—11, 13—17). Однако об исследовательском потенциале работы говорить не приходится, поскольку она в целом дублирует гораздо более основательный очерк А. Г. Калентьевой. Вероятно, это обстоятельство заставило М. Ф. Щербакову отказаться от публикации своей работы.

[20] Автобиографии деятелей книги в собрании С. А. Венгерова / вступ. заметка и публ. М. Д. Эльзона // Книга. Исследования и материалы. [Вып. 29]. М.: Книга, 1974. С. 153—154.

началось составление Аннотированного указателя коллекции, завершившееся выходом в свет двухтомника «Русская интеллигенция».[21] Это издание открыло новую страницу в изучении коллекции. Оно позволило расширить и уточнить данные о ее структуре и предоставило широкому кругу читателей пользоваться детализированными сведениями об объеме, датировке и содержании каждого входящего в нее документа. В процессе создания этого указателя появилась насущная потребность целостного взгляда на коллекцию, с точки зрения истории ее формирования, жанрово-типологических характеристик и историко-литературного значения.

Источниковедческой базой настоящего исследования являются: ф. 377 (С. А. Венгеров), ф. 150 (ИРЛИ РАН) и ф. 568 (А. Г. Фомин), хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, а также ф. 290 (П. Я. Заволокин) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и ф. 543 (Н. А. Морозов) в Санкт-Петербургском филиале архива РАН.

Новизна диссертационной работы заключается в комплексном изучении коллекции С. А. Венгерова. Она впервые проанализирована как единый документальный комплекс, неразрывно связанный с другими частями Архива ученого; предложена ни разу не проводившаяся типологическая классификация автобиографических текстов; коллекция впервые рассмотрена в контексте других сводов жизнеописаний дореволюционного времени и первых десятилетий советского периода. Перспективы осуществленных в диссертации исследовательских подходов в работе открылись благодаря завершению архивной научно-технической обработки коллекции силами сотрудников Рукописного отдела Пушкинского Дома и выходу в свет Аннотированного указателя к ней. В создании Аннотированного указателя диссертантка приняла непосредственное и самое активное участие.

---

[21] Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель в двух томах / под ред. В. А. Мыслякова. Т. 1—2. — СПб.: Наука, — 2001—2010. Т. 1. А—Л. — 640 с. Т. 2. М—Я. — 765 с.

Методологическую основу диссертации составляет единство историко-литературного и источниковедческого подходов. Теоретической основой работы стали труды филологов и биобиблиографов, занимавшихся всесторонними аспектами исследования эгодокументов: М. М. Бахтина, В. Г. Безрогова, В. Э. Вацуро, Д. Я. Калугина, М. А. Мануильского, М. Ю. Михеева, В. А. Мыслякова, И. Ф. Петровской.

Научно-практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в историко-литературных исследованиях, посвященных изучению литературного процесса конца XIX- начала XX в.; в комментариях к научным изданиям произведений русских писателей; в разработке проблем биографики как науки о «постижении жизни конкретных людей, причастных ко всем областям человеческой деятельности»,[22]; при подготовке учебных пособий и специальных курсов по истории русской литературы этого периода.

Основные положения диссертации были изложены в докладах, прочитанных на международных и всероссийских конференциях: XVIII «Малышевские чтения» (Санкт-Петербург, 1994), Всероссийская научная конференция «Печать и слово Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург, 2009 и 2011), Выездные научные чтения Отдела древнерусской литературы (Ясная Поляна, 2012), Международная научная конференция «Чтения по истории и культуре Древней Руси» (Чернигов, 2013), Международная научно-практическая конференция «Testis temporum. Дневники и воспоминания в русской литературе XX века» (Санкт-Петербург, 2013), XXXVIII «Малышевские чтения» (2014).

Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Глава 1 – «Коллекция автобиографий С. А. Венгерова: от рождения к архивному оформлению» состоит из трех разделов.

---

[22] *Петровская И. Ф.* Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801—1917 годов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петрополис, 2010. С. 12.

В разделе **1 («В отеческих стенах: коллекция при жизни С. А. Венгерова»**) обозначен круг документов, образовавших первоначальное «ядро» коллекции (1.1. «Истоки коллекции») и выявлена роль своеобразного сообщества отдельных лиц и целых организаций, способствовавших ее созданию (1.2. «Пантеон русской науки и литературы: друзья и покровители»).

В разделе **2 («В испытаниях и странствиях: жизнь коллекции после смерти С. А. Венгерова»**) подраздел 2.1. («В Институте книговедения») посвящен драматическим событиям в истории коллекции с 1920 г. по 1933 г., предшествовавшие поступлению Архива ученого в Пушкинский Дом. Подраздел 2.2. («В Пушкинском Доме») рассматривает концепцию неосуществленного научного издания документов коллекции, разработанную в середине 1930-х гг. сыном ученого Вс. С. Венгеровым (2.2.1. «"От литературного Архива С. А. Венгерова" к "Венгеровскому сборнику"»); а также характеризует роль послевоенного этапа в жизни коллекции, когда происходил процесс ее окончательного архивного оформления (2.2.2. «От архивной описи к комплексному научному изданию»).

В разделе **3 («Структура коллекции»)** охарактеризованы основные виды документов коллекции (3.1. «Основной состав коллекции») и ее связи с иконографическим и эпистолярным комплексом Архива Венгерова (3.2. «Дополнения к коллекции: фото- и эпистолярные материалы Архива Венгерова»).

Глава 2 («От документа до художественной прозы: коллекция автобиографий Венгерова как гипертекст») состоит из трех разделов.

В разделе **1 («Анкеты КБС: путеводная нить или "автобиографическое бремя"»**) прослежена зависимость полноты самораскрытия авторов от личностного восприятия ими анкетного плана, разработанного Венгеровым.

Раздел **2 («Типы автобиографий: опыт систематизации»**) предлагает опыт типологической классификации автобиографических текстов коллекции. Структура раздела является следствием условного деления всего комплекса эгодокументов на два больших блока: автобиографии «формальные» (2.1) и

автобиографии «индивидуализированные» (2.2). Главное их отличие друг от друга обусловлено разными способами изображения жизненного пути.

Выявлены и рассмотрены три типа «формальных» автобиографий: автобиографии в вопросо-ответной форме (2.1.1), «curriculum vitae» (2.1.2) и автобиографии в форме энциклопедической статьи (2.1.3); а также следующие пять типов «индивидуализированных» автобиографий: автобиографии-исповеди (2.2.1), автобиографии-мемуары (2.2.2), беллетризованные автобиографии (2.2.3), «антибиографии» (2.2.4), и автобиографии смешанного типа (2.2.5).

В разделе **3** (**«Автобиографический дискурс: pro et contra»**) выявлен широкий спектр мнений корреспондентов и современников Венгерова о ценностном потенциале личных историй, их форме и содержании.

Глава 3 (**«Соратники, ученики и последователи С. А. Венгерова: коллекции автобиографий конца XIX – первой трети XX веков»**), состоящая из шести разделов, посвящена анализу места коллекции Венгерова среди других сводов автобиографий дореволюционного времени и первых двух десятилетий советского периода.

В разделе **1** (**«Я видел альбомы, которые драгоценнее всех диссертаций…»**) рассмотрен альбом М. И. Семевского «Знакомые».

Раздел **2** (**«Юбилейные сборники автобиографий»**) посвящен альбому «Алексею Сергеевичу Суворину на память от сотрудников» (2.1) и сборнику «Русские ведомости. 1863—1913» (2.2).

В разделе **3** (**«Автобиографический декор»**) дана характеристика подборкам автобиографий в «Литературном календаре-альманахе» под редакцией О. Норвежского (3.1) и в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» под редакцией М. Л. Гофмана (3.2).

В разделе **4** (**«"Сопутники" Венгерова: коллекции автобиографий 1900-х – 1910-х гг.»**) рассказывается о коллекции А. Н. Чеботаревской (4.1) и Ф. Ф. Фидлера (4.2).

Разделе **5** (**«Ученики и последователи Венгерова: коллекции автобиографий 1920-х – 1930-х гг.»**) посвящен коллекциям П. Я. Заволокина (5.1) и И. А. Назарова (5.2).

Главу завершает раздел **6** (**«Забытая традиция: домашний альбом П. К. Симони»**).

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Список литературы сопровожден списком сокращений.

Глава 1. Коллекция автобиографий С. А. Венгерова: от рождения к архивному оформлению

Коллекция автобиографических и биобиблиографических материалов С. А. Венгерова является неотъемлемой частью всего собрания ученого, которое он сам назвал «автобиографическим архивом».[23] Картотека, эпистолярий, свод автографов литературных произведений, и наконец, иконографические материалы представляют другие, взаимодополняющие разделы этого единого, одновременно развивавшегося документального организма. Коллекция складывалась внутри него и в непосредственной связи с ним.

Можно говорить о двух этапах формирования коллекции.

Первый – с середины 1880-х гг. до кончины Венгерова в 1920 г. – был периодом накопления жизнеописаний и их первоначальной архивации.

Второй период, начавшийся после 1920 г., занял гораздо больше времени. В течение семи десятков лет в стенах Института книговедения (1920—1933) и Пушкинского Дома (1933—1990) постепенно происходила окончательная структуризация коллекции.

В 1915 г. в Предисловии ко 2-му изданию КБС ученый предложил подробный экскурс в историю своего собрания в целом за истекшее тридцатилетие.[24] Вопросы генезиса и архитектуры коллекции жизнеописаний

---

[23] *Венгеров С. А.* О первом издании «Критико-биографического Словаря» // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е, совершенно переработанное, иллюстрированное издание. Т. 1. Вып. 1—3. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки (Аарон — Куликов). С таблицами групповых портретов. Пг., 1915. С. VIII.

[24] Там же. С. 1—59. Далее с указанием страницы: *Венгеров С. А.* О первом издании «Критико-биографического Словаря».

были рассмотрены в статье В. А. Мыслякова.[25] Хронология событий, предшествовавших поступлению венгеровского Архива в Институт русской литературы, была прослежена М. В. Родюковой[26] и отчасти проанализирована И. Е. Прозоровым.[27]

В главе будут рассмотрены неизученные пути формирования коллекции Венгерова и отдельные драматические события, предшествовавшие и сопутствовавшие поступлению архива ученого в Пушкинский Дом; определено значение своеобразного сообщества единомышленников, сыгравших существенную роль в создании и сохранении коллекции; дана характеристика ее жанрово-видового состава и связи с эпистолярным комплексом Архива Венгерова.

---

[25] *Мысляков В. А.* О венгеровском «Автобиографическом собрании» и о данном указателе к нему // Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель: В 2 т. Т. 1. А—Л. СПб.: Наука, 2001. С. 8—15.

[26] *Родюкова М. В.* О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год // СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 373—383.

[27] *Прозоров И. Е.* Отечественная научно–вспомогательная литературная библиография (1917—1929 гг.): тенденции развития и организационные формы: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Прозоров Иван Евгеньевич; СПбГУКИ; науч. рук. О. Н. Ильина. СПб., 2010. С. 135—188.

1. В отеческих стенах: коллекция при жизни С. А. Венгерова

1.1. Истоки коллекции

Начало коллекции было положено в 1884 г., когда ученый трудился над «Историей новейшей русской литературы»,[28] и к нему, по его же просьбе, поступили первые писательские автобиографии. Тогда Венгеров, скорее всего, не предполагал, что именно они лягут в основу огромного свода жизнеописаний. «Для этой истории, – писал ученый, – мне дали очень интересные автобиографические заметки: Гаршин, Надсон, Скабичевский, Василий Ив. Немирович-Данченко, Мордовцев, Засодимский и другие, кто именно – теперь уже не помню».[29]

В 1885 г. Венгеров приступил к работе над КБС. Написанные для этого издания «личные истории» обеспечили самый значительный прирост документов и сформировали основной костяк коллекции. В дальнейшем их поток усиливался дважды: с 1886 по 1904 гг., а затем в 1913—1914 гг., что было соответственно сопряжено с выходом в свет 1-го и 2-го издания Словаря.

С 1891 г. она пополнялась за счет жизнеописаний, оказавшихся в распоряжении создателя КБС в связи с его редакторской работой в ЭСБ, а также с его другими издательскими и составительскими трудами, такими как Приложение к «Ежегоднику Союза взаимопомощи Союза русских писателей»[30] и «Русская литература XX века».[31]

---

[28] *Венгеров С. А.* История новейшей русской литературы. (От смерти Белинского до наших дней). Ч. 1. Конечные годы дореформенной эпохи. СПб., 1885. XXVIII, 235 с. Вышла только первая часть труда. Издание было запрещено цензурой.

[29] *Венгеров С. А.* О первом издании «Критико-биографического Словаря». С. XVI.

[30] Приложение, включавшее около полутора сотен документальных свидетельств, не вышло в свет, поскольку в марте 1901 года Союз прекратил свое существование. См.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 223—224.

[31] Русская литература XX века (1890—1910) / под ред. С. А. Венгерова. Т. 1—3 (вып. 1—8). М., 1914—1918.

После выхода в свет первых выпусков КБС и появлением критических откликов на них постепенно начал складываться круг помощников и единомышленников Венгерова, содействовавших его составительской и редакторской работе и способствовавших расширению документальной базы издания.

1.2. «Пантеон русской науки и литературы»: друзья и покровители

КБС был задуман как новый тип словаря, названного одним из венгеровских корреспондентов «поучительной энциклопедией литераторов и ученых».[32] Смелость и новизна издания заключались в том, что по масштабу поставленной задачи оно не имело аналогов в российской и в западноевропейской практике. Во-первых, его содержание должно было широко охватить все отделы отечественной литературы и науки; во-вторых, биографические материалы в нем должны были дополняться критическими статьями, а также исчерпывающими библиографическими перечнями.

Большинство критиков с восторгом восприняли появление КБС, утверждая, что с каждым новым выпуском он становится «все более и более интересным».[33] По мнению рецензента «Нови», КБС был сопоставим по значимости с “Dictionnaire universel des Contemporains” Л.-Г. Ваперо,[34] но в научном отношении был трудом, гораздо более обстоятельным, чем его французский предшественник. «Это, – отмечалось в вестнике, – своего рода пантеон русской науки и литературы, пантеон, тем

[32] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 519. Л. 12 об. [письмо В. В. Витковского С. А. Венгерову от 1 окт. 1894 г.].

[33] *Без подписи*. [Рецензия на КБС. Вып. 15] // Новости и Биржевая газета. 1889. № 27. 27 янв. С. 2.

[34] *Vapereau G.* Dictionnaire universel des Contemporains contenant toutes les Personnes notables de la France et des Pays étrangers. Paris, 1858. 920 c.

более заслуживающий поощрения, что он первый в своем роде не только в России, но вообще – в такой форме, в таком характере и объеме – первый даже и во всемирной литературе».[35]

Читателей привлекали насыщенность и полнота словарных статей. В частности, журналист и библиограф Н. Н. Вакуловский писал:

«Удивляюсь размерам труда Вашего; но вполне убежден, что он будет окончен. Лучше не спешить, а составить словарь в желанной от подобного справочного издания полноте».[36]

Впрочем, критика не всегда критика была благожелательно настроена к КБС и его редактору. Прежде всего, ее упреки вызывал не до конца обдуманный размах начинания ученого. Дело в том, что ни сам Венгеров, ни специалисты по истории русской литературы, с которыми он советовался, в самом начале работы над КБС не имели ясного представления о возможных объемах задуманного издания и сроках его реализации. Ученый предполагал закончить его в 10 лет, выпустив в свет 12 томов. Однако практическое осуществление замысла очень скоро заставило и Венгерова, и критиков усомниться в реальности этого плана. Последних особенно смущал разрастающийся объем Словаря. Так, в одной из рецензий сомнение в реальности доведения его до конца было выражено следующим образом:

«<…> при том же ходе дела, полагая по четыре года на букву, "Словарь" будет доведен до конца в двадцать первом столетии, через 116 лет! Очевидно, г. Венгеров рассчитывает долго жить – и дай Бог ему как можно дольше здравствовать; но нам-то, современникам, ужасно обидно: – ведь не только мы, люди среднего возраста, но даже юноши, даже едва родившиеся на свет младенцы не доживут до окончания “Словаря”!».[37]

Известный русский философ В. С. Соловьев, внимательный читатель первых выпусков КБС, также предвидел неосуществимость намерений Венгерова, но от души желал ему «сравняться в долготе дней если не с Мафусаилом, то по

---

[35] *Без подписи*. <Рецензия на КБС. Вып. 1—10> // Новь. 1888. № 23. С. 221–222.

[36] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 436. Л. 5 [письмо Н. Н. Вакуловского С. А. Венгерову от 4 нояб. 1889 г.].

[37] *Без подписи*. <Рецензия на КБС. Вып. 15> // Новости и Биржевая газета. 1889. № 27. 27 янв. С. 2.

крайней мере, с Алексеем Дмитриевичем Галаховым», и «довести до конца сей monumentum aere <perennius>».[38]

До 1888 г. Венгеров единолично осуществлял работу над КБС. Начиная с 8-го выпуска, он вынужден был прибегнуть к помощи широкого круга не только высокоавторитетных ученых и писателей, снабжавших его критико-биографическими статьями и заметками, но и просто любителей литературы, сочувствовавших замыслу издания и присылавших его редактору различного рода справки, дополнения и уточнения. Все эти материалы обогащали его Архив. Многих своих добровольных сотрудников Венгеров с благодарностью перечислил в Предисловии ко 2-му изданию Словаря.[39]

Ученый не конкретизировал вклад каждого из поименованных в этом внушительном перечне лиц. Однако лепта некоторых из них была весьма внушительной. Так, например, историк, археолог и краевед, основатель Ростовского исторического музея А. А. Титов предложил редактору КБС воспользоваться имевшимися в его распоряжении «рукописными материалами» о русских духовных лицах «на все буквы» алфавита.[40]

В 1882 г. историк, профессор Варшавского и Новороссийского университетов В. А. Яковлев начал публикацию собранных им документов (в том числе биографического характера) в одесском журнале «Юг». Лишенный надежды когда-либо завершить начатое дело, он принял решение предоставить их ученому и впредь бескорыстно оказывать ему всяческое содействие в составлении КБС.[41] В одном из писем к Венгерову Яковлев писал: «Вообще, если Вам понадобится мое <…> сотрудничество – я с удовольствием рад Вам служить. Зная отлично, что Словарь Ваш

---

[38] РО ИРЛИ. Оп. 4. № 2125. Л. 1 об. [письмо В. С. Соловьева С. А. Венгерову от 14 июля 1889 г.].

[39] *Венгеров С. А.* О первом издании «Критико-биографического Словаря». С. VII, LIV.

[40] РО ИРЛИ. Оп. 4. № 2237. Л. 1 [письмо А. А. Титова С. А. Венгерову от 24 дек. 1889 г.].

[41] РО ИРЛИ. Оп. 4. № 2594. Л. 3—4, 5—6 об. [письма (3) В. А. Яковлева С. А. Венгерову от 9 янв. и 17 нояб. 1889 г., 11 янв. 1892 г.].

не может приносить Вам доходов, я и не помышляю о гонораре, а готов сделать, что могу из желания содействовать превосходному труду, которому все сочувствуют <…>».[42]

Благодаря завершившейся недавно работе над Аннотированным указателем коллекции[43] стало возможным значительно расширить «благодарственный список» Венгерова.

Так, среди людей, способствовавших труду Венгерова, был профессор истории Казанского университета Д. А. Корсаков. В 1888—1901 гг. он деятельно сотрудничал с КБС, доставляя в редакцию издания многочисленные исправления и дополнения. На основе архива библиографа и казанского краеведа Н. Я. Агафонова Корсаков составил вошедшие в коллекцию Венгерова биобиблиографические заметки о своих земляках В. Я. и Н. К. Баженовых.[44] Агафонов – «идеальный летописец казанской жизни», автор известного труда «Казань и казанцы» (ч. 1—2. Казань, 1906), собирал разнообразные документы исторического, этнографического и краеведческого характера об одном из старейших российских городов.[45] Весьма вероятно, что в сферу интересов краеведа были включены и эгодокументы, такие как автобиографии.

Известно, что для него и по его просьбе, врач, публицист и общественный деятель В. О. Португалов составил в 1887 г. свою «личную историю», что по времени совпало с аналогичным обращением к нему редактора КБС. Жизнеописание было выслано Венгерову с условием о последующем возвращении текста Агафонову как первому «заказчику», «коему она

---

[42] Там же. Л. 2 [письмо В. А. Яковлева С. А. Венгерову от 4 декабря 1888 г.].

[43] Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель в двух томах / под ред. В. А. Мыслякова. Т. 1—2. СПб.: Наука, 2001—2010.

[44] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1164. Л. 12 об. [письмо Д. А. Корсакова С. А. Венгерову от 23 дек. 1889 г.]; см. также: Ф. 377. Оп. 7. № 35 (Агафонов Н. Я.), № 261 (Бажанов Н. М.), № 262 (Бажанов В. Я.).

[45] *Миначетдинова Г. С.* Н. Я. Агафонов – «идеальный летописец казанской жизни» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). История. Вып. 48. С. 152–157.

принадлежит по праву».[46] В результате столкновения коллекционерских амбиций двух библиографов и нежелании одного из них выпустить из рук ценный документ, автобиография «осела» именно в венгеровском архиве.

В 1910-е гг. И. Я. Айзеншток, будучи еще очень молодым человеком, активно содействовал приумножению венгеровского архива, обеспечив его биобиблиографическими сведениями о писателе, педагоге С. Л. Геевском, инженере-технологе А. М. Гинзбурге, докторе медицины М. Д. Гинзбурге, священнике В. Г. Фотиеве, протоиерее С. И. Антоновском, краеведе, библиографе Г. С. Чирикове.[47] Несомненно, добровольное и бескорыстное сотрудничество с Венгеровым отвечало рано определившимся профессиональным устремлениям Айзенштока. Возможно, именно знакомство с ученым и освоение библиографии в дальнейшем привели юного корреспондента к серьезным филологическим занятиям. В 1921 г. он окончил историко-филологический факультет Харьковского университета, в 1925—1931 гг. был ученым секретарем Института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко, а в 1934—1936 гг. научным сотрудником Пушкинского Дома, участвовавшим в подготовке академических изданий Н. В. Гоголя, Н. Г. Чернышевского, Г. И. Успенского, Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко.[48]

В сообщество единомышленников Венгерова входил также историк литературы и библиограф Е. Я. Архиппов.[49] В 1916 г. он разослал венгеровские анкетные «циркуляры» А. В. Звенигородскому, Н. А. Платоновой-Янкевич, Н. М. Подгоричани-Петрович, Г. И. Рыбинцеву, А. А. Смирнову и др.

---

[46] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2948. Л. 1 об. [письмо В. О. Португалова С. А. Венгерову от 29 нояб. 1887 г.].

[47] См.: РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 4075 (Геевский С. Л.), № 4076 (Гинзбург А. М.), № 1084 (Гинзбург М. Д.), № 4110 (Фотиев В. Г.), № 4061 (Антоновский С. И.), № 4113 (Чириков Г. С.).

[48] *Дмитриев Л. А.* И. Я. Айзеншток // Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. [В 5 т.]. Т. 1: А—В / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 42—43.

[49] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 221. Л. 4—4 об.. [Письмо Е. Я. Архиппова С. А. Венгерову от 26 янв. 1916 г.].

Закономерным было и участие писателя, историка литературы П. В. Быкова в доставлении Венгерову подобных материалов. В течение всей жизни Петр Васильевич составлял «Словарь русских писателей» и «Словарь русских женщин-писательниц».[50] Вероятно, эти занятия подвигли Быкова и к собиранию «личных историй». Известно, что, по его просьбе, свои автобиографии ему выслали детская писательница Т. П. Барановская и писатель В. В. Муйжель.[51]

В течение длительного времени – с 1896 по 1913 гг. – сотрудничал с Венгеровым в сборе писательских жизнеописаний журналист и общественный деятель И. И. Попов. Он взял на себя заботу о представителях сибирской интеллигенции: В. А. Обручеве, Ю. Д. Талько-Гринцевиче, А. А. Корнилове, Д. Даурском <псевд. Д. П. Першина>, А. Даурском (псевд. А. И. Попова), В. С. Ефремове и др.[52]

Немало содействовал формированию коллекции автобиографий Венгерова Э. П. Юргенсон. Приемный сын известного музыкального критика и коллекционера П. Л. Вакселя, будучи сам собирателем и библиофилом, сотрудником Публичной библиотеки,[53] он использовал свои возможности и навыки для наведения не менее трех десятков необходимых Венгерову справок и уточнений биобиблиографического характера.

Показательно, что масштабностью замысла КБС привлек внимание не только сведущих библиографов, но и рядовых читателей. Среди них обращает на себя внимание уроженец Симбирска Б. Ф. Бонч-Осмоловский. В 1887 г. он –

---

[50] *Эльзон М. Э.* Быков Петр Васильевич // Русские писатели: Биографический словарь. 1800—1917. Т. 1. А—Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 381—383.

[51] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 293. Л. 1—10 [письмо Т. П. Барановской С. А. Венгерову от 27 февр. <1903> г.]; № 2491. Л. 2 [письмо В. В. Муйжеля С. А. Венгерову от 10 мая 1913 г.].

[52] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2938. Л. 1, 22 [письма (2) И. И. Попова С. А. Венгерову от 29 нояб. 1896 г. и 28 мая 1913 г.].

[53] *Эльзон М. Д.* Юргенсон Эрнест Петрович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: биогр. словарь. Т. 2. Императорская Публичная библиотека 1795—1917. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1995. С. 608—609.

семнадцатилетний юноша, ученик симбирской классической гимназии, впоследствии известный в Херсоне врач, возродивший хирургию в этом городе в середине 1900-х гг.,[54] был вдохновлен чтением первых пяти выпусков Словаря и предложил Венгерову свою бескорыстную помощь. Свидетельством неравнодушного творческого восприятия труда ученого является составленный Бонч-Осмоловским список неточностей и пропусков, замеченных им в КБС.[55]

Основатель и член Рязанской ученой архивной комиссии А. В. Селиванов предлагал свою помощь в составлении сведений о рязанских писателях.[56] Такого же рода содействие, но уже в собирании данных о московских литераторах, обещал москвич, писатель В. К. Вульферт.[57] На разных этапах работы Венгерова над КБС публицист кн. Г. М. Туманов выражал готовность доставлять информацию о представителях литературных и журналистских кругов Кавказа.[58]

Историк и востоковед В. К. Трутовский, горячо сочувствуя КБС и желая способствовать его успеху, брал на себя обязательство доставлять редактору издания справки об ориенталистах и нумизматах.[59]

Таким образом, в результате многолетних усилий Венгерова по созданию своеобразного банка «человеческих документов» возник и расширялся круг ревнителей его уникального собрания, немало потрудившихся ради его умножения и сбережения в нераздельной целостности. Их активное приобщение к

---

[54] *Зубрис Г.* Очерк о Борисе Федоровиче Бонч-Осмоловском. Источник: электронная публикация: http://www.proza.ru/2011/01/18/1696 (дата обращения: 19.10.2015).

[55] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 348. Л. 2—2 об. [письмо Б. Ф. Бонч-Осмоловского С. А. Венгерову от 26 апр.1887 г.].

[56] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 2015. Л. 1 об. [письмо А. В. Селиванова С. А. Венгерову от 2 марта 1888 г.].

[57] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 567. Л. 1—1 об. [письмо В. К. Вульферта С. А. Венгерову от 30 дек. 1887 г.].

[58] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 2266. Л. 1, 5 [письма Г. М. Туманова С. А. Венгерову от 30 дек. 1888 г. и 4 дек. 1915 г.].

[59] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 2259. Л. 1—2 [письмо В. К. Трутовского С. А. Венгерову от 12 июля 1888 г.].

усилиям Венгерова по архивации биографической памяти нескольких поколений российской интеллигенции не было случайным явлением. Со второй половины XIX в. биография и авторское жизнеописание становятся предметом повышенного общественного интереса и вызывают как появление значительного числа биобиблиографических справочников, так и возникновение частных коллекций, целью которых были сбор, хранение и публикация эгодокументов.

Именно своим неравнодушным помощникам Венгеров адресовал «литературное завещание», озвученное им в предисловии ко 2-му изданию КБС:

«Описанием того, что собрано в моем архиве, я надеюсь создать ему друзей и покровителей в том неотдаленном будущем, о котором, <…>, было бы крайне легкомысленно не думать человеку в 60 лет. Если такие друзья найдутся, поручаю им судьбы дела, которому придаю значение как полному учету всех русских литературно-научных сил».[60]

Подробность, с которой в предисловии описана «длинная и обильная всякого рода деталями история» Архива ученого, была вызвана его беспокойством о будущем своего научного детища. Он опасался того, что после его смерти, собранные им бесценные биобиблиографические сокровища останутся невостребованными и над Архивом нависнет угроза «распыления».[61] В 1918 г. в ходатайстве о принятии его под протекторат Главного управления архивным делом ученый писал: «<…> будет истинною потерею для русской науки, если

[60] *Венгеров С. А.* О первом издании «Критико-биографического Словаря. С. LXIX.

[61] Там же. Мысль о возможном «растаскивании» архива по различным учреждениям постоянно тревожила Венгерова. Так, в сентябре 1920 г. ученый выдвинул принципиальное условие передачи Архива Книжной палате. Оно было сформулировано следующим образом: «Архив принимается Российской Книжной Палатой как единое нераздельное целое и не может быть разделен ни в настоящее время, ни в будущее». См.: РО ИРЛИ. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 1. Л. 7 [копия договора С. А. Венгерова с Российской книжной палатой о передаче на хранение архива и библиотеки от 13 сент. 1920 г.].

этот огромный материал, которого хватит на много десятков очень убористых томов, останется похороненным в недрах архива».[62]

В рассматриваемый период в его строительстве и сбережении принимали участие не только отдельные лица, но и целые организации.

Первым учреждением, взявшим на себя обязательства по охране и научной обработке Архива, стал Литературно-библиографический институт, организованный по инициативе самого Венгерова в 1916 г.[63] Вскоре непростые экономические условия воспрепятствовали деятельности этого общественного библиографического учреждения. В 1918 г. его преемником стало Бюро для учета деятелей науки, литературы и высших учебных заведений Наркомпроса, а затем Российская Книжная палата в Петрограде, в 1920 г. преобразованная в Петроградский Институт книговедения. Ключевым пунктом при передаче Архива Книжной палате стала резолюция специально созданной Комиссии о сохранении собрания Венгерова «навсегда как нераздельного целого».[64]

Таким образом, Архив Венгерова постоянно находился в поле зрения организаций и частных лиц, неравнодушных к его будущему. Тем не менее, будущее показало, что тревоги ученого относительно судьбы его собрания оказались ненапрасными.

---

[62] РО ИРЛИ. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 3. Л. 12 [ходатайство С. А. Венгерова о принятии его литературного Архива и библиотеки под протекторат Главного управления архивным делом].

[63] Устав Литературно-библиографического Института. Пг., 1916. С. 3.

[64] РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 7 [Фомин А. Г. Литературно-библиографический архив С. А. Венгерова]; см. также: РО ИРЛИ. Дело фонда. Т. 1. Л. 16 об.

2. В испытаниях и странствиях: жизнь коллекции после смерти С. А. Венгерова

2.1. В Институте книговедения: 1920—1933 гг.

Институт книговедения открыл свои двери для венгеровского Архива в 1920 г. Вскоре он стал доступен широкому кругу посетителей, среди которых были и маститые исследователи, и только начинающие свой путь в науке студенты.[65] Сохранилась книга учета посетителей Архива с 1923 по 1931 гг. Согласно ее записям, в 1923 г. было всего 4 посещения Архива, но на следующий год их было уже 94. Кроме доступа к библиотеке и рукописным материалам, включая коллекцию автобиографий, в Архиве проводились экскурсии, знакомившие с ним.

В то же самое время материалы коллекции автобиографий начали использоваться для подготовки энциклопедических словарей и изданий сочинений русских писателей, а также для выставочных целей. Так, например, в 1928 г. в Институт книговедения обратилась Публичная библиотека с просьбой предоставить автобиографию М. Горького для посвященной писателю экспозиции. Спустя два года выполнение задания «Литературной энциклопедии» привело в Архив П. Н. Беркова, где он знакомился с жизнеописаниями отечественных литературоведов: Е. А. Ляцкого, П. О. Морозова и Б. Л. Модзалевского. В 1931 г. читателем Архива стал сотрудник журналов «Каторга и ссылка» и «Україна», научный сотрудник Ленинградского отделения Коммунистической Академии Н. А. Бухбиндер. Он работал с документами коллекции при подготовке к печати автобиографий писателей и публицистов, в том числе Д. Л. Мордовцева, М. Л. Кропивницкого, А. И. Стронина, Е. М. Белозерского, В. В. Беренштама, К. А. Белиловского. В том же году в связи

[65] Таким образом, венгеровский Архив выполнял не только научную, но и музейную функцию. См.: РО ИРЛИ. Ф. 377. Дело фонда. Т. 2. Л. 3—20.

с составлением Биографического Словаря деятелей Украины Всеукраинская Академия наук ходатайствовала о предоставлении М. М. Могилянскому возможности работать с коллекцией. Тогда же с ее документами знакомился И. Г. Ямпольский, готовивший книгу о поэтах «Искры».[66]

С переездом Архива в Институт книговедения начался медленный и кропотливый труд по систематизации и описанию его материалов. В 20-е гг. в это дело внесли неоценимый вклад сотрудники Института А. Г. Фомин, М. И. Савваитский и Н. А. Соколов, заложившие необходимое основание для полного учета и итоговой регистрации документов коллекции.

С ноября 1922 г. по 1923 г. включительно обязанности заведующего Архивом выполнял Александр Григорьевич Фомин (1887—1939) – преданный ученик Венгерова, один из главных ревнителей его Архива, последовательно отстаивавший идею его целостности. В январе 1920 г., еще при жизни ученого, на заседаниях Комиссии по ознакомлению с Архивом, образованной Президиумом Российской Книжной палаты, библиограф утверждал, что научная оценка значения венгеровского собрания возможна только при рассмотрении в неразрывном единстве всех его частей: картотеки, коллекции автобиографий, свода рукописей русских писателей и иконографических материалов.[67]

В 1924 г. Фомин оставил службу в Институте книговедения. Через два года он вернулся в него уже в качестве заведующего секцией библиографии[68] и в течение следующих четырех лет продолжал работу с коллекцией. Из составленной по запросу Центрального архивного управления докладной записки Фомина от 30 марта 1930 г., известно, что к концу этого срока материалы коллекции были в значительной части классифицированы, зарегистрированы в «кратком рукописном перечне» и расположены в алфавитном порядке по двум

---

[66] Там же. Л. 36, 42, 44, 55, 57, 64.

[67] РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 6 об. [протокол 2-го заседания Комиссии по ознакомлению с Литературно-Библиографическим Архивом профессора С. А. Венгерова 6 сент. 1920 г.].

[68] см.: *Берков П. Н.* А. Г. Фомин (1887—1939). Очерк жизни и научной деятельности. М.: Издательство Всесоюзной Книжной палаты, 1949. 43 с.

собраниям: 1-е собрание (автобиографии, вошедшие в КБС) и 2-е собрание (автобиографии, не вошедшее в КБС). Усилия Фомина привели к выявлению еще неучтенных материалов, обнаруженных в процессе разбора Архива. В результате были дополнены 1-е и 2-е собрания и сформировано 3-е собрание.[69] Кроме того, в Акте приемки Архива от Фомина указывалось на обнаружение еще 10 «пакетов» и 1 «папки», содержимое которых оставалось до тех пор вне поля зрения архивистов.[70]

За два года до представленного отчета Фомин принял решение вплотную заняться описанием рукописной части Архива, в том числе и коллекции жизнеописаний, с тем, чтобы под грифом Института книговедения опубликовать в течение пяти лет («при наличии соответствующих возможностей») пять тематически организованных сборников автобиографий.[71] В первый из них предполагалось включить книговедов и издателей; во второй – критиков и историков литературы (163 имени); в третий – политических деятелей и

---

[69] РО ИРЛИ. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 1. Л. 26—26 об. Составленная в 1930 г. краткая опись коллекции зарегистрировала: в 1-ом собрании – 3000 единиц хранения (материалы каждой из них хранились в отдельной пронумерованной папке; сами документы не были пронумерованы); во 2-ом собрании – 1107 единиц хранения (документы в них были пронумерованы; их наличие соответствовало «общей описи собрания»); в 3-ем собрании – 78 «папок» (документы в них не были пронумерованы; опись документов не составлена). Относительно «дополнений» к 1 и 2 собраниям была зафиксирована 1 папка с непронумерованными документами «на 191 листе».

[70] РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 112—112 об., 115—120 [докладная записка А. Г. Фомина директору Научно-исследовательского института книговедения А. Е. Плотникову, составленная в связи с запросом и циркуляром Центрального архивного управления РСФСР от 19 дек. 1929 – 30 марта 1930 г.; Акт о приемке литературно-библиографического собрания от бывшего заведующего этим собранием А. Г. Фомина – 14 июня 1930 г.].

[71] РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 109—110 [производственный план работы А. Г. Фомина в литературно-библиографическом собрании С. А. Венгерова на 1928—1929 ак<ademический> год – 20 октября 1928; производственный план работы А. Г. Фомина в литературно-библиографическом собрании С. А. Венгерова на 1928—1933 годы – октябрь 1928 г.].

публицистов (154 имени); в четвертый – деятелей по народному образованию (66 имен); в пятый – ученых по различным отраслям знаний.

Разумеется, такая работа составляла лишь часть должностных обязанностей Фомина и не могла быть осуществлена одним человеком. К 1930 г. количество планировавшихся сборников сократилось до четырех (был исключен пятый из них); к трем были составлены словники и определен объем. Библиограф предполагал снабдить публикацию каждого жизнеописания биографической справкой с информацией о тех событиях в жизни авторов, которые произошли уже после составления ими личной истории.[72]

Во время двухлетнего отсутствия Фомина в 1924—1926 гг. ни коллекция, ни Архив в целом не оставались без присмотра. К работе с ним подключился Николай Алексеевич Соколов (1884—1961). В круг его обязанностей входила выдача посетителям Архива различных справок. С ноября 1923 г. по январь 1925 г. Соколов занимался проверкой наличности автобиографий первого и второго собраний. При этом за инвентарную опись он принял алфавитный перечень лиц, помещенный в 1-м томе 2-го издания КБС.[73] Коллекция жизнеописаний оказалась в руках человека, по словам его позднейших коллег, «огромного трудолюбия, скрупулезного и тщательного».[74] Эти профессиональные качества как нельзя более подходили для человека, делавшего первый шаг на пути научного описания коллекции. Несомненно, что полученный в эти годы филологический опыт помог Соколову позднее, уже в послевоенное время, стать компетентным библиографом, специалистом в области истории древнерусской литературы и квалифицированным палеографом-практиком.

Тем не менее, по всей видимости, именно между Соколовым и учениками Венгерова, возникла конфликтная ситуация, спровоцированная, прежде всего тем,

---

[72] Там же. Л. 130–143.

[73] См. РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 65—66 [отчет Н. А. Соколова о его работе с ноября 1923 г. по 16 января 1925 г.]

[74] *Альшиц Д., Розов Н.* Николай Алексеевич Соколов (Некролог) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVIII. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 601—602.

что некоторые из них, в том числе и Фомин, уже не являясь сотрудниками Института книговедения, вынуждены были со стороны наблюдать за происходившим с Архивом. Вероятно, означенное противостояние отчасти усугублялось тем обстоятельством, что Н. А. Соколов не принадлежал когорте воспитанников Венгерова, весьма ревностно относившихся как к памяти об ученом, так и к судьбе его биобиблиографического детища.

В апреле 1924 г. они дважды собирались для обсуждения неблагоприятной, с их точки зрения, ситуации с Архивом, а 20 мая обратились с письмом в Институт книговедения. В этом послании они утверждали, что к подготовке издания материалов Архива был привлечен человек, совершенно с ним не знакомый, в то время как глубоко осведомленные в вопросах происхождения и истории Архива ученики Венгерова были, напротив, полностью отстранены от какого-либо участия в этом деле. Авторы письма выразили возмущение тем фактом, что «некоторые части» собрания ученого подверглись «уничтожению»: имелась в виду продажа «на макулатуру» подборок газет. Обвинение Институту в неуважении к делу жизни Венгерова основывалось на утверждении, что нынешние его руководители опирались «на свое формальное право распоряжаться <…> Архивом самолично» и отказывались от необходимой «широкой общественной постановки вопроса». Письмо заканчивалось предложением учредить компетентную комиссию, в которую вошли бы представители общественных и научных организаций, а также ученики Венгерова, что гарантировало бы достойный его памяти высокий научный уровень издания его Архива. Идею создания подобной комиссии горячо поддержала вся семья Венгеровых.[75]

---

[75] РО ИРЛИ. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 1. Л. 7–8; То же: Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 51–52 [письмо учеников С. А. Венгерова в Ленинградский институт книговедения от 20 мая 1924 г.; письмо Вс. С. Венгерова его в Ленинградский институт книговедения – май 1924 г.] Под письмом учеников С. А. Венгерова стояла 21 подпись, в т. ч. С. И. Бернштейна, Л. В. Булгаковой, В. В. Буша, А. П. Виноградова, А. А. Гизетти, И. В. Егорова, Н. В. Измайлова, А. С. Искоз-Долинина, М. К. Клемана, В. Л. Комаровича, Б. И. Коплана, Ю. В. Оксмана,

Дальнейшие события развивались в духе времени, когда неосторожно брошенное слово могло обернуться политическими репрессиями. Руководители Института книговедения, конечно, хорошо знали об этом. В ответ на обращение учеников профессора они, в свою очередь, составили провокационное заявление, названное А. Г. Фоминым «прикрытым доносом». Оно было адресовано в Административный подотдел Ленинградского Губисполкома и содержало просьбу сообщить, «является ли *утвержденной и зарегистрированной организация учеников покойного профессора С. А. Венгерова в Ленинграде* <курсив мой. – *Е. К.*>». Спустя несколько дней, более развернутое послание было направлено в Наркомпрос. В этом документе говорилось уже о «*самочинной*» «*неизвестной организации* <курсив мой. – *Е. К.*>, именующей себя “учениками проф. С. А. Венгерова по разным высшим учебным заведениям и разных эпох его профессорской деятельности”».[76]

Ситуация изменилась накануне нового 1925 года. К этому времени в Институте книговедения начала проводиться характерная для советской действительности 1920-х гг. реорганизация «на здоровых началах»: полностью сменилось его руководство, и был назначен новый директор. Одновременно с этими преобразованиями зашла речь о целесообразности передачи Архива в Пушкинский Дом. Венгеров сам неоднократно высказывался о такой возможности, полагая, что именно это научное учреждение лучше всех будет соответствовать характеру и целям Архива в случае изъятия его из Книжной Палаты или закрытия последней.[77] Однако сам процесс перевода прав на Архив от одной организации к другой был тернист и длителен.

Е. А. Невзнера, А. А. Попова, И. Я. Рабиновича-Ларина, А. Л. Слонимского, Ю. Н. Тынянова, А. Г. Фомина, В. М. Чистякова, Н. В. Яковлева.

[76] РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 56; 57—58 об. [запрос руководства Института книговедения в Административный подотдел Ленинградского Губисполкома от 21 мая 1924 г.; письмо Института книговедения, за подписью его директора Н. Никольского и ученого секретаря А. Ловягина в Наркомпрос от 24 мая 1924 г.].

[77] РО ИРЛИ. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 1. Л. 15.

Положительную роль в сглаживании противоречий между Институтом книговедения и сообществом учеников Венгерова сыграли Ю. Г. Оксман и И. В. Егоров. От них Фомин получил полезные советы о тактике ведения с Институтом переговоров о передаче Архива в Академию наук. Так, Фомину было рекомендовано для пользы дела не диктовать свою волю учреждению, а настроиться на конструктивный лад, отказавшись от каких бы то ни было «военных действий». Действительно, вновь назначенный директор Института книговедения Е. В. Самойлов выразил готовность к передаче Архива Пушкинскому Дому. Более того, для успешного завершения переговорного процесса именно он предложил в качестве дипломатического хода не называть Архив архивом, а именовать его «собранием рукописей и материалов С. А. Венгерова». Глава Института полагал, что в этом случае на него не смог бы претендовать (по выражению Самойлова, «наложить лапу»)[78] Центроархив и оно получило бы реальный шанс поступить именно в Пушкинский Дом.[79]

В первой половине февраля 1925 г. Комиссия при Ленинградском отделении Главнауки, занимавшаяся решением судьбы венгеровского Архива, провела несколько заседаний. В ходе состоявшихся на них дискуссий Н. А. Котляревский и В. В. Сиповский высказались о возможности расчленения Архива. Три четверти его, по мнению Сиповского, представляли для Института книговедения ненужный балласт («инородный элемент») в силу недостатка квалифицированных исследователей; библиографическая часть (картотеки), напротив, была профильно ориентирована на Институт и, в силу своей неоспоримой ценности, должна была остаться в сфере его научной ответственности. Н. А. Котляревский полагал, что дробление Архива сделает его

[78] РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 63—64 об. [письмо И. Егорова А. Г. Фомину от 2 янв. 1925 г.; Письмо Ю. Г. Оксмана А. Г. Фомину – янв. 1925 г.].

[79] В 1930 г. Пушкинский Дом получил статус Института новой русской литературы в 1930 г., с 1931 г. – стал именоваться Институтом русской литературы. Подробнее см.: *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 1905—1930—1980: Ист. очерк. Л.: Наука, 1980. С. 74—81.

использование наиболее целесообразным и не нанесет никакого оскорбления памяти его создателя.[80]

Неудивительно, что именно А. Г. Фомин, В. С. Спиридонов и А. С. Долинин – преданные ученики Венгерова, последовательно отстаивавшие его «литературное завещание», горячо воспротивились этим предложениям и обратились в АН СССР с письмом. В нем утверждалось, что Архив создавался по определенному плану и являлся не сводом «случайных историко-литературных и библиографических материалов», а единым организмом, своеобразным учреждением, в котором было собрано все, что относилось к изучению русских писателей: их рукописи, письма, печатные издания сочинений, литература о них, а также их портреты.[81] По мысли авторов послания, «распыление» Архива, которого так опасался его создатель, может привести к необратимому и неоправданному разрушению структуры построенного им уникального хранилища биографической памяти, интеллектуальной и творческой мысли целого поколения. Несмотря на то, что принципиальное решение о передаче Архива в Пушкинский Дом было достигнуто, прошло еще восемь лет, прежде чем он поселился в его стенах.

Незадолго до этого события, в 1932 г. вновь всерьез встал вопрос о целостности и сохранности Архива. В Институте книговедения уже началась его упаковка, когда появился новый претендент на владение им – организующийся в Москве Литературный Музей.

Переезд в столицу означал не только разрыв культурно-исторических и научных связей Архива с Ленинградом, но и возможные при этом утраты его материалов. Драматизм развивавшихся в этой связи событий отразился в письмах

---

[80] РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 70—70 об. [Протокол совещания Комиссии при Ленинградском отделении Главнауки – февр. 1925].

[81] Там же. Л. 71—76 [обращение А. Фомина, В. Спиридонова, А. Долинина в АН СССР о недопустимости дробления собрания Венгерова в связи с реорганизацией Института книговедения и передаче его в Пушкинский Дом]. См. также: РО ИРЛИ. Ф. 377. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 1. Л. 14.

встревоженных членов семьи ученого к основателю музея В. Д. Бонч-Бруевичу и Народному комиссару просвещения А. С. Бубнову.

В послании к наркому родные Венгерова в очередной раз были вынуждены вновь встать на защиту его главной заповеди – сохранения Архива в неразрывной целостности. По их мнению, именно Академия наук являлась единственным местом, где собранию, обладавшему общепризнанной уникальной ценностью, больше не грозили бы опасности, связанные с возможными измениями в судьбе самого места его хранения. Авторы письма имели все основания для тревоги, допуская вероятность дальнейшей реорганизации Литературного музея. При этом они апеллировали к событиям десятилетней давности, когда были предприняты попытки передать Архив в Высший литературно-художественный институт, основанный в Москве в 1921 г. по инициативе В. Я. Брюсова.[82] К счастью, усилиями семьи и учеников Венгерова тогда этого удалось избежать и тем уберечь Архив от возможного «распыления, так как «Брюсовский институт» был вскоре расформирован.

Составители документа уже имели опыт перевозок Архива внутри города и знали, сколь тяжело отзывается всякий перенос в другое место столь крупного собрания, в составе которого были «двухмиллионная картотека, собрание редчайшей ценности писем, автобиографий, 1.200 фотографий только Пушк<инского> собр<ания>, ценнейшие книги и т. д.». Они не сомневались, что перемещение Архива в другой город «при наших условиях упаковки, погрузки, перевозки, ж.-д. транспорта» повлечет за собой невосполнимые утраты, когда даже самая малая из них станет «потерей уникума».

Резонность оставления Архива в Ленинграде обосновывалась тем, что труды и дни самого Семена Афанасьевича были неразрывно связаны именно с Петербургом – Петроградом; здесь находилась целая плеяда его учеников,

---

[82] С 1924 г. – им. В. Я. Брюсова; в обиходе – «Брюсовский институт». См.: *Шмидт С. О.* Высший литературно-художественный институт // Москва: энцикл. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 197.

детально знавших Архив и способных с наибольшей пользой заниматься разработкой его материалов и приведением их в должное состояние.[83]

Обращение близких Венгерова возымело положительный отклик и подвигло Анну Петровну Венгерову, жену его сына Всеволода, направить В. Д. Бонч-Бруевичу письмо, в котором, кроме благодарности за понимание и содействие, содержалась просьба о поддержке дальнейших планов по изучению Архива. Они касались перспективы публикации его материалов. Их издание, по мысли Венгеровой, должно было исключить даже случайные лакуны: они могли бы привести к «обескровливанию» и обесцениванию Архива.

Как и многие другие, она полагала, что успеху предприятия должно было способствовать широкое привлечение к работе «моральных наследников» С. А. Венгерова. Это убеждение имело для Анны Петровны особое значение, поскольку в это время один из них, ее муж Всеволод находился в ссылке в Коканде и был оторван и от семьи, и от занятий в отцовском Архиве. Венгерова писала:

«<…> большим минусом для архива (и горем для нас) является невольное <…> отсутствие в последние годы сына С<емена> А<фанасьеви>ча – Вс<еволода> Сем<еновича> <…>, который, помимо родственной близости, когда-то много работал над созданием архива <…>».[84]

Несомненно, скрытая надежда на содействие Бонч-Бруевича в деле возвращения мужа из изгнания заставило супругу Всеволода Семеновича перевести разговор в менее формальное русло и напомнить адресату о состоявшемся некогда личном знакомстве с ним. Автор письма вспоминала:

«Вы этого, конечно, не помните, благодаря мимолетности – когда-то меня познакомил с Вами Вацл<ав> Вацл<ович> Воровский (раза два я встречала Вас, помнится, с супругой, у Воровских – это было, если не ошибаюсь, в зиму 1914—15 гг., – которую мы прожили с ними вместе у них на Церковной улице, вскоре после возвращения из Вологод<ской> ссылки, куда

[83] РО ИРЛИ. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 3. Л. 32—33 об., 35 об.—36.

[84] Там же. Л. 31–31 об.об., 34— 34 [письмо А. П. Венгеровой В. Д. Бонч-Бруевичу – 1932 г.].

были сосланы одновременно Вацл<ав> Вацл<ович> и мой муж Всев<олод> Семен<енович> Венгеров, – очень сблизившая нас с ними».[85]

Подводя краткий итог сказанному, отметим, что тринадцатилетний период жизни Архива, начавшийся в год кончины Венгерова, был наполнен драматическими событиями, которые были связаны с усилиями его учеников и соратников по сохранению целостности Архива. В это же самое время началась работа по его изучению, систематизации и описанию. Благодаря стараниям работников Института книговедения и прежде всего А. Г. Фомина, были сделаны первые попытки подготовить частичную публикацию материалов из коллекции автобиографий.

2. 2. В Пушкинском Доме

2.2.1. От «Литературного Архива С. А. Венгерова» к «Венгеровскому сборнику»

Период 1933—1937 гг. в жизни Архива и, разумеется, в судьбе коллекции жизнеописаний, связан, прежде всего, с именем Всеволода Семеновича Венгерова (1887—1938). Он родился через год после выхода в свет первых выпусков КБС и вырос, наблюдая за научной и собирательской деятельностью отца.

В 1913 г. Всеволод получил диплом Петербургского университета и попробовал свои силы на юридическом поприще в качестве присяжного поверенного. Одновременно он печатался в «Современнике» и «Вопросах страхования», помещая в этих журналах статьи по проблемам профессионального движения и страхования рабочих.

Как и все члены большой семьи Семена Афанасьевича, Всеволод делом поддерживал его разнообразную научно-издательскую деятельность, помогая в устройстве и организации его обширного и разностороннего собрания. Так,

[85] Там же. Л. 31 об.

например, он подбирал иллюстративный материал к статьям Венгерова в НЭСБ. Как человек, прекрасно ориентировавшийся в отцовском Архиве, Всеволод советовал своей жене Анне Петровне, тоже принимавшей участие в этом деле, непременно пользоваться «батькиными» картотеками и не пренебрегать «личными указаниями Александра Григорьевича <Фомина>».[86] В дальнейшем полученные от отца навыки позволили Всеволоду активно заниматься библиографической работой. Связанный семейными узами с Архивом, он использовал свое привилегированное положение при составлении библиографического указателя произведений В. Г. Короленко, в значительной мере основанного на материалах отцовских картотек.[87]

В 1928 г., как раз тогда, когда в производственных планах Фомина на пятилетку была письменно сформулирована идея издания автобиографий, Всеволод вернулся в Ленинград после долгого отсутствия. Замысел Фомина не мог не встретить поддержки у сына Венгерова. Однако в 1930 г. Фомин уволился из Института книговедения и в следующем году стал сотрудником Института книги, документа и письма АН.[88] А еще через год Всеволод Венгеров был сослан в далекий Коканд.[89]

Эти обстоятельства отодвинули на несколько лет осуществление задуманного издания. Возможно, не без участия Бонч-Бруевича, в 1933 г. Всеволод вернулся из своего среднеазиатского изгнания и начал трудиться в системе общественного питания Петроградского, а несколько позднее

---

[86] Письмо Вс. С. Венгерова А. П. Венгеровой от 8 марта 1911 г. Цит. по: *Панов Л. С.* Остался честным перед своей совестью // Библиография. 1993. № 6 (262). С. 102—103.

[87] Библиографический указатель произведений В. Г. Короленко и литература о нем / сост. Вс. Венгеров // Жизнь и литературное творчество В. Г. Короленко. Сб. статей и речей к 65-летнему юбилею. Пг.: Культура и свобода, [1919]. С. 98—140.

[88] С 1936 года этот Институт вошел в состав Института истории АН.

[89] В Коканде ссыльный Вс. С. Венгеров трудился экономистом Городского Потребительского общества и Рабочего кооператива. См.: РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 5. № 222. Л. 1 об. [автобиография Вс. С. Венгерова].

Октябрьского районов северной столицы. Тогда же он вернулся к своим занятиям в Архиве, только что разместившегося в стенах Пушкинского Дома.

Всеволод Семенович лелеял мечту о таком издании, которое во всей полноте отразило бы на своих страницах неисчерпаемые документальные богатства Архива, превратившись в нерукотворный памятник его создателю. С этой целью в 1934 г. Вс. Венгеров ходатайствовал о включении «Литературного архива С. А. Венгерова» в планы издательства «Academia». Обсуждались несколько вариантов программы издания.[90] Согласно одной из них – наиболее развернутой, предполагалось подготовить пять тематических сборников. В процессе разработки принципов издания пришло понимание того, что в ближайшие годы возможна публикация лишь некоторых, заслуживающих наибольшего внимания материалов собрания. К ним он отнес собрание писем и коллекцию автобиографий. «Если для специалистов, - писал он, - интересно будет издание ранее неопубликованных материалов, то для широкого круга читателей представляется целесообразным включить в издание и некоторые из наиболее важных автобиографий, хотя и напечатанных, но разбросанных по разным изданиям и потому мало доступных».[91]

Сужение задач повлекло за собой изменение заглавия и структуры издания. Оно стало именоваться «Венгеровским сборником». Всеволод Семенович работал над ним совместно с историком и теоретиком литературы, переводчиком Б. М. Энгельгардтом (1887—1942). Сохранились подготовительные материалы для нескольких выпусков планировавшегося издания.[92] Одни из них были посвящены публикации только эпистолярной части Архива. Другие, как например, тематический сборник «Литература и общественность 70-х — 80–х гг.», состояли из двух больших разделов: «Письма» и «Автобиографические

[90] РО ИРЛИ. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 1. Л. 56—60.

[91] Там же. Л. 67 об. [письмо Вс. С. Венгерова в издательство «Academia» — 1934 г.]

[92] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 5. №№ 205—217. Судя по помете в одном из дел фонда, к работе над «Венгеровским сборником привлекался Л. М. Добровольский (№ 216). В частности, он готовил тексты писем Г. А. Лопатина С. А. Венгерову.

материалы».[93] Готовившиеся к публикации тексты предварялись вступительными заметками и сопровождались комментариями публикаторов.

Однако ни один из выпусков «Венгеровского сборника» так и не вышел из печати. Судьба этого и ряда других изданий Пушкинского Дома была трагически связана с репрессиями, коснувшимися сотрудников академических учреждений. В 1936 г. заместитель директора ИРЛИ Ю. Г. Оксман был репрессирован и сослан на Колыму.[94] Вскоре та же судьба постигла и Всеволода Семеновича. Для него дело закончилось гораздо печальнее: в 1936 г. он был арестован, сослан в Каракалинск, а в следующем году расстрелян.[95] Б. М. Энгельгардт пережил своего коллегу всего на четыре года и скончался в блокадную зиму 1942 г.

Родившись в семье известного профессора русской словесности, Всеволод Венгеров, казалось, с юных лет был «обречен» на филологические занятия. Из всех детей ученого именно он более всех подходил на роль человека, стоящего на страже Архива отца и радеющего о его печатном воплощении. Однако обстоятельства личной судьбы Всеволода Семеновича, драматически переплетенные с событиями российской истории 1920-х — 1930-х гг. не позволили этим планам осуществиться. Работа над задуманным им «Венгеровским сборником» не была завершена.

2.2.2. От архивной описи к комплексному научному изданию

Более чем на двадцать лет Архив С. А. Венгерова выпал из круга научных интересов исследователей. Прежде всего, это обстоятельство объясняется военными годами, в целом на несколько лет заморозившими архивные изыскания

---

[93] РО ИРЛИ. Дело фонда С. А. Венгерова. Т. 1. Л. 61—61 об.

[94] См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 497.

[95] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 5. № 226. Л. 1 [уведомление Военного трибунала Туркестанского военного округа № 4360 от 18 дек. 1990 г., направленное генеральному директору Вологодского музея-заповедника].

Пушкинского Дома. Другая причина, скорее всего, была связана с именем Всеволода Венгерова, опальная судьба которого повлекла негласный запрет на возвращение к изучению историко-культурного наследия его отца. Только после посмертной реабилитации Всеволода Семеновича в 1958 г.[96] началось постепенное возрождение внимания к Архиву его отца. До 1959 г. в отчетно-плановых документах Рукописного отдела венгеровское собрание упоминается очень редко и то лишь в связи с перестановками картотек.[97]

С января 1958 г. сотрудником Рукописного отдела стала Нина Тимофеевна Панченко (1917—1992). Здесь в течение тринадцати лет она выполняла обязанности ответственной за Разряд VI (Справочно-библиографическое собрание).[98] С 1959 г. под руководством Л. М. Добровольского (1900—1963) Нина Тимофеевна занималась систематизацией картотек Рукописного отдела, в том числе и принадлежавших венгеровскому Архиву. Однако вскоре в сферу ее научных интересов попали и другие его разделы: эпистолярий и коллекция автобиографий.[99] Разработку

[96] Там же.

[97] См.: РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 15 [планы и отчеты Рукописного отдела Пушкинского Дома].

[98] Подробно о деятельности Н. Т. Панченко на этом посту рассказала Н. А. Хохлова в докладе «История справочно-библиографического собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома» (доклад прочитан 4 дек. 2014 г. на XVIII Научных чтениях Рукописного отдела, посвященных 140-летию Б. Л. Модзалевского).

[99] Через короткое время после вступления в должность исследовательница подготовила ряд работ, имевших непосредственное отношение к Архиву Венгерова. См.: *Панченко Н. Т.*: 1) С. Венгеров о встрече с Л. Толстым в 1882 году [К публикации выдержек из писем С. А. Венгерова к З. А. Венгеровой от 22 и 29 января 1882 года] // Русская литература. 1961. № 1. С. 211—213; 2) Библиографическое собрание Рукописного отдела Пушкинского Дома // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 204—209; 3) Биобиблиографические материалы Рукописного отдела Пушкинского Дома // Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти (труды 1-го совещания архивистов Академии наук СССР и Академии Наук. 17—23 мая 1967 г.). М., 1968. С. 244—256 ; 4) Из неопубликованных писем А. Блока к С. А. Венгерову (О переводах Блока из Байрона и «Очерке литературы о

связанной с нею тематики Н. Т. Панченко считала перспективной и обладавшей безусловным историко-литературным значением. В 1961 г. для журнала «Русская литература» она подготовила статью «Венгеров и его критико-биографический словарь», в которую предполагала включить публикацию некоторых материалов коллекции.[100] Через семь лет накопленный опыт позволил исследовательнице взяться за составление обзора коллекции.[101]

С 1963 г. Нина Тимофеевна была наставницей внештатного сотрудника ИРЛИ М. М. Орлова, который в в дальнейшем в течение шести лет на общественных началах занимался оформлением эпистолярной части Архива. Активное освоение всего его комплекса началось в 1970 г., когда к работе подключились Анатолий Дмитриевич Алексеев (1922—1990) и Ирина Михайловна Юдина (1922—1987). Они занимались, в том числе, составлением рабочей картотеки 2-го и 3-го собраний коллекции. Знакомство с ней подвигло А. Д. Алексеева к подготовке публикаций ряда автобиографий. Наиболее сложная часть Архива – «россыпь» – досталась И. М. Юдиной. В 1963 г. к исследованию Архива обратилась Лидия Павловна Архипова (1932—1989). Она приступила к разбору и систематизации материалов картотеки Венгерова «Русские книги XX века». С 1978 г. другие разделы Архива ученого стали постоянным объектом скрупулезного труда Лидии Павловны. Она занималась полистным просмотром документов, составлением заголовков, нумерацией листов, оформлением обложек, написанием карточек для каталога и пр. Особая заслуга архивистки состояла в атрибуции большого числа эпистолярных документов (ф. 377, оп. 4). С 1984 г. в сферу ее служебных обязанностей вошло оформление коллекции

Грибоедове») [публикация, вступит. заметка и коммент. Н. Т. Панченко] // Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 333—340.

[100] РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 15 [протокол производственного совещания Рукописного отдела Пушкинского Дома от 21 февраля 1961 г.]. К сожалению, эта работа так и не вышла в свет.

[101] РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 15 [планы и отчеты Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1968 г.]

автобиографий в соответствии с современными архивными требованиями. Через непродолжительное время эта работа полностью легла на плечи Галины Григорьевны Поляковой (1926—2002) и Маргариты Валерьяновны Родюковой.

Они обнаружили и присоединили к коллекции более шестидесяти новых «дел», которые не были включены фондообразователем ни в одно из ее «собраний». Среди них, например, уже упоминавшиеся жизнеописания С. Л. Геевского, А. М. Гинзбурга, В. Г. Фотиева, С. И. Антоновского, Г. С. Чирикова. Из соображений целесообразности при обращении исследователей к материалам коллекции три составляющие ее «собрания» были объединены в едином алфавите одной описи (оп. 7). При этом каждая единица хранения получила свою архивную «прописку». С точки зрения истории формирования коллекции, упразднение старых «венгеровских» шифров было бы ненаучным. Понимая это, обработчики «удержали» их графе «отметки», что позволяет реконструировать ее первоначальный вид и пути формирования.

Благодаря самоотверженным усилиям работников Пушкинского Дома документы коллекции автобиографий были окончательно систематизированы и в 1998 г. опись коллекции была утверждена Центральной экспертной комиссией Архива РАН. Так в результате подвижнического труда нескольких поколений исследователей долгий путь оформления коллекции завершился.

Еще в 1989 г. вопрос об издании автобиографий русских писателей из коллекции Венгерова обсуждался на заседании Ученого совета. В целом эта инициатива была встречена научным сообществом с воодушевлением. Участники дискуссии поделились важными соображениями относительно принципов отбора материала для издания. Так, В. П. Степанов был сторонником публикации всего корпуса автобиографий, без ограничения исключительно писательскими жизнеописаниями. Он также предложил сопровождать их краткими

комментариями, но лишь в тех случаях, когда авторские «показания» вызывали сомнения.[102]

Поставленные цели требовали создания специальной группы при Секторе библиографии и источниковедения. В 1990 г., по инициативе В. Н. Баскакова и В. А. Мыслякова, она была сформирована. Участниками группы под руководством В. А. Мыслякова стали Э. Г. Гайнцева, И. И. Долгов, Е. Д. Конусова, Н. Н. Лаврова, Г. В. Обатнин и И. И. Разова.

Однако вскоре стало очевидно, что планы, предполагавшие публикацию автобиографий, требовали гораздо более значительных исследовательских сил и времени. В связи с этим научная концепция издания была в корне изменена. Было принято решение создать аннотированный указатель коллекции.[103] Он должен был стать путеводителем по документальным лабиринтам построенного Венгеровым хранилища биографической памяти.

31 января 1991 г. на заседании Сектора В. А. Мысляков прочел доклад на тему «Автобиографическое собрание С. А. Венгерова. Аннотированный перечень документов».[104] Итогом многолетнего напряженного труда сотрудников Института стал двухтомный справочник «Русская интеллигенция».[105] Это издание открыло новую страницу в изучении коллекции, позволив расширить и уточнить данные о ее структуре и предоставив широкому кругу читателей пользоваться детализированными сведениями об объеме, датировке и содержании каждого входящего в нее документа.

---

[102] РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 1. № 1200. Л. 39—40 [протокол заседания Ученого совета Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР от 4 дек. 1989 г.].

[103] РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 1. № 1202. Л. 12 [исследовательские планы ИРЛИ на 1991 г.].

[104] *Мысляков В. А.* О венгеровском «автобиографическом собрании» и о подготовке указателя к нему // Русская литература,1996. № 4. С 156—171.

[105] Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель в 2 тт. / Под ред. В. А. Мыслякова. СПб.: Наука, 2001—2010.

3. Структура коллекции

3.1. Основной состав коллекции

Коллекция жизнеописаний насчитывает более четырех тысяч единиц хранения, зафиксированных в седьмой описи фонда С. А. Венгерова (ф. 377). Автобиографии образуют фундамент этой части обширного Архива ученого. На их анализе преимущественно будет сосредоточена вторая глава диссертационного сочинения. Однако следует подчеркнуть, что спектр документов в коллекции, весьма широк в видовом и жанровом отношении, включая в себя:

1. саможизнеописания;

2. биографии, составленные третьими лицами;

3. письма, дополняющие, а подчас и вносящие исправления в ранее высланные либо ранее опубликованные автобиографические и библиографические сведения;

4. письма-обращения к Венгерову с просьбой дать критическую оценку первым шагам в литературе;

5. библиографические листки за тот или иной год;

6. вырезки, отдельные оттиски, отдельные брошюры с биобиблиографическими сведениями;

7. списки печатных работ;

8. формулярные списки;

9. заявления о вступлении в члены Союза взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе (СВРП) и Союза писателей, оказавшиеся в руках Венгерова в связи с его активной деятельностью в этих общественных литературных организациях.

Приведенный перечень обнаруживает видовое разнообразие документов в коллекции, при этом далеко не каждое лицо представлено в ней «личной историей». В немногих, хотя и далеко не единичных случаях, материалы «дела» ограничены библиографическими сведениями, лишь изредка сопровождаемыми

незначительными автобиографическими «вкраплениями». Так, например, «досье» писателя В. Г. Авсеенко (№ 31) и историка литературы М. Н. Мазаева (№ 2261) содержат лишь библиографический листок за 1890 и 1897 гг. соответственно; под именем искусствоведа и библиографа В. Я. Адарюкова обнаруживается лишь список его печатных работ (№ 45). Никакие другие материалы, кроме заявления в Комитет СВРП, не наличествуют в «делах» писательницы Л. Ф. Маклаковой (№ 2279), томского журналиста П. И. Макушина (№ 2289) и ряда других корреспондентов Венгерова.

Большей частью документы из приведенного списка, за исключением автобиографий и биографий, составленных третьими лицами, носят справочный характер. Они предоставляют дополнительные, но не всегда второстепенные данные для характеристики жизненного пути человека. Сохранение их в архиве ученого неслучайно: даже незначительные факты, которые авторы сообщали о себе, представляли для него ценность.

Несмотря на кажущуюся информационную скудость, эти материалы нередко являются единственными сведениями биографического характера о том или ином лице. Так, некоторые, пусть и очень бедные, детали из жизни саратовского литератора-самоучки Н. М. Бажанова (№ 247) все же можно почерпнуть из его послания к Венгерову, в котором содержится просьба дать критическую оценку литературным опытам начинающего автора.

Иногда документы этого рода выходят за рамки сугубой информативности. Так, например, в «деле» Н. Н. Герардова хранится один-единственный лист малого формата, на котором рукой писателя и литературного критика В. Ф. Боцяновского зафиксирована сфера деятельности этого петербуржского художника и названа дата его трагической кончины. Однако безэмоциональность этих мизерных сведений нарушается последующей драматической записью Боцяновского:

«8 марта 1919 г., в 1 ч<ас> дня покончил жизнь самоубийством. “Не могу больше. Мне нечем жить, нечем содержать детей. Сейчас иду к Луначарскому, отдам ему детей, а сам

покончу с собой”. Слова эти он сказал мне накануне самоубийства на улице (у Тучкова моста). Проводил меня несколько шагов».[106]

Не следует умалять значение сопроводительных писем: их содержание, формальное по своему назначению, в целом ряде случаев включено в насыщенный автобиографический контекст (см., например, письмо В. Н. Перетца к Венгерову от 19 нояб. 1905 г.).[107]

Иногда биографии, составленные друзьями, родственниками или коллегами персонажа коллекции, писались с его слов и под его контролем и, по сути дела, имели статус автобиографии. Скажем, жизнеописание профессора философии Московского университета Н. Я. Грота (№ 1221) было составлено его учеником Е. Н. Челкановым, а затем подвергнуто тщательному просмотру и исправлениям самого героя повествования. Доктор медицины В. В. Строганов сообщал, что история его жизни была рассказана «одним лицом», хорошо осведомленным не только с ее событиями, но и с содержанием его трудов.[108] Данные об авторе пьес, стихотворений и переводов А. П. Федорове были составлены с его собственных слов библиографом Г. И. Родзевичем, о чем сообщалось при передаче сведений в венгеровский архив.[109]

Поскольку ученый придавал первостепенное значение информации, исходившей «из первых уст», жизнеописания в некоторых случаях сопровождались его пометами, подтверждавшими аутентичность повествования. Например, сведения об историке литературы, фольклористе и этнографе Л. Н. Майкове были собраны самим редактором КБС и снабжены следующей записью:

«1-я страница просмотрена самим Л<еонидом> Н<иколаевичем> и может считаться автобиографическим показанием. Подчеркнутое синим – собственноручные его пометки».[110]

---

[106] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1042. Л. 1—1 об.

[107] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2792. Л. 3—4 об.

[108] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3433. Л. 1.

[109] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3663. Л. 2 об.

[110] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2267. Л. 2.

Степень правдивости полученных данных Семен Афанасьевич по возможности оценивал и проверял. Так, в 1915 г. в его архив поступило письмо писателя Б. А. Лазаревского с краткими биографическими сведениями о В. В. Маяковском. В них датой рождения поэта было указано 6 июля 1894 г. Что-то заставило редактора КБС усомниться в верности этих сведений и позвонить самому Маяковскому. В результате дата рождения, сообщенная Лазаревским, была уточнена, а на документе появилась помета Венгерова: «В телефонном разговоре со мною Маяковский сказал: ″7 июля″».[111] Очерк на английском языке Т. Е. Торпа (T. E. Thorp), появившийся на страницах одного из номеров журнала «Nature» за 1889 г., является единственным документом в коллекции, связанным с жизнью Д. И. Менделеева. На полях вырезки из этого издания читается следующая запись рукой Венгерова: «Получено от Д. И. Менделеева <…> в качестве одной из лучших и наиболее достоверных статей о нем».[112]

Таким образом, можно утверждать, что составленные «со слов» биографии в ряде случаев могут быть с соответствующими оговорками приравнены к автобиографиям. Подлинность полученных сведений была важна для составителя КБС, что не раз подтверждается его пометами. В отношении ряда персонажей собрания неоспоримо источниковедческое значение и других видов документов. Среди них встречаются, если не информационно «нулевые», то достаточно бедные в этом отношении письменные свидетельства. Это обстоятельство, однако, не отменяет их ценности, поскольку они нередко являются единственным источником сведений о том или ином лице.

[111] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2355. Л. 3.

[112] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2371. Л. 1.

3.2. Дополнения к коллекции: фото- и эпистолярные материалы Архива Венгерова

В процессе целостного изучения коллекции стало очевидно, что ее подлинные границы гораздо шире материалов, зафиксированных в 7-ой Описи фонда Венгерова.

Прежде всего, речь идет о присылавшихся Венгерову вкупе с автобиографиями фотографических портретах. При передаче Архива ученого из Института книговедения в Пушкинский Дом все иконографическое собрание перешло в ведение Литературного музея ИРЛИ.[113] При составлении Аннотированного указателя «Русская интеллигенция» редактор этого издания В. А. Мысляков осуществил реконструкцию входивших в коллекцию иконографических материалов. [114]

Непосредственное отношение к коллекции имели книги и отдельные оттиски работ, которые, по просьбе Венгерова, также нередко сопровождали высылку личных историй. Эти печатные материалы становились частью библиотеки ученого. После поступления в Пушкинский Дом она была отчуждена от основного корпуса венгеровского Архива и передана в библиотеку ИРЛИ. При этом в ней задержались лишь издания, имевшие отношение к истории литературы. Те же, что принадлежали другим областям знания, по всей видимости, перешли в ведение профильных книжных хранилищ Академии наук.

Так опасения Семена Афанасьевича отчасти сбылись: целостность коллекции, а стало быть, и всего собрания ученого, все же была нарушена, хотя бы и в стенах одного учреждения.

Есть и другой аспект, связанный с реальными параметрами коллекции. При составлении Аннотированного указателя «Русская интеллигенция» и в ходе

---

[113] Подробнее об иконографическом собрании Архиве Венгерова см.: *Мысляков В. А.* От редактора // Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель. Т. 2. С. 4—6.

[114] Там же. С. 636—666.

работы над диссертационным сочинением не раз возникала необходимость наведения справок в эпистолярной части Архива. Входящие в нее материалы отражены в Описи 4 венгеровского фонда. Оказалось, что хранящиеся в этом разделе документы тесно сопряжены с коллекцией. На этот факт обратил внимание М. Д. Эльзон в 1989 г. в ходе обсуждения перспектив издания автобиографий венгеровской коллекции.[115]

В качестве наиболее яркого примера тесной связи эпистолярных материалов (Оп. 4) с коллекцией автобиографий (Оп. 7) укажем на пять писем Я. П. Полонского к Венгерову 1886—1895 гг.[116], названных адресатом «автобиографическими».[117] Подробнейший рассказ поэта о своем жизненном пути, содержащийся в одном из писем (от 21 января 1888 г.), привлек внимание А. Н. Соколова. Как уже говорилось выше, он работал с коллекцией в 1924—1926 гг., а в 1925 г. подготовил публикацию этого письма целиком и отрывков из двух других посланий Полонского (от 18 октября 1886 г. и 18 декабря 1892 г.).[118]

---

[115] РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 1. № 1200. Л. 39 [протокол заседания Ученого совета Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР от 4 дек. 1989 г.].

[116] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1795. Л. 1—16 об. [письма Я. П. Полонского С. А. Венгерову от 18 окт. 1886 г., 21 янв. 1888 г., 25 нояб. 1890 г., 18 дек. 1892 г. и 18 апр. 1895 г.].

[117] Там же на л. 1 (оборот титульного листа «Отчета за 1916 г. о деятельности Общества взаимного кредита печатного дела») запись синим карандашом рукой Венгерова: «Пять автобиографических писем Я. П. Полонского».

[118] Публикация была подготовлена, но в печати не реализовалась. Ее машинопись сохранилась в Российской национальной библиотеке. См.: ОР РНБ. Ф. 1014. № 72. Л. 1—19 [«Из писем Я. П. Полонского к проф. С. А. Венгерову (Материалы для биографии Я. П Полонского)»]. В предисловии к публикации Соколов отметил: “Из пяти писем Я. П. Полонского мы, считаясь с интересами настоящего издания, опубликовываем целиком только одно <…> – по основаниям, которые станут совершенно ясными для каждого, кто познакомится с этим письмом. Остальные четыре письма, довольно небольшие по размеру, имеют, в сущности, характер деловых записок, и потому мы берем из них только два отрывка – в надежде, что они, может быть, пригодятся для будущих биографов Я. П. Полонского». Там же. Л. 4.

Письмо от 21 января 1888 г. имело несомненное право быть включенным в коллекцию и, по свидетельству ученого, входило в нее в составе 1-го автобиографического собрания.[119] Весьма вероятно, что именно Соколов присоединил это письмо к комплексу четырех писем поэта, отложившихся в эпистолярной части Архива. Так, жизнеописание поэта оказалось за пределами коллекции, в то время как в ней самой за Полонским числится лишь библиографический листок за 1890 г.[120]

Приведу другие примеры тесной взаимосвязи автобиографического и эпистолярного разделов венгеровского Архива.

Как правило, в коллекции вслед за автобиографиями располагаются сопроводительные письма. Несмотря на служебно-этикетный характер, именно они позволяют с точностью датировать жизнеописание. Однако в целом ряде случаев этот смысловой «блок» документов оказался разорванным. При этом первые резонно попали в саму коллекцию (Оп. 7), а вторые были размещены в письмах (Оп. 4).

Так, одна из двух автобиографий русского филолога-слависта Е. Ф. Будде (№ 633. Л. 1—3 об.)[121] оказалась «оторванной» от сопроводительного письма (Оп. 4. № 393. Л. 1), в то время как именно оно и позволяет с точностью датировать ее 8 апреля 1889 г. Схожая ситуация наблюдается в «деле» педагога С. З. Бураковского. Список его печатных трудов (№ 664. Л. 5—6) можно с уверенностью датировать 24 июня 1887 г., благодаря сопроводительному письму, отложившемуся в материалах описи 4 (Оп. 4. № 416. Л. 1—1 об.).

В этой связи очень важно отметить, что сопроводительные письма подчас не только выполняли исключительно этикетную функцию, но и содержали биографические сведения об авторах (этот тезис будет подробнее раскрыт во

---

[119] *Венгеров С. А.* О первом издании «Критико-биографического Словаря»… С. XVI.

[120] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2911. Л. 1.

[121] Из соображений целесообразности номер в скобках здесь и далее в этом параграфе соответствует номеру архивного хранения (Ф. 377. Оп. 7). В тех случаях, когда цитируется документ из эпистолярной части Архива Венгерова, дополнительно дается указание на Опись 4.

второй главе диссертационного сочинения). Однако такого рода документы, по своей сути имеющие полное право быть частью коллекции (Оп. 7), нередко встречаются в материалах эпистолярия (Оп. 4).

В качестве примера приведу «пухлое» дело журналиста и переводчика сочинений Л. Н. Толстого на английский язык С. И. Рапопорта. Его письма к Венгерову, отложившиеся в эпистолярной части (Оп. 4. № 1879), не менее автобиографичны, чем хранящиеся в рамках коллекции (Оп. 7. № 3033).

Ряд автобиографических «показаний» содержатся в письме гимназического учителя В. Н. Витевского от 1 июня 1888 г. (Оп. 4. № 518. Л. 3—3 об.), которым он предварил высылку «эскиза своей жизни» (Оп. 7. № 879. Л. 1–9 об.). Прямое отношение к коллекции имеют письмо физиолога В. Я. Данилевского от 22 декабря 1889 г. (Оп. 4. № 805. Л. 1) и письмо педагога А. П. Налимова от 14 нояб. <1886 г.> (Оп. 4. № 1599. Л. 1). В первом сообщаются библиографические сведения, дополняющие высланные ранее (Оп. 7. № 1287. Л. 11 об. —13 об.). Во втором адресант выражает желание сотрудничать в КБС и, рекомендуя себя в этом качестве, предоставляет Венгерову краткие биографические данные о себе.

Следует отметить, что эпистолярные документы, зафиксированные Описью 4, подчас отражают не только жизненный путь самих авторов писем, но и фиксируют факты биографии адресата и других лиц, в том числе известных в литературных и общественных кругах. Так, в одном из недатированных писем Рапопорта к Венгерову говорится о тяжелом душевном состоянии ученого, вызванном смертью отца); в другом – от 25 мая 1895 г. – находим сведения о пребывании в Лондоне П. Д. Боборыкина (Оп. 4. № 1879. Л. 71 об., 89 об.).

Таким образом, представление об автобиографических материалах в коллекции будет неполным, если учитывать только лишь коллекцию жизнеописаний. Она объективно гораздо шире границ, сложившихся в результате своего архивного оформления, выполненного на основании современных правил научно-технической обработки.

Изучение материалов коллекции в отрыве от эпистолярия неправомерно еще и потому, что сам Венгеров в Предисловии ко 2-му изданию КБС, назвал

собрание писем одним из девяти источников, питавших ее. К 1915 г. оно было «еще недостаточно разобрано», «не каталогизировано и не пронумеровано».[122]

Возможно, если бы ученый имел возможность продолжить начатый им разбор писем, он перевел бы ряд документов из эпистолярного комплекса в автобиографический. Несомненно, он воспротивился бы и передаче в Литературный музей Института иконографического материала, являвшегося частью коллекции.

***

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

Коллекция автобиографий С. А. Венгерова складывалась в контексте его разнообразной научно-издательской деятельности и является органичной частью его Архива. На страже сохранения единства Архива стоял не только сам ученый, но и его многочисленные ученики и последователи. На путях формирования коллекция прошла два основных этапа.

Первый (середина 1880-х – 1920 гг.) был сопряжен с непосредственной деятельностью самого Венгерова, прежде всего как составителя, редактора и издателя КБС, автобиографические материалы которого образовали ядро коллекции. В этот период в строительстве и сбережении Архива принимали участие не только отдельные лица, но и целые организации, такие как Литературно-библиографический институт, Российская Книжная палата в Петрограде, Петроградский Институт книговедения.

С последним из названных учреждений была связана следующая страница в жизни Архива, охватившая временной промежуток с 1920 г. по 1933 г. В этот период он стал доступен широкому кругу посетителей, и его материалы впервые начали активно привлекаться в исследовательских, издательских и выставочных целях. Тогда же библиографы-архивисты (А. Г. Фомин, М. И. Савваитский и Н. А. Соколов) приступили к систематизации и описанию его материалов.

---

[122] *Венгеров С. А.* О первом издании «Критико-биографического Словаря. С. XVIII, L.

Прежде чем обрести окончательное пристанище под крышей Пушкинского Дома, Архив пережил немало трудностей, связанных, прежде всего, с необходимостью отстаивания его целостности и сохранности. Фомин всегда был в авангарде тех, кому не раз пришлось оберегать документальное наследие Венгерова от непрофессиональных подходов и опасности «распыления».

Следующий – «пушкинодомский» этап в жизни коллекции (1933—2010) был связан с окончательной классификацией материалов Архива в целом и его научно-технической обработкой. В довоенные годы ведущую роль в изучении Архива сыграли Вс. С. Венгеров и Б. М. Энгельгардт, направившие свои усилия на подготовку серийного «Венгеровского сборника». Со смертью инициаторов этого издания Архив надолго выпал из круга научных интересов исследователей.

Его активная разработка началась с конца 50-х годов прошлого столетия. Оформление коллекции автобиографий в соответствии с современными требованиями стало осуществляться спустя еще четверть века. Выход в свет Аннотированного указателя к ней, с одной стороны, завершил важный этап в ее изучении, а с другой, открыл новые исследовательские перспективы. Так, появилась возможность уточнить жанрово-видовой состав коллекции и выявить ее взаимосвязь с другими разделами венгеровского Архива (в первую очередь, с эпистолярием).

Глава 2. От документа до художественной прозы: коллекция автобиографий Венгерова как гипертекст

Данная глава является опытом типологической классификации автобиографических текстов венгеровской коллекции на основе выявления и характеристики их особенностей. С опорой на высказывания корреспондентов ученого будут проанализированы внутренние и внешние обстоятельства, влиявшие на форму и содержание личных историй.

1. Анкеты КБС: путеводная нить или «автобиографическое бремя»

Сложный процесс накопления жизнеописаний в архиве ученого прошел две основные вехи. Прежде всего, они были связаны с подготовкой первого и второго изданий КБС, материалы которого образовали стержень коллекции. Обоим этапам ее формирования предшествовало составление редактором Словаря опросного листа (анкеты). Известны несколько ее вариантов.

Самый ранний из них появился в середине 80-х гг. XIX в. при начале работы над КБС и играл роль плана, который позволил бы Венгерову получить ответы на особо интересовавшие его вопросы, унифицировать структуру жизнеописаний, и, наконец, облегчать авторам выполнение поставленной задачи. Анкета разделялась на две части: 1. Биография; 2. Библиография.

Первый раздел предлагал следующие вопросы:

Биография: 1) Имя и отчество; 2) Год, месяц и число рождения; 3) Место рождения; 4) Кто были родители? 5) Вероисповедание; 6) Краткая история рода. Главным образом, были ли в роде выдающиеся в каком-либо отношении люди; 7) Ход воспитания и образования. Под какими умственными и общественными влияниями оно происходило; 8) Начало и ход деятельности; 9) Замечательные события жизни.

Перечень вопросов анкеты КБС сопровождался обращением ученого к респондентам с просьбой отвечать на поставленные вопросы «в форме *небольшой автобиографии*, которую можно было бы поместить целиком». Как видим, Венгеров никак не обозначил реальный размер жизнеописания, которое он желал бы иметь в своем распоряжении. Просьба о составлении *небольшого* текста была скорее способом, которым редактор КБС стремился поощрить авторов к выполнению своего «заказа», нежели ограничением.

Второй раздел анкеты был призван выявить перечни «*всего* написанного или переведенного» автором, рецензий на его сочинения, а также данные о переводах их на иностранные языки, о псевдонимах и о публикации биографических сведений. Кроме этого, Венгеров поощрял своих корреспондентов к составлению кратких резюме их работ и призывал к высылке фотографических портретов.

Второе – «совершенно переработанное» издание КБС, инициированное ученым в 1913—1915 гг., сопровождалось подзаголовком «Предварительный список русских писателей и ученых». [123] Это позволило точнее обозначить главную цель нового издания – стать его «планом и программой». Помимо этой непосредственной задачи, Венгерова «особенно» привлекала мысль о том, чтобы сделать из него «своего рода писцовую книгу русской словесности и науки». [124]

Для осуществления этого замысла были использованы три анкеты. Одна из них в целом соответствовала прежней. Однако были и некоторые отличия,

---

[123] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Т. 1—2 . Вып. 1—5. Пг., 1915—16 (доведен до слова «Павлов»). Продолжение сохранилось в виде беловой машинописи (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. № 21—23а, б) (до фамилии «Райгородский») и картотеки (до конца алфавита) Этому труду ученого посвящена обстоятельная статья Н. А. Хохловой «Может ли быть завершен изданием “Предварительный список русских писателей и ученых” С. А. Венгерова» (Русская литература. 2014. № 4. С. 184—193).

[124] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Предварительный список… Т. 1. С. XV.

обусловленные опытом, накопленным за истекшее тридцатилетие. Изменения коснулись второго раздела анкетного плана, который был дополнен настоятельным призывом предоставить как можно более полные и точные библиографические описания, с обозначением не только года и места издания, но количества страниц и формата книги (если речь шла об отдельном издании). Анкета предварялась указанием на то, что полученные сведения будут отчасти использованы для НЭСБ.

Кроме того, были разработаны два кратких варианта вопросника: анкета Предварительного списка (далее в тексте: ПС) и анкета КБС малого формата. Специальные задачи, которые должны были решаться изданием, обусловили значительное уменьшение анкетного плана. По сравнению с предыдущей развернутой анкетной схемой, из него были изъяты рубрики, имевшие отношение к истории рода, процессу воспитания и образования, умственным и общественным влияниям, первым самостоятельным профессиональным шагам. Иначе говоря, были исключены графы, заполнение которых могло бы «утяжелить» информационный объем сведений и помешать достичь главной цели ПС – дать «своего рода писцовую книгу русской словесности и науки», предназначенной стать основой для нового издания КБС.

Очевидно, что развернутый вопросник ориентировал авторов на подробные рассказы о себе, в то время как краткие анкеты КБС и ПС были предназначены для получения лишь самых необходимых сведений о том или ином лице.

Изначально широкая анкетная программа КБС ориентировала на цельное и всестороннее повествование о жизненном пути. Казалось бы, редактор Словаря сделал все, чтобы облегчить получателям анкеты выполнение поставленной им задачи.

Однако простота составления рассказа о своей жизни, даже по рекомендованной Венгеровым программе, была мнимой. Корреспонденты ученого не раз жаловались ему на трудности писания в автобиографическом

жанре, называя эту работу «тяжелым крестом»,[125] и делом «мало привлекательным» («нечто вроде самосозерцания»).[126]

«Фу! как гора с плеч! – восклицал журналист и переводчик С. И. Рапопорт. – Только что начертал свою автобиографию и в понедельник отправляю ее Вам заказным. Ну, скажу я Вам, нет более ничего противнее, как свою автобиографию писать, и я рад, что никаких автобиографий мне больше писать не придется <…>» (Оп. 4. № 1879. Л. 127. Письмо от 13 ноября 1897 г.).

В письме к нему журналист Е. Н. Любич сетовал:

«За автобиографию извиняюсь: когда сел писать, мысль запрыгала по далеким годам, событиям, лицам – и вышло, кажется, не совсем складно. Но, как сумел, написал. Если длинно – сократите. Неинтересно – совсем выбросьте».[127]).

В неумении сочинять автобиографию «с конфузом» признавался и А. В. Амфитеатров: «<> в автобиографическом жанре я совсем спасовал».[128]

Одним из камней преткновения для венгеровских корреспондентов оказывалась очевидная анкетная неопределенность в вопросе о размерах повествования. Подчас она ставила авторов жизнеописаний в тупик и требовала разъяснений.

«<…> что́ такое небольшая и что́ – большая автобиография? – вопрошал писатель Ф. Ф. Тищенко и продолжал, – Понятия эти слишком неопределенны и растяжимы».[129] Он долго откладывал выполнение «заказа» Венгерова, затрудняясь определить рамки, в которые «должна уложиться» история его жизни. После затянувшихся размышлений он все же принялся за работу с искренним намерением выполнить

---

[125] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1321. Л. 1 [автобиография Н. Ф. Денисюка <после 1892 г.>]

[126] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1913 Л. 6 [письмо Е. В. Де Роберти к Венгерову от 2 сент. 1892 г.]

[127] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 241. Л. 1 [письмо Е. Н. Любича к С. А. Венгерову – <б. ч. и м.> 1905 г.].

[128] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 121. Л. 3 [письмо А. В. Амфитеатрова к С. А. Венгерову от 1 апреля 1903 г.].

[129] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3552. Л. 1 [письмо Ф. Ф. Тищенко к С. А. Венгерову от 4 янв. 1913 г.].

призыв редактора КБС не писать объемных текстов. Однако с первых же страниц писатель почувствовал, как трудно удержаться от подробностей, от рассказа о тех или иных эпизодах его жизни, «слишком интенсивно пережитых и ярко встающих в воспоминаниях»[130]

«Дело в том, – заявлял Тищенко, – что моя жизнь слишком богата впечатлениями и событиями. Рождение и жизнь в крестьянской семье, крестьянская среда, занятие пастушеством, учение в сельск<ой> школе, гимназия, высшая школа, административная ссылка, женитьбы, литературные симпатии и занятие литературой, материальная нужда и ярмо большой семьи, скитания, служба».[131]

Писатель А. А. Тихонов-Луговой в ответ на запрос Венгерова писал ему в феврале 1913 г.: «Я не нахожу возможным составить свою краткую биографию, как Вы упоминаете об этом в Вашем циркуляре, ибо сделаю ее либо в 10 строк, либо в 10 страниц».[132]

Профессор Николаевской инженерной академии А. Ф. Плющинский утверждал, что рассказать о себе кратко по предложенному Венгеровым плану вполне возможно, но в результате получится не жизнеописание, а набор сведений, которые обычно заполняют графы «статистических переписей». По мнению этого корреспондента Венгерова, настоящую автобиографию, «сделать <…> менее как в 3—4 почтовых листа большого формата мудрено, когда за плечами автора 25 лет деятельности и почти вдвое более лет жизни».[133]

Неопределенность необходимого объема жизнеописания приводила к тому, что заявленная автором «краткость» нередко оборачивалась многостраничным рассказом, как, например, в случае с «краткими» автобиографиями журналиста и ветеринарного врача М. И. Лисицына или педагога Д. И. Тихомирова, составившими соответственно 20 и 76 листов рукописного текста.

Другой преградой на пути корреспондентов Венгерова была неготовность к самораскрытию. Между тем, ряд анкетных пунктов КБС («ход воспитания и

---

[130] Там же. Л. 2.

[131] Там же. Л. 1—1 об.

[132] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3547. Л. 26 [письмо А. А. Тихонова-Лугового к С. А. Венгерову от 16 февр. 1913 г.].

[133] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1775. Л. 1—1 об.

образования: под какими умственными и общественными влияниями оно происходило», «замечательные события») невольно направлял рассказчиков именно в русло исповедальности. Переключение тональности повествования в план личного, сокровенного, о чем нельзя поведать в двух словах, а также невозможность определить ту меру открытости, соблюдение которой позволило бы защитить автора от насмешек и критических нападок, нередко становились для рассказчиков непреодолимым препятствием.

В связи с этим многие персонажи коллекции уклонялись от этого психологически напряженного процесса и предпочитали высылать ученому добросовестно составленную, но совершенно формальную и, как правило, краткую информацию о себе. Так, например, поступил Л. И. Пальмин. Поэт утверждал, что искренняя, без прикрас история души потребовала бы от него создания «объемистого романа».[134]

Неоднократно мотивы психологического свойства понуждали авторов бросать начатое, было, повествование и высылать Венгерову «сырого» материала с предоставлением права распоряжаться им по своему усмотрению. Попытками некоторого отстранения от потенциального читателя были повествования о себе в третьем лице или передача составления собственного жизнеописания друзьям, родственникам или знакомым.

Так, Е. В. де Роберти перепоручил рассказ о себе своему брату.[135] Писательница Т. А. Кузминская пообещала Венгерову прислать свою «*краткую*

---

[134] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2740. Л. 1 [письмо Л. И. Пальмина к С. А. Венгерову от 21 нояб. <между 1883 и 1891 гг.>]. Писатель и театральный критик В. Я. Светлов, отмеченный в венгеровской коллекции лишь заполненным в 1898 г. библиографическим листком (№ 3190), при публикации своей наикратчайшей автобиографии в Литературном календаре-альманахе признавался, что писать «про себя» «гораздо труднее, чем сочинять романы». См.: *Светлов В.* <Автобиография> // Литературный календарь-альманах / под ред. О. Норвежского <псевд. О. М. Картожинского>. С.-Петербург, [1908]. С. 49.

[135] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1913. Л. 6 [письмо Е. В. де Роберти к С. А. Венгерову от 2 сент. 1892 г.].

биографию», написанную ею самою, и одновременно характеристику своей «юной жизни», выполненную, по ее просьбе, кем-то другим («не мною»).[136])

Писатель и журналист И. А. Нестроев предоставил ученому одновременно два биографических текста. В первом, очень сжатом, составленном им самим, отмечаются лишь ключевые факты (дата рождения, образование, влияние Л. Н. Толстого на формирование мировоззрения; основные публикации).[137] В день предполагаемой отправки Венгерову этого документа автора посетил его хороший знакомый журналист К. С. Попов, чем Нестроев не преминул воспользоваться.

Поскольку самому писать о себе, вдаваясь в тайные перипетии собственной жизни было нелегко, он обратился к другу с просьбой выполнить эту работу. Для сравнения – рассказ Попова занял уже 4 листа: в нем краткие сведения, уже отмеченные в автобиографическом документе, были значительно дополнены повествованием о тех жизненных невзгодах и неурядицах, информировать о которых сам Нестроев полагал не вполне удобным, но о которых с легкостью и дружеской приязнью поведал Попов.

В частности, он затронул, по всей видимости, весьма болезненную тему распада семьи Нестроевых. Совершенно очевидно, что подробности жизни писателя и журналиста, некоторые детали которых носили сугубо личный характер, были изложены Поповым со слов самого героя повествования. Рассказ о себе устами другого был своеобразной хитростью, посредством которой Нестроев избегал нередких для авторов жизнеописаний Сциллы и Харибды: «автобиографических мук», с одной стороны, и «неловкой» и, по всей видимости, нежелательной исповедальности, с другой.

Эта уловка пришлась по душе и самому Попову. В благодарность и в ответ за оказанную им Нестроеву услугу тот с готовностью ответил составлением биографии Попова. Как и рассказ о себе в третьем лице, это был способ своего

---

[136] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1983. Л. 1 [письмо Т. А. Кузминской к С. А. Венгерову – <б. ч.> янв. 1914 г.].

[137] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2583. Л. 1 [автобиография И. А. Нестроева от 24 июня 1913 г.].

рода отгораживания, защиты собственной приватности от холодного любопытства читающей публики. Именно это обстоятельство имел в виду певец, музыкальный критик и библиограф Н. Ф. Денисюк, когда писал во вступлении к автобиографии: «Возносить и ниспровергать, поднять выше облака ходячего и бросить в грязь мы <т. е. читающая публика. – Е. К.> большие мастера».[138]

Таким образом, легкость составления жизнеописаний по предложенному «сценарию» была кажущейся. Нередко он не столько упрощал задачу, сколько вызывал внутреннее сопротивление авторов. Одним из препятствий для них была расплывчатость формулировки объема автобиографических сведений. Другим барьером стала психологически обусловленная неготовность к изложению истории «внутренней, сердечной» жизни. Оба эти обстоятельства заставляли корреспондентов Венгерова тем или иным способом избегать выполнения его «заказа»: либо ограничиваться предельно формализованными жизнеописаниями, либо составлять неравноценный жизнеописанию свод сведений о себе с позволением использовать его в необходимом Венгерову формате, либо перекладывать заботу об автобиографии на плечи сторонних лиц.

2. Типы автобиографий: опыт систематизации

При всем тематическом единстве, автобиографии в коллекции Венгерова различаются как по построению, так и по глубине содержательного наполнения. Весь комплекс эгодокументов в ней можно условно разделить на два больших блока: автобиографии «формальные» и автобиографии «индивидуализированные». Их главное отличие друг от друга обусловлено разными способами изображения жизненного пути человека.

Форма и содержание направляемых Венгерову посланий нередко определялись пониманием авторами требований, предъявлявшихся к биографическим публикациям в тех или иных изданиях, и той степенью свободы

[138] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1321. Л. 1 [автобиография Н. Ф. Денисюка – <после 1892 г.>].

изложения, которую они допускали. Одно дело – писать в редакцию энциклопедического словаря, и совсем другое дело, когда свою личную историю доверяли конкретному и часто – знакомому человеку – Семену Афанасьевичу Венгерову. В зависимости от этого менялись мотивы, которыми руководствовались авторы и сам характер жизнеописаний. Свидетельство тому находим в письме В. Н. Перетца:

«Сообщаю Вам для Эфр<оновского> Слов<аря> краткие свед<ения> о себе <…> Если Вы сможете, то я просил бы ограничиться самыми краткими свед<ениями>. *Для Крит<ико>-биогр<афического> словаря, т.е. скорее для Вас <…> для Вас* <курсив мой. *Е. К.*> я начал писать более пространную биографию по присланному Вами плану»[139]).

Явственно различаются три типа «формальных» автобиографий. Один из них представлен краткими ответами на вопросы анкеты КБС, другой – автобиографиями-рассказами, составленными по программе анкеты; и наконец, третий – автобиографиями для энциклопедических изданий (ЭСБ и НЭСБ).

Для всех перечисленных типов, а в особенности для биографических статей в ЭСБ и НЭСБ, во главу угла ставилась, прежде всего, информационная насыщенность статей, «забитость» «мелкими фактическими справками служебного “формуляра” данного лица, перечислением его должностей и чинов и т. д.»,[140] что, с точки зрения современного источниковеда, представляется несомненным достоинством изданий.[141] Если предназначенные для них автобиографические тексты вступали в противоречие с издательскими целями, то

---

[139] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2792. Л. 3—3 об. [письмо В. Н. Перетца к С. А. Венгерову от 19 ноября 1905 г.]. Неизвестно, осуществил ли Перетц свое намерение. Во всяком случае, в коллекции автобиографий С. А. Венгерова нет обещанного ему «пространного» жизнеописания. В небольшой коллекции жизнеописаний П. К. Симони (подробнее о ней см. в Главе 3) находится автобиография В. Н. Перетца, датированная 26 нояб. 1928 г. 1928—1929 гг. (РО РНБ. Ф. 696. № 148).

[140] *Мещеряков Н.* Энциклопедия // БСЭ. Т. 64. М., 1934. Стб. 495—496.

[141] Об истории критических откликов на ЭСБ см.: *Жарков И. Г.* Жанровая структура Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза - И. А. Ефрона, 1890—1907. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2000. 16 с.

при публикации они подвергались той или иной редакторской правке: значительным или небольшим сокращениям, либо, напротив, дополнениями сведений, почерпнутых из других источников.

В «формальных» автобиографиях преобладает фактография, а личность автора сознательно «затушевывается». В документах подобного рода события жизни рассказчика вырваны из исторического контекста. Такие автобиографические сообщения не отражают ни переломов, ни взлетов, ни падений, одним словом – процесса становления, свойственного человеку на протяжении жизненного пути. Само понятие «судьба» в ее целостности здесь не применимо.

Внутри «индивидуализированных» автобиографий представляется возможным выделить следующие типы: 1. автобиографии-исповеди; 2. автобиографии-мемуары; 3. беллетризованные автобиографии; 4. антибиографии; 5. автобиографии «смешанного» типа.

Во всех них голос повествователя, не пытавшегося скрыться за трафаретными лексическими и стилевыми формулами официальных бумаг, ярко персонифицирован, а предоставленные сведения характеризуют человека с точки зрения его уникальности, единичности. Так вырисовывается совершенно другой повествовательный прием, при котором жизнь индивидуума дана уже не в виде застывшего слепка, а в развитии, включавшим в себя, в том числе, и основные поворотные, кризисные моменты.

Если для энциклопедических изданий была естественной установка автобиографии на информативность, лаконизм, сфокусированность на датах, фактах и цифрах, то в тех повествованиях, в которых автор не был стеснен этими требованиями, личность рассказчика проявлялась объемнее, полнее и ярче. В центре внимания «формальных» и «индивидуализированных» жизнеописаний один и тот же человек, но в разных «обличьях»; мы видим будто бы разные фотопортреты одного и того же лица. Один, скажем, годится для подклейки в официальный документ, другой – для помещения в семейный альбом.

Понятие «смешанного» типа вводится в связи с необходимостью признания относительности жестких границ между первыми четырьмя: одно и то же жизнеописание может обладать очевидными признаками разных типов. К «смешанному» типу, например, относится личная история В. Ф. Булгакова, имеющая отличительные черты и автобиографии-исповеди, и автобиографии-мемуаров, и беллетризованного жизнеописания. Подобные документы будут рассмотрены с разных сторон и включены в контекст соответствующих глав.

Попытаемся выявить характерные черты каждого из названных типов жизнеописаний.

2.1. «Формальные» автобиографии

2.1. 1. Автобиографии в вопросо-ответной форме

Авторы жизнеописаний этого типа не затрудняли себя долгими размышлениями и точно придерживались анкетного порядка. Ответы вписывались в отведенные под них «поля» самого бланка анкеты либо ее продублированной от руки формы. В последнем случае вопрос всегда нумеровался, но необязательно воспроизводился.

Составление лапидарных, ориентированных на «голые» факты сообщений о своей жизни легко давалось их авторам. Читатель документов этого типа имеет дело не с целостным рассказом, в котором, повинуясь логике самого автора, каждый смысловой фрагмент вытекает из предшествующего и связан с последующим, а получает лишенную какого-либо личностного отношения информацию в предельно лаконичной вопросо-ответной форме. В качестве примера приведем текст автобиографии, написанной педагогом Н. С. Аринушкиным:

«1) Аринушкин Николай Степанович.

2) 1869, ноября 20.

3) Деревня Барсково, Покровского уез<да>, Владимирской губернии.

4) Крестьяне (родители).

5) православный.

6) Выдающихся людей в роде не было.

7) Сначала обучался в Аргуновском народном училище, Покровского уез<да>, Владимирской губернии (1878-1881); потом в Киржачской учительской семинарии (1885-1888); после чего был народным учителем в Покровском уезде Владимирской губернии (1888-1891); с 1891 – по 1894 обучался в Казанском учительском институте, после чего с 1894 по 1902 год состоял городским учителем (сначала в городе Спасске Казан<ской> губ<ернии>, потом в г. Саратове). В 1902 году поступил преподавателем в Самарское Коммерческое училище.

В 1907 году держал экстерном экзамен на аттестат зрелости. В 1908 году выдержал экстерном экзамен за юридический факультет при Московском Императорском университете (с дипломом 1-ой степени). Одно из главных влияний – это влияние Л. Н. Толстого.

8) Литературная деятельность началась с небольшой статьи о *школьной дисциплине*, помещенной в журнале «Городской и сельский учитель» за 1894 г., потом в 1912 г. издана книга «Балансы акционерных предприятий» (бухгалтерско-юридическое исследование, разработка кандидатской темы, заданной профессором Вормсом); в том же году издано бухгалтерско-юридическое исследование «*Инвентарь*» (по германскому и русскому праву).

9) Особых событий в жизни не было».[142]

Весьма показательными в пределах автобиографий этого типа также можно назвать, скажем, жизнеописания, составленные инженером Н. А. Белелюбским, журналистом П. П. Борисовым, доктором медицины Н. А. Вырубовым, врачом Р. И. Гайковичем, писателем Д. П. Голицыным.

2.1. 2. Curriculum vitae

В документах этого рода мы сталкиваемся уже не со своего рода «учетной карточкой» персонажа, а с цельным повествованием, которое, однако, характеризуется подчеркнуто формализованным стилем служебных бумаг, отсутствием в них индивидуализирующего начала. Неслучайно авторы подобных текстов часто писали о себе в 3-ем лице.

---

[142] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 197. Л. 2—2 об. [письмо к Н. С. Аринушкина к С. А. Венгерову от 4 мая 1913 г.]

В одних жизнеописаниях этого типа человек «рекомендовал» себя, главным образом, как частное лицо. В них на первый план выступали даты рождения, сведения о родителях, образовании, семейном положении. Данные о профессиональном и общественном статусе как бы нанизывались на эту основную линию. В других личных историях, напротив, упоминание фактов приватной жизни было минимальным, а герой, прежде всего, позиционировал себя как часть социума. Так, В. С. Лапидус предстает перед читателем исключительно в качестве журналиста, сотрудника южнорусских периодических изданий,[143] а Л. Х. Пиштелич сугубо как борец против деспотизма правительства Черногории за объединение «в одно государство всех сербов и югославян вообще».[144]

Общим признаком таких автобиографий является обезличивание содержания и максимальное сведéние данных о себе к сухому резюме о роде занятий. Повествование в этих документах сконцентрировано на тех сторонах деятельности рассказчиков, которые, с их точки зрения, могли иметь широкий общественный резонанс; сами герои представали не во всей своей личностной многомерности, а в графично очерченных контурах профессионального бытия.

В их ряду личные истории, в центре которых оказывались общественные движения и настроения, оказавшие наибольшее воздействие на миросозерцание автора. В качестве примера приведу автобиографию основателя и активного члена всеславянского общества «Славия» Ф. Ф. Аристова. [145] Тема всеславянского объединения является центральной в автобиографии Аристова.

Если становление Ф. Ф. Аристова проходило под влиянием концепции панславизма, то мировоззрение православного миссионера и публициста, профессора Московской духовной академии по кафедре сектоведения И. Г. Айвазова сформировались на основе идей монархизма.

---

[143] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2066. Л. 1—2 [автобиография В. С. Лапидуса - <не ранее 1911 г.>].

[144] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2851. Л. 9 [автобиография Л. Х. Пиштелича – 15 февр. 1918 г.].

[145] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 198. Л. 4—5 об. [автобиография Ф. Ф. Аристова – 27 апр. 1913 г.]

Его жизнеописание представляет собой особую разновидность среди автобиографий рассматриваемого типа – автобиографию-«похвалу».[146] Встречающиеся в ее тексте многочисленные словосочетания, такие как «являлся вдохновителем», «состоял во главе», «принимал видное участие», «являет собою глашатая», свидетельствуют о публично-риторической направленности повествования.[147] В отличие от Абрамова, стилистически сдержанного в своем curriculum vitae, Айвазов использовал эмоционально аффектированную лексику. Однако ее приподнятость и эмоциональность особого рода: она носит этикетный характер и не исходит из глубины переживаний и чувств героя. Автобиография написана в 3-ем лице, что значительно облегчило задачу составления документа, в котором публицист стремился рекомендовать сам себя с наилучшей стороны. Жизнеописание Айвазова, ближайшего соратника протоиерея Иоанна Восторгова и энергичного участника национального монархического движения, не предназначено для интимного чтения «про себя». Текст документа в основной своей части – это своего рода «речь», рассчитанная на произнесение «вслух», скажем, с кафедры многочисленной аудитории. В автобиографии религиозного публициста отсутствует момент испытания, с присущими ему поисками и сомнениями, и прослеживается полное тождество героя повествования с самим собой на протяжении всего жизненного пути.

В жизни многих венгеровских корреспондентов встреча с каким-то конкретным человеком становилась узловым событием и определяла их дальнейшую судьбу. Так, в центре жизнеописания Б. С. Боднарского оказалось его случайное свидание с Л. Н. Толстым. Оно произошло в годы студенчества Боднарского и дало, по его признанию, «толчок иному направлению <…>

---

[146] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 53. Л. 1— 3 об. [автобиография И. Г. Айвазова – 21 мая 1913 г.].

[147] О жанре похвального слова как модификации жанра биографии в эпоху античности см.: *Аверинцев С. С.* Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 2-х тт. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 638—639, 643.

миросозерцания». Он посвятил себя «изучению философии великого писателя».[148] Другим направлением деятельности толстоведа стало распространение в России международной библиографической классификации. Весь рассказ о себе Боднарский выстроил преимущественно как характеристику этих двух сторон своей деятельности.

Знаменательная встреча с автором «Войны и мира», состоявшаяся в 1884 г., также сыграла роль завязки в композиционном построении жизнеописания П. И. Бирюкова.[149] Он получил прекрасное образование, был выпускником Пажеского корпуса (1876) и Морского училища (1880). По окончании Николаевской морской академии (1884) Бирюков получил должность физика в Главной физической обсерватории в Петербурге. Однако обо всех этих фактах он лишь сжато проинформировал. Смысл и направление всего его дальнейшего существования определило знакомство с Л. Н. Толстым. В автобиографии Бирюкова с фиксации этого момента анкетное перечисление некоторых событий жизни превратилось в развернутый очерк жизнедеятельности. В нем автору документа было важно рассказать о себе то, что, по его мнению, составляло социально значимый смысл его бытия.

Рассказ П. И. Бирюкова являет собой образец автобиографии общественного деятеля. В читательском восприятии он предстает как подвижник, преданный учению Л. Н. Толстого, биограф писателя, заведующий издательством «Посредник» (1885—1896), редактор Толстовского отдела в издательстве И. Д. Сытина. Создается впечатление, что жизненный путь Бирюкова был аскезой, что в нем не было места ни для чего другого, кроме общественного служения, например, для обычного человеческого счастья. Лишь в середине повествования он бегло, в немногих словах и как бы вынужденно сообщал краткие сведения о членах своей семьи, сообщал так, как если бы эта сторона его жизни не имела значения.

---

[148] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 527. Л. 3 [автобиография Б. С. Боднарского – 24 окт. 1913 г.].

[149] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 445. Л. 1—4 об. [автобиография П. И. Бирюкова – <1911 г.>].

Автобиография П. И. Бирюкова написана в 3-ем лице. Этот прием деперсонифицировал рассказ, подчеркивая его нацеленность на характеристику общественно-профессионального положения рассказчика. Известна другая автобиография Бирюкова, хранящаяся ныне в РГАЛИ. Она была записана со слов Павла Ивановича дочерью Ольгой два десятилетия спустя, в 1930 г., незадолго до его смерти.[150] Этот документ, в отличие от жизнеописания 1911 г., отмечен яркой эмоциональностью и лиризмом. Его текст кардинально отличается от высланного Венгерову повествовательной позицией рассказчика, уже не скрывающегося под маской стороннего наблюдателя. Перед читателем предстает умудренный жизненным опытом человек. В его воспоминаниях о былом, в сравнении с ранним текстом, существенно сместились акценты. Если в 1911 г. в центре рассказа был он сам в своей общественной ипостаси, то два десятилетия спустя важным оказывался не столько он сам и его общественное лицо, сколько весь пройденный путь, в котором все было значимым: и большие профессиональные свершения, и просто памятные и дорогие сердцу события и люди.

Ответ на вопрос, обозначенный в анкете КБС как «начало и ход деятельности», приобретал для корреспондентов Венгерова сугубую важность. Стремление к более точной передаче смысла и результатов своих общественных или профессиональных устремлений заставляло их еще раз возвращаться к уже сказанному, и они высылали Венгерову уточненные данные либо дополняли традиционное жизнеописание отдельной историей своего профессионального становления.

Так, публицист и государственный деятель М. М. Бородкин выслал Венгерову две автобиографии, по датировкам разделяемых незначительным

---

[150] П. И. Бирюков – первый биограф Л. Н. Толстого. М., 2011. С. 14. А. М. Бирюков, внучатый племянник П. И. Бирюкова и автор-составитель этого биографического очерка, опубликовал в нем также фрагменты автобиографических заметок П. И. Бирюкова 1922 г., хранящихся в РГБ (Ф. 385. Ш. 875. Д. 11).

отрезком времени.[151] Обе были написаны около 1911—1912 гг.. После завершения первой «заказ» редактора КБС был выполнен и, казалось бы, для создания второй не было видимых причин, поскольку событийная основа для нее едва ли могла сформироваться. Однако корреспондент Семена Афанасьевича продолжал размышлять о том, насколько верно были отражены факты его биографии в прежде высланном тексте. Очевидно, стремление Бородкина к более точной передаче смысла своей деятельности побудило его еще раз взяться за перо и внести необходимые, с точки зрения автора, уточнения в описание своей жизни, которые глубже прояснили бы смысл политических убеждений рассказчика на положение Финляндии в государственно-правовой структуре Российской империи. В результате, более поздний текст, с одной стороны, продублировал сведения первого, а с другой, был значительно дополнен освещением позиции Бородкина по «финляндскому вопросу».

Жизнеописание хирурга, профессора Московского университета С. Е. Березовского состоит из двух «параллельных», дополняющих друг друга «историй». Из первой сознательно устранены данные о прохождении автора по ступеням медицинской карьеры.[152] Эти сведения образовали отдельный документ, выстроенный по типу послужного списка.[153] Таким образом, врачебная деятельность осознавалась Березовским как нечто самостоятельное и имевшее право на отдельное описание.

Две автобиографии предоставил Венгерову инженер Н. М. Абрамов. Одна из них осветила события его жизни от рождения и до момента составления документа.[154] Это история человека, для которого выбранная им дорога инженера-путейца стала главным делом и смыслом существования. Выбранная

---

[151] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 574. Л. 1—5 [автобиографии (2) М. М. Бородкина – 3 марта <не ранее 1911 г.> и <не ранее 1912>].

[152] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 406. Л. 1—1 об. [автобиография С. Е. Березовского – <1912>].

[153] Там же. Л. 4 [автобиографические сведения С. Е. Березовского в форме послужного списка].

[154] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 9. Л. 2—12 [«Краткое жизнеописание» Н. М. Абрамова – <1915>].

рассказчиком форма повествования являлась, по сути дела, характеристикой результатов, достигнутых им на этой стезе. Читатель не найдет в этом жизнеописании ни переживаний, ни метаний, ни поисков героем своего пути. Текст изобилует характерными словосочетаниями, типа: «поступил на службу», «состоял в должности», «перешел на службу», «занимался проектированием», «принимал участие», «был командирован», «был награжден премией» и т. д. Человеческий облик автора полностью заслонен скрупулезно очерченной служебной характеристикой. Однако Абрамов не ограничился только одной этой автобиографией. Он составил еще один документ, озаглавленный как «Общие сведения о практической инженерной деятельности и перечень главнейших практических работ Абрамова».[155] Это своего рода служебный «отчет», в котором автор сосредоточился исключительно на истории своего роста и достижений на избранном поприще, ограничив временной промежуток семью годами (1896—1903), в течение которых студент Института инженеров путей сообщения превратился в квалифицированного специалиста, на счету которого были и надзор за производством железнодорожных работ, и проектирование путепроводов и мостов.

Экономист В. Ф. Тотомианц, один из ярких подвижников и пропагандистов кооперации, также предоставил в распоряжение Венгерова две автобиографии.[156] Первая, датируемая январем 1913 г., представляет собой краткую справку об основных этапах жизненного пути. Она писалась в год, когда Россия переживала подъем общедемократического движения и достигла пика экономического роста. Через пять лет венгеровский архив пополнился другой автобиографией этого автора, но уже в форме многостраничного повествования.

В нем Тотомианц пунктуально, строго следуя погодному (практически без лакун) принципу, проследил свой жизненный путь. В частности, в документе тщательно перечислены многочисленные путешествия и поездки, которые

---

[155] Там же. Л. 13—19.

[156] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3573. Л. 1; 4—19 [автобиографии (2) В. Ф. Тотомианца – 25 янв. 1913 г. и 28 июля 1918 г.].

Тотомианц предпринимал с юных лет. Сначала в качестве студента, а затем как лектор, специалист по кооперативному движению и участник съездов по кооперации, он побывал во многих европейских странах (Франция, Италия, Англия, Шотландия).

Университетская пора под пером экономиста превратилась в педантичную роспись прослушанных им в каждом семестре учебных курсов, сопровожденную подробным списком профессоров и преподавателей. При этом регистрировались даже своего рода «нулевые» события, т. е. такие, что могли бы случиться, но, по тем или иным причинам, так и не произошли. Например, документ зафиксировал следующие факты: в 1907 г. Тотомианц *отказался* баллотироваться в члены Государственной Думы, а в 1911 г. – *не согласился* занять пост секретаря Международного Кооперативного союза. Годом раньше министр торговли *не утвердил* его в качестве преподавателя по истории экономических учений в Киевском Коммерческом институте.

Главное отличие автобиографии 1918 г. от более ранней, написанной в 1913 г., помимо объема, заключается в том, что она была завершена менее чем через год после октябрьского переворота и через одиннадцать дней после расстрела царской семьи в Екатеринбурге – уже совсем в другой, кардинально изменившейся стране.

Еще осенью 1917 г. Тотомианц вел активную деятельность, издавая в Москве журнал «Кооперативный мир» и основав издательское товарищество с аналогичным названием. В 1918 г. в Петрограде был опубликован ряд его сочинений: популярная брошюра «Кооперация среди детей и юношества», «Биография Р. Оуэна» (7-е издание), «Теория, история и практика потребительной кооперации» (4-е издание). В июне того же года Тотомианц был приглашен на службу в Центральный союз потребительных обществ в качестве юрисконсульта. Тогда же книгоиздательство «Свобода» пригласило его редактировать четырехтомную «Кооперативную энциклопедию».

Казалось бы, ничто не препятствовало дальнейшей успешной работе экономиста. Он был профессионально успешен и подчеркивал свою глубокую

чуждость партийности и политике. Однако некоторые факты его автобиографии явственно свидетельствовали о близости его к социал-демократическим кругам. В бытность свою студентом Женевского университета он с воодушевлением слушал выступления видных деятелей международного социалистического движения, в том числе блестящие лекции Г. В. Плеханова. Сотрудничество в марксистской печати, в т. ч. в журнале «легальных» марксистов «Начало», и подозрения в связях с марксизмом мешали до некоторого времени вступлению Тотомианца в члены С.-Петербургского комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. В 1902 г. он был обвинен в нелегальной деятельности и выслан в Астрахань под гласный надзор полиции.

Профессиональная сторона жизни Тотомианца естественным образом была связана со знакомством не только с отечественными, но и зарубежными экономистами, общественными и политическими деятелями. В их список вошли такие известные лица, как А. М. Атабекян, Конрад Шмидт, Шарль Жид, Вернер Зомбарт, А. И. Новиков, С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова.

Тем не менее, в тексте автобиографии Тотомианц неоднократно отрицал какую-либо политическую ангажированность. Весьма вероятно, что он предвидел небезопасность каких-либо неосторожных упоминаний о своих политических пристрастиях. Как бы то ни было, но с послеоктябрьской Россией экономист свою судьбу не связал.[157]

О жизни, наполненной яркими событиями, фактами, встречами можно было бы ожидать рассказа мемуарного типа. Однако в нем вовсе отсутствует лирическая струя, характерная для жизнеописаний-мемуаров. Как и в автобиографии 1913 г., читатель имеет дело с обстоятельным отчетом об этапах деятельности крупного специалиста в области экономики и кооперации. В рассказах о себе герой почти не раскрывается с точки зрения своей индивидуальности. Для обоих документов характерен стиль безличностного

---

[157] *Ольховский Е. Р.* Вахан Фомич Тотомианц. К 120-летию со дня рождения // Кооперация. Страницы истории. Вып. 5. / отв. ред. Н. К. Фигуровская. М., 1996. С. 194.

изложения, в котором индивидуальность писавшего либо вовсе не просматривалась (автобиография 1913 года), либо едва угадывалась (автобиография 1918 года).

Автобиография 1918 г. была написана в предвидении скорого отъезда. Заканчивался отрезок жизненного пути, который был связан с Родиной. До эмиграции Тотомианца оставался всего один год. Очевидно, этим обстоятельством объясняется очевидная настроенность автора на подробный, максимально детальный рассказ о себе. В нем, возможно, в преддверии и в предчувствии нового этапа в своей судьбе Тотомианц подводил некоторый итог прожитому.

Сходство личных историй Тотомианца и другого отечественного экономиста, С. И. Гулишамбарова, основано на том, что в процессе осмысления важнейших этапов своего пути и тот, и другой выступали преимущественно с позиций людей «дела», поэтому каждая деталь их «служения» была тщательно прописана.

Жизнь Гулишамбарова, как и его младшего коллеги, была насыщена обширной и разнонаправленной деятельностью, во многом связанной с необходимостью совершать путешествия по России и за ее пределы. Вполне логично было бы предположить, что в его личной истории, как и в жизнеописании Тотомианца, будет отчетливо прослеживаться мемуарная линия. Однако и здесь наши ожидания не оправдались. В целом жизнеописание Гулишамбарова представляет собой тщательный, скрупулезный и бесстрастный «доклад» о карьерном росте и достижениях автора на избранном им поприще. В результате читатель получает сведения о персонаже коллекции только с точки зрения его высоких деловых качеств, но и в том, и в другом случае человек с его «лица необщим выраженьем» остается за рамками повествования. Лишь в одном его небольшом фрагменте проскальзывают черты индивидуальности Гулишамбарова.

Отрывок, о котором идет речь, относится к его гимназическим и студенческим годам и рассказывает о литературно-общественных влияниях, которые сыграли важную роль в его личностном становлении. Оно связывалось с

особым значением демократической журналистики 1860-х гг., с именами властителей дум тогдашней прогрессивной молодежи: Д. И. Писаревым, Н. А. Некрасовым, Н. Г. Шелгуновым, Н. А. Добролюбовым, В. Г. Белинским, М. Е. Салтыковым-Щедриным. Это рассказ об одном эпизоде из юности, который не только ярко характеризовал общественные настроения в кругах студенческой молодежи, но и свидетельствовал о гражданской позиции и лидерских качествах самого героя повествования, о том уважении и авторитете, которым он пользовался среди сверстников:

«Увлекаясь творениями Некрасова, я, подобно многим другим, смотрел на него как на "эксплоататора", наживающегося на счет других талантов. То же отношение молодежи к великому поэту резко выразилось на кладбище во время похорон Решетникова в 187<1> г.: группа студентов, бродя по кладбищу и найдя могилу Писарева запущенною и без венков, решила потребовать от ″подлеца″ Некрасова деньги для украшения могилы Писарева. Депутатом к нему выбрали меня. Он гулял в ограде церкви в ожидании окончания обедни и, когда я обратился к нему от имени тут же стоявших студентов пожертвовать что-нибудь для приведения в порядок могилы Писарева, он дал мне 25 руб<лей>, но сейчас же уехал с кладбища».[158]

Однако приведенный выше фрагмент – единственный, оживляющий общий «отчетный» стиль всего повествования.

Во всех рассмотренных выше документальных свидетельствах, как небольших по объему, так и многостраничных, их авторы анализировали свою жизнь лишь в контексте ее публичности. Этот тип автобиографий, генетически восходящий к античности, был выделен М. Бахтиным и назван «биографическим типом Плутарха». Его главными маркирующими признаками были неизменяемость основных черт характера человека, личность которого константна на протяжении всей жизни.

«Сам характер не растет и не меняется, - писал ученый, - он лишь *восполняется*: не полный, не раскрывшийся вначале – он становится *полным* и округленным в конце. Следовательно, путь раскрытия характера ведет не к изменению и становлению его в связи с

[158] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1242. Л. 3 [автобиография С. И. Гулишамбарова – 22 янв. 1914 г.].

исторической действительностью, а только к *завершению* его, то есть только к восполнению той формы, которая была предначертана с самого начала».[159]

Первоочередной задачей при составлении своих личных историй рассказчики видели в максимально детализированном повествовании о своем профессиональном и общественном служении. Автобиографии, во главу угла которых ставилась общественная значимость жизненного пути, были формами публичного самосознания человека. Стремление к объективности, отстраненности в оценках своей деятельности деперсонифицировало эти жизнеописания. На фоне официального стиля повествований проникновение в эти тексты редких эпизодов, выявлявших индивидуальность человека, воспринимается почти диссонансом.

2.1. 3. Автобиографии в форме энциклопедической статьи

Анализируемые в этом разделе автобиографии составлялись в форме биографических статей, характерных для таких изданий, как ЭСБ и НЭСБ, либо непосредственно предназначались для них. Как и рассмотренные выше, эти жизнеописания ориентированы на сугубую информативность и отличаются в большей или меньшей степени подробными данными о результатах общественно-политической активности, научной и творческой деятельности. Следует отметить, что значительное число автобиографий из коллекции Венгерова, готовившихся для помещения в названных словарях, не были использованы в них, и им была уготована архивная судьба.

Повествования, целенаправленно создававшиеся в жанре энциклопедической статьи, часто невелики по объему. Если в КБС Венгеров публиковал, как правило, весь документ целиком, избегая каких-либо купюр, то при помещении присланных авторами сведений о себе в ЭСБ и НЭСБ сохранялась лишь «статусная» информация, освобожденная от всего, что представлялось «лишним», с точки зрения правил, принятых в этих изданиях при публикации

[159] *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 292.

биографической статьи. Например, последовательно изымались данные о гимназическом образовании, подвергались сокращению или вовсе опускались перечни отзывов на произведения того или иного автора; из биографической части исключалось все, что представляло «частное», «домашнее». В результате текст предельно обезличивался и приспосабливался к издательским образцам.

Среди многочисленных документов этого типа назовем жизнеописания преподавателя русского языка и словесности П. И. Бракенгеймера, прозаика и поэта Б. А. Верхоустинского, юриста, профессора Томского и Варшавского университетов И. А. Малиновского, ученого-медиевиста В. Н. Перетца, писателя-публициста А. С. Панкратова.

Остановлюсь на некоторых. Одну из автобиографий можно назвать «квинтэссенцией» рассматриваемого типа. Речь идет о кратком саможизнеописании А. С. Панкратова, высланном Венгерову в 1913 г. Оно представляет собой образец биографической статьи для изданий справочного характера и дает лишь сжатую «выжимку» ключевых сведений о журналисте:

«Панкратов, Ал<ексан>др Савич, родился в 1872 году, 17 августа, в г. Сапожке Рязанской губернии. Сын почтового чиновника. Получил образование в духовной семинарии и Юрьевском университете на юридическом факультете. Журналист. Постоянный сотрудник московской газеты ″Русское слово″. Ряд бытовых очерков помещен им в журналах ″Вестник Европы″, ″Современный мир″, ″Русское богатство″, ″Новая жизнь″, ″Новый журнал для всех″, ″Исторический вестник″, ″Новое слово″, ″Нива″, ″Искры″ и в газетах «Русское слово″, ″Биржевые ведомости″ и др. Обследовал в качестве специального корреспондента ″Русского слова″ голод 1911 – 12 гг. и написал книгу ″Без хлеба″. Среди разнообразных проявлений жизни русского народа особое внимание его привлекают религиозные искания *народа и интеллигенции* <выделенное курсивом зачеркнуто – Е. К.>. Г. Панкратов написал две книги очерков этих исканий под названием ″Ищущие Бога″».[160]

[160] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2742. Л. 2 [автобиография А. С. Панкратова - <1 янв. 1913 г.>]. Одновременно с этим жизнеописанием Панкратов выслал еще один автобиографический документ, укладывающийся в рамки одного из типов «формальных» автобиографий (см. выше: 1. 2. Curriculum vitae). Оба документа объединяет деловой стиль официальных бумаг, с

По существу, этот документ лишь с некоторой долей условности можно назвать автобиографией. Здесь вместо традиционной фиксации событий жизни человека в их хронологической последовательности мы имеем дело с кратким резюме. В нем история жизненного пути заменена четким и бесстрастным подведением итогов. Время в обсуждаемом тексте не имеет длительности, как если бы между рождением человека и моментом написания документа прошло не нескольких десятилетий, а несколько мгновений, и, чуть появившись на свет, Панкратов «вдруг» стал писателем-публицистом. Подобная форма подачи сведений о себе исключала возможность упоминания о каких-либо исторических событиях и их связи с жизнью автора.

Отложившаяся в коллекции автобиография П. И. Бракенгеймера была написана не ранее 1911 г. и, вероятнее всего, предназначалась для НЭСБ, но так и не появилась на страницах этого издания. Педагог предварил текст документа замечанием о том, что статья о нем, опубликованная в 1905 г. в первом дополнительном томе ЭСБ, с фактической точки зрения, «верна», но «крайне» сжата.[161] Это обстоятельство определило характер дополнений в высланном Венгерову тексте. По сравнению с ранее опубликованным, он был расширен за счет подробных сведений о полученном Бракенгеймером образовании. Тем не менее, предложенный автором документ не выходил за рамки энциклопедической статьи биографического толка.

Профессор И. А. Малиновский предоставил в распоряжение Венгерова два автобиографических документа, датированных соответственно 1913 и 1914 гг.[162] Первый из них составлен в виде рассказа в соответствии с анкетным планом КБС. Он почти в четыре раза превышает объем более позднего варианта

помощью которого достигается главная цель – представить исключительно общественное лицо рассказчика.

[161] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 589. Л. 1 [автобиография П. И. Бракенгеймера – <не ранее 1911 г.>].

[162] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2298. Л. 1—11; 15—17 об. [автобиографии (2) И. А. Малиновского - <не ранее февр. 1913 г.> и <не ранее 1914>].

жизнеописания, целенаправленно создававшегося в жанре энциклопедической статьи, которая предназначалась для публикации в НЭСБ. В свое время Венгеров привлек Малиновского к сотрудничеству в ЭСБ. Ученый-правовед имел значительный опыт в составлении энциклопедических статей и был не понаслышке знаком с редакционными требованиями, поэтому ему не составило большого труда написать «энциклопедическую» автобиографию. Она была выслана Венгерову и с традиционными сокращениями помещена им в 25 томе НЭСБ.

Сравнение двух текстов показало, что в обоих случаях автор ставил перед собой две главные задачи: во-первых, дать характеристику своих профессиональных достижений как профессора Томского и Варшавского университетов по кафедре русского права, а во-вторых, изложить свои общественно-политических взгляды (прежде всего, как яростного противника смертной казни).

Главное отличие автобиографий, написанных в форме биографической статьи для энциклопедического издания, от двух рассмотренных выше заключается в относительной краткости первых. При этом они сохраняют общий для всех «формальных» жизнеописаний признак – подчеркнутую безэмоциональность повествования и сосредоточенность на результатах деятельности рассказчиков.

2.2. «Индивидуализированные» автобиографии

2.2.1. Автобиографии-исповеди

Жизнеописания-исповеди отличает повествовательная доверительность, направленная вовне, к потенциальному читателю. В то же самое время для них характерна сосредоточенность авторов на себе и своих чувствах, связанных, как правило, с поисками своего места в жизни. Автобиография, таким образом,

становилась не только выполнением «заказа», т. е. актом внешним, но и внутренним процессом работы ума и души.

В этой связи для тех, кто писал по плану анкеты, особое значение имело предложение редактора КБС поведать о «*замечательных* событиях» жизни. Тем самым он пытался сконцентрировать внимание своих корреспондентов на выделении тех обстоятельств, которые коренным образом повлияли на их дальнейшую судьбу. Заполнение этого, девятого, пункта анкеты было для авторов наиболее сложным, а подчас и мучительным делом. Он апеллировал к сугубо интимным переживаниям, вызывая нередко противоречивые эмоции.

М. П. Арцыбашев считал, что всякий человек проходит испытания, которые «переворачивают психику» и определяют дальнейший жизненный путь. Автор «Санина» полагал, однако, что только самовлюбленный человек может признать их «замечательными», и сам отказывался от обнародования таких фактов своей жизни, относя их к сфере сугубо личного.[163]

Погружение в конфиденциальный мир духовной жизни было подчас сопряжено с болезненными переживаниями, поэтому рассказчики нередко настаивали на том, чтобы Венгеров был единственным «свидетелем» их личных историй и выражали твердое нежелание обнародовать их. Журналист и переводчик С. И. Рапопорт так разъяснял свою просьбу «*никаким образом*» не печатать его автобиографию:

«Она <автобиография.> к ″славе″ моей навряд ли что́ прибавит, а навредить, пожалуй, может. Да и написана она глупо. Слишком уж много я рассказал о себе, придерживаясь вопросов, поставленных в Вашем циркуляре. Конечно, если бы Вы ограничились лишь тем, что вот, мол, родился тогда-то, кончил курс там-то и написал то-то, то против этого я ничего не имел бы»[164]

---

[163] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 222. Л. 2 [письмо М. П. Арцыбашева к С. А. Венгерову от 17 июня 1912 г.].

[164] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1879. Л. 96 [письмо С. И. Рапопорта к С. А. Венгерову от 3 дек. 1895 г.].

Для многих своих корреспондентов ученый становился конфидентом, которому они вверяли секретные ключи к главному и сокровенному. Так, В. Я. Брюсов настаивал на том, чтобы его «Краткая записка о своей жизни» «ни в каком случае» не попала бы в печать: «Кроме Вас, я этой "Записки" никому сообщать не намерен <…>», – писал он Венгерову.[165]

Не случайно известный профессор-медиевист И. А. Шляпкин дал своему жизнеописанию 1907 года подзаголовок «Для немногих», отсылающий заглавию поэтического сборника В. А. Жуковского «Für Wenige. Для немногих» (1818). Повествование Шляпкина о прожитом и пережитом адресован ограниченному числу друзей и единомышленников, достойных его искренних автобиографических признаний. В рассказе «для немногих», написанном не по обязательству, но по сердечному желанию откровенно поведать о себе друзьям и соратникам, рельефно проявилась колоритная индивидуальность ученого, склонного к эпатажу, театрализации и мифологизации своей жизни.[166]

Эта личная история, написанная 49-летним профессором, разительно отличается от другой, появившейся в коллекции Венгерова пятнадцатью годами ранее, в 1892 г. и, в целом, относящейся к типу «формальных».[167] Судя по строгому следованию анкетному плану КБС, она была составлена именно для этого венгеровского труда. Взятое на себя автором обязательство отвечать строго на поставленные вопросы, не уклоняясь в сторону, лишило его свободы изложения, а читателя – возможности разглядеть за строчками автобиографии личность и характер рассказчика.

В отличие от «формальной», обращенной к абстрактному читателю, автобиография 1907 г. обладает чертами дружеского послания и адресована

---

[165] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 622. Л. 4 [письмо В. Я. Брюсова к Венгерову от 29 марта 1912 г.]

[166] О восприятии личности Шляпкина по свидетельствам его современников см.: *Грачева А. М.* В кругу петербургских медиевистов // *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 80—90.

[167] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3926. Л. 1—2 об. [автобиография И. А. Шляпкина – от 23 апр. 1892 г.]

близкому кругу людей в надежде на доброе понимание и искреннюю благосклонность своих «товарищей и приятелей». Именно их автор полушутливо-полусерьезно приветствовал в заключение своего рассказа, пожелав им «бодро нести жизненные кресты, ни на что горькое не обращая внимания», и напутствовал начинающих коллег-филологов следующим четверостишием:

Да возрастет благое семя,
Чья ни посей его рука;
Бог помочь вам, младое племя,
И вам, грядущие века.[168]

Таким образом, нежелание раскрывать читателю глубоко интимные стороны жизни нередко заставляло авторов адресовать свои послания ограниченному кругу «доверенных» лиц.

Другие авторы, напротив, эпатировали читателя шокирующим «самообнажением» в своих личных историях. Таким было опубликованное в 1904 г. в 6 томе КБС жизнеописание К. Д. Бальмонта, воспринятое некоторыми современниками как «болезненное саморекламирование», «самовосхваление и самообожание», свойственное литераторам-декадентам.[169] Насмешки и язвительные выпады вызвали, по всей видимости, те фрагменты автобиографии одного из ведущих поэтов символистского направления, в которых он скрупулезно перечислял своих ближних и дальних родственников и «останавливался на таких знаменательных психологических моментах своего существования, о которых человек обыкновенный, пожалуй, постесняется разговаривать <…> во всеуслышание».[170]

Приведу в качестве примера один из отрывков автобиографии Бальмонта, возбуждавших наибольшее раздражение читателей:

---

[168] Там же. Л. 17. Автобиография была опубликована. См.: *Шляпкин И. А.* Для немногих. Автобиогр. заметка. СПб., 1907. [2], VIII с.

[169] *Без подписи*. Откровенные разговоры: по поводу одной автобиографии <рецензия на 6 том КБС> // Южный край. 1904. № 8164. 27 июля. С 4.

[170] Там же.

«Самыми замечательными событиями своей жизни я считаю те внутренние внезапные просветы, которые открываются иногда в душе по поводу самых незначительных внешних фактов. Я затрудняюсь поэтому отметить как более ″значительные″ какие-либо события из личной жизни. Однако попытаюсь перечислить. Первая страстная мысль о женщине (в возрасте пяти лет). Первая настоящая влюбленность (девяти лет). Первая страсть (четырнадцати лет). Впервые сверкнувшая, до мистической убежденности, мысль о возможности и неизбежности всемирного счастья (семнадцати лет, когда однажды, во Владимире, в яркий зимний день, с горы я увидел вдали чернеющий длинный мужицкий обоз)».[171]

В этом эгодокументе Бальмонт, во-первых, противопоставил себя рядовому обывателю, по существу заявив о своей неординарности, исключительности, в силу которой малозначительные события в его жизни были совершенно невозможны. Любое незаметное, на первый взгляд, явление в его судьбе могло приобрести мистический смысл. Во-вторых, поэт не только не стеснялся приоткрыть завесу с истории своей сугубо приватной жизни, но и детализировал ее этапы.

Повествования-исповеди отличаются рефлексией и самоиронией, ярко выраженным отношением рассказчиков к своему жизненному пути, их активным сопереживанием описываемым событиям, участниками которых они как бы заново становились. Напряженный эмоциональный накал выливался в соответствующий стиль изложения. Анализ пройденного пути от рождения и до момента составления документа побуждал к подведению итогов, что нередко особенно усиливало авторскую экспрессию. Так, ею наполнены раздумья писателя А. Н. Баранова о своем жизненном и творческом пути:

«Когда я просматриваю в памяти свою жизнь, то во мне иногда возникает вопрос: может быть, при других условиях моя писательская способность могла бы развиться глубже, полнее <…>. При бóльшем внимании к своим писаниям, быть может, я успел бы достичь некоторой известности. Но я не особенно жалею об этом. Литература, во всяком случае, немного проиграла от этого. Я же ей глубоко и горячо благодарен за все, что она мне дала <…>. Много раз спасала меня эта литературная работа от захолустной пошлости, от малодушия, ободряла и

[171] *Бальмонт К. Д.* <Автобиография> // КБС. Т. 6. С. 375—377; то же // Русская литература XX века (1890—1910) / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Издание Т-ва «Мир», 1914. С. 59.

утешала в тяжелые минуты… И хотя я прохожу в литературе незаметным, рядовым работником, но я все-таки ни разу не покривил своей душой, своими убеждениями, никогда никакой расчет или страх не водили моим пером, и никогда за всю свою жизнь я не написал ни одного слова, которое могло бы лечь на меня малейшим пятном. Я всегда верно и преданно, по мере моих скромных сил, служил пером своей родине, и сознание этого мне служит достаточной наградой за мой труд».[172]

В значительной мере, к рассматриваемому типу тяготеет и автобиография публициста, мемуариста, секретаря Л. Н. Толстого, автора работ по русской литературе XIX века В. Ф. Булгакова.

Ее написанию предшествовали драматические события в судьбе героя, связанные с его отказом от воинской повинности, когда он «почти не ожидал остаться живым и невредимым». Это обстоятельство определило общую, глубоко личную тональность повествования. Острая напряженность обстоятельств, в которой очутился рассказчик, заставила его не просто выстроить хронологическую канву своей жизни, но и как бы исповедаться самому себе или тем, кто в случае неблагоприятного поворота, прочтет этот документ. Булгакову было важно не пропустить ничего, что, на его взгляд, представлялось наиболее существенным. В решительный момент рассказчик обдумывал и осмыслял прошедшее, не пытаясь приоткрыть завесу тревожного будущего:

«Сегодня, - писал публицист, – я не могу сосредоточиться на чем-нибудь серьезном, в виду того, что нахожусь в состоянии ожидания, чем, наконец, разрешится неопределенность моего теперешнего положения. <…> Пока займусь поэтому тем, что вспомню кое-какие моменты из прошлого моей жизни. Кто знает, не будет ли для нее предстоящее испытание роковым? А если так, то вот я оставляю это друзьям».[173]

Автобиография Булгакова – не столько попытка воспроизвести последовательность событий, сколько подвести итог прошедшего, прояснить себе

---

[172] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 290. Л. 6—6 об. [автобиография А. Н. Баранова – 11 марта 1913].

[173] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 647. Л. 11. Автобиография опубликована. См.: *В. Ф. Булгаков*. Автобиография. Вступ. заметка и публикация В. А. Росова // Ариаварта. 1999. № 3. С. 135—148. Публикация осуществлена по идентичному экземпляру автобиографии, хранящемуся в РГАЛИ (Ф. 2226. Оп. 1. Д. 1316. Л. 1—20).

и читателю витиеватый путь поиска своего предназначения, эволюцию своих нравственных принципов и мировоззренческих установок. Булгаков был уверен, что их формирование из состояния «полной неопределенности» до выхода на «настоящую дорогу» было связано с «полу-случайным» знакомством с идеями «Исповеди» Л. Н. Толстого.

Работа Булгакова над книгой «Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого»,[174] посвященной изложению философских воззрений «великого старца», имела решающее значение в судьбе автора. Она помогла ему осознать и сформулировать «с бóльшими или меньшими глубиною и разносторонностью» его собственные взгляды на основные вопросы бытия. Если в «формальной» автобиографии другого последователя и пропагандиста идей писателя – П. И. Бирюкова – отсутствовал момент становления личности, а встреча с яснополянским мыслителем, также имевшая ключевое значение в его жизни, представлена как одномоментное озарение, то жизненный путь Булгакова освещен как трудная дорога к Толстому через нравственные испытания, сомнения и поиски.

Эволюция религиозного сознания Булгакова, прослеженная им в автобиографии, была непростой. Постепенное разрушение глубокой веры «в совершенно православном духе» привело героя повествования к ситуации, когда «от православия не осталось уже следов».[175] В тот момент, когда произошло окончательное прозрение духовного смысла и логической стройности учения писателя, оно стало для Булгакова «катехизисом» и «единым источником света в жизни».[176] Именно тогда он пришел к той «истинной» религиозности, «которая заставляет человека перенести сущность жизни из телесного существа в духовное». и дает ему силы справиться со всеми трудностями. В ожидании

---

[174] *Булгаков В. Ф.* Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого. С письмом Л. Н. Толстого. М., 1917. 236 с.

[175] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 647. Л. 17, 18.

[176] Там же. Л. 28.

решения своей участи Булгаков писал: «У меня есть точка опоры – вера в Бога. И с нею мне ничто не страшно, все победимо». [177]

Рассказчику были неведомы возможные последствия своего поступка. Молодому человеку, находившемуся на жизненном перепутье, было крайне необходимо объяснить себе и потенциальному читателю-другу свое настоящее через заново проживаемое прошлое.

Проговаривание в письменной форме мыслей, чувств, вызванных воспоминаниями о давно минувшем, приобрело особую остроту и значимость в развернутом жизнеописании синолога В. М. Алексеева. Оно было составлено в 1918 г. и поступило в коллекцию Венгерова одновременно с другим – кратким жизнеописанием. В сопроводительном письме Алексеев сообщил редактору КБС о своем намерении написать и третий вариант – автобиографию-исповедь «в горьковском духе».

Вероятно, этот несостоявшийся замысел отразился в первой части пространного жизнеописания ученого-китаеведа, в которой он мысленно обратился к детским и юношеским годам, охарактеризовав свое воспитание как «безобразное», «темное», «грубое и дикое»:

«Никаких светлых страниц в своем "Детстве" и в своем "Отрочестве" А<лексеев> не запомнил. <…> порно-копрологическое взаимное улюлюканье уличных мальчишек дома, населенного рабочим людом, темный быт угловых жильцов с их неизбежно-грустною моралью, постоянные побои за постоянные провинности и, вообще, <…> темное, о чем противно вспоминать». [178]

В не менее мрачных тонах повествуется и о гимназических годах, которые не привили «никаких идей, стремлений, навыков» и протекали «под общим впечатлением тоски, усталости, мелкого озлобления, от которого всем хотелось бежать опрометью вон». С такой же горечью Алексеев поведал и об атмосфере, преобладавшей на восточном факультете С.-Петербургского университета, в котором он обучался в 1889—1902 гг. Это время, по свидетельству рассказчика,

---

[177] Там же. Л. 30.

[178] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 86. Л. 3.

«совпало с разрухой преподавания <…> и, вообще, с тусклым периодом деятельности этого отделения». Он вспоминал:

«Никаких университетских задач не исповедовалось <…>, никаких научных навыков и исканий не прививалось, никакого научного воспитания не было. Студенческая среда состояла исключительно из карьеристов, смотревших на программы факультета как на необходимое зло, ведущее к диплому и дальнейшей утилизации последнего. <…> Подобная сонно-жадная инертность студенчества (за некоторыми, конечно, исключениями) не нарушалась даже новыми, увлеченными наукой преподавателями, желавшими обновить преподавание факультета на почве общей историко-филологической науки».[179]

Авторская саморефлексия, свойственная жизнеописаниям-исповедям, в полной мере проявилась в личной истории писателя Н. И. Тимковского. Рассказ о себе он начал с истории жизни своего отца. За сдержанной эмоциональностью повествования скрыто мучительное сожаление об одаренной и незаурядной личности, которой не суждено было раскрыться в полной мере. В первой половине 40-х гг. XIX в. Иван <Никанорович> Тимковский[180] учился в московской семинарии вместе с Н. П. Гиляровым-Платоновым: «<…> оба они, - писал автобиограф, - считались людьми недюжинными: Гиляров-Платонов отличался в латыни, отец – в русской словесности и сочинениях».[181]

Так Тимковский пытался донести мысль об изначально равных возможностях для личностной реализации двух людей – своего отца, с одной стороны и известного русского философа, публициста и общественного деятеля, с другой. Однако судьба распорядилась иначе, и пути двух сокурсников резко разошлись. Гиляров-Платонов закончил Московскую духовную академию, в которой несколько лет занимал профессорскую кафедру, служил цензором Московского цензурного комитета, затем состоял чиновником особых поручений при министре народного просвещения, редактором-издателем газеты

---

[179] Там же. Л. 4.

[180] Отчество установлено по изданию: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. СПб., 1855, ч. 1. С. 137. Здесь по ведомству Московского главного архива в должности коллежского асессора поименован Иван Никанорович Тимковский.

[181] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3530. Л. 5 [автобиография Н. И. Тимковского – 8 февр. 1913 г.]

«Современные известия», автором известных историко-философских работ. А вот Тимковскому-старшему нужда помешала продолжить обучение в духовной академии. Он «заделался чиновником и тянул эту лямку всю жизнь».[182] Свою склонность к литературным занятиям Тимковский-сын объяснял влиянием отца, страстного любителя русской литературы.

Отмечу, что в начале своего жизнеописания автор несколько нарочито декларировал равнодушие к фамильным корням, а потому и малую осведомленность о них. Однако совершенно очевидно, что ему было свойственно столь человеческое желание обозначить свою родовую принадлежность к тому, кого, как он считал, лишь несправедливость судьбы лишила возможности развить свои таланты и достичь заслуженных высот. Автору жизнеописания было важно подчеркнуть, что он был сыном того, кто «имел все данные стать передовым человеком». В рассказе Тимковского есть и плохо скрытая болезненная неловкость, оттого что он не может похвалиться выдающимися родственниками, и сожаление о погубленной обстоятельствами жизни отца, и попытка реабилитировать его в собственных глазах и в глазах читателя. За первоначальной бравадой о безразличном отношении к своему происхождению таились глубоко интимные и невеселые переживания автора.

В связи с темой исповедальности нельзя обойти молчанием документы коллекции, по форме не являющиеся жизнеописаниями, но имеющие непосредственное отношение к биографии персонажа коллекции и в этом отношении дающие исследователям обширный материал, подчас не менее ценный, чем автобиографии.

Речь идет, например, об ответе А. А. Тихонова-Лугового на письмо М. П. Протопопова, выразившего неподдельное желание понять суть творчества талантливого беллетриста, уяснить, зачем он пишет, что хочет сказать читателям своими произведениями. То, что сообщил о себе Тихонов-Луговой в строгом смысле не является автобиографией. По сути дела, перед глазами читателя

[182] Там же. Л. 6.

оказывается многостраничная и глубоко личная история формирования мировоззрения литератора от народнического убеждения в том, что «писатель должен быть проповедником»,[183] до отрицания миссионерской роли литературы. Несмотря на то, что документ изначально не предназначался для венгеровской коллекции, его попадание в нее, конечно, не случайно. Чтобы выполнить свое намерение и поведать о своем писательском пути, Луговой, по его словам, прибег «к методу историческому», который вынудил его «коснуться некоторых автобиографических подробностей». Страстные размышления писателя о своем художественном кредо перемежались отсылками к обстоятельствам своей жизни.

Фактически не может именоваться автобиографией и письмо Н. М. Благовещенского к редактору КБС от 29 марта 1891 г. Филолог-классик считал для себя неприемлемым, или, по крайней мере, преждевременным выполнение просьбы Венгерова о составлении жизнеописания.[184] Неожиданно для самого автора его отказ превратился в письмо-исповедь на 14-ти заполненных с двух сторон листах. Конечно, нельзя отрицать значение этого текста для изучающих жизненный путь ученого, хотя читатель не найдет здесь сведения, традиционные для автобиографии. Правильнее говорить об очень личных и весьма невеселых размышлениях автора о науке и о своем трудном и почти лишенном признания пути в ней. Судя по документу, гипертрофированное самолюбие ученого не раз было задето замалчиванием его трудов и несправедливыми оценками, которые были следствием недобросовестности и тщеславных устремлений его коллег по филологическому цеху. В своем письме к Венгерову Благовещенский с горечью сетовал: «<…> никто из моих явных и

---

[183] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3547. Л. 60 об. [письмо А. А. Тихонова-Лугового к М. А. Протопопову от 23 нояб. 1899 г.]

[184] Примечательно, что за три с небольшим года до этого Благовещенский «с особым удовольствием» принял приглашение внести свое имя в Альбом М. И. Семевского «Знакомые», пополнив его обстоятельной автобиографией. См.: Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина». 1867—1888. СПб., 1888. С. 354—359.

многочисленных тайных врагов (разных завистливых бездарностей) не коснулся печатно ученых грехов, какие могут найтись в моих книгах, статьях и переводах. <…> Все дело ограничилось закулисными интригами, которые, как я испытал на себе, часто наносят у нас больше вреда намеченному объекту, чем открытая и почти никого не интересующая филологическая борьба».[185]

Письмо В. Н. Перетца к С. А. Венгерову от 19 ноября 1905 г. – также не автобиография, но документ, вносящий вклад в изучение жизненного пути ученого-медиевиста.[186] В письме он извещал редактора КБС об одновременной отправке автобиографической статьи, которая и была опубликована в 3-ем дополнительном томе ЭСБ.[187] Ее текст достаточно информативен и добросовестно отвечает на обычные и обязательные в этом случае вопросы. Составленная от 3-его лица в жанре энциклопедической статьи, она сознательно гасит живые авторские интонации. Они, однако, в полной мере слышны в сопроводительном письме, являющемся живым свидетельством происходивших в 1905 г. в Киеве тревожных событий, на фоне которых проходила научная деятельность ученого.

В 1903—1914 гг. его жизнь была связана с преподавательской работой в Киевском университете. Этот временной отрезок отмечен важнейшими в его научной деятельности исследованиями.[188] Именно в этот период расцвел и

---

[185] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 452. Л. 3—3 об., 15 об. [письмо Н. М. Благовещенского к С. А. Венгерову от 29 марта 1891 г.].

[186] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2792. Л. 0—0. Письмо опубликовано; см.: *Конусова Е. Д.* Штрихи к биографии В. Н. Перетца (по материалам коллекции автобиографий С. А. Венгерова) // Ежегодник Рукописного отдела на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 356—364. В архиве Венгерова также хранятся 26 писем Перетца к нему 1892—1916 гг. (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1727). Содержание переписки двух ученых не только добавляет живые краски к их портрету, но и освещает в их личном восприятии разнообразные драматические события, которыми была так богата эпоха перелома двух веков.

[187] ЭСБ, 1906. Т. 3/д. С. 395.

[188] Библиографию трудов ученого см. в: *Адрианова-Перетц В. П.* Владимир Николаевич Перетц (1870—1935) // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 206—253.

педагогический талант литературоведа. Осенью 1904 г. он приступил к созданию Семинария русской филологии. Через год после его основания в Киеве разразились охватившие всю страну революционные волнения. Забастовки, грабежи, еврейские погромы сотрясали столицу Малороссии. Университет также переживал непростые времена, связанное с угрозой его закрытия и начавшимся противостоянием студенчества и профессорской корпорации. Среди преподавателей Перетц, судя по письму, примыкал к оппозиционному меньшинству.

Впечатления об этих событиях составили содержание документа. Его исповедальную тональность предопределили многолетние дружеские отношения Перетца с адресатом. Только очень хорошо знакомому и близкому по духу человеку Владимир Николаевич мог поверить свои мысли, переживания и надежды.

Особое место среди автобиографий-исповедей занимает жизнеописание историка религии, публицистки Ю. Н. Данзас (№ 1285). А. М. Грачева, опубликовавшая документ, отметила, что его текст только формально являлся ответом на рассылавшийся Венгеровым вопросник и «лишь на низшем фактологическом уровне» был локализован на событиях жизни автора. [189] С «формальными» повествованиями автобиографию Данзас роднит исключительно спокойный, сдержанный стиль, точность и скрупулезность библиографических сведений, характерная для энциклопедических биографий. В действительности, жизнеописание публицистки, по мнению исследовательницы, представляет собой «восходящий к творению Блаженного Августина исповедальный текст, по жанровым признакам ориентированный на житийную литературу».[190]

---

[189] Ю. Н. Данзас. Письмо С. А. Венгерову 1920 г. / публ. и вступ. заметка А. М. Грачевой // *Грачева А. М.* Диалоги Януса. Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века. Портреты Этюды. Разыскания. СПб.: изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С. 133—140.

[190] Там же. С. 134.

Подведу некоторые промежуточные выводы, следующие из вышесказанного.

Редактор КБС направлял усилия своих корреспондентов на такой рассказ о себе, который обрел бы форму и содержание уникального человеческого документа. Особую роль в этом отношении сыграл тот пункт анкеты, который призывал поведать о «замечательных событиях жизни». Для многих авторов эта рубрика становилась камнем преткновения, поскольку разговор о знаменательных, ярких, особенных обстоятельствах в судьбе нередко был связан с глубоко личными переживаниями и почти неизбежно вовлекал рассказчика в русло «исповедальности».

Далеко не каждый был психологически готов к откровенному рассказу о своем жизненном пути. Возможно, здесь кроется, с одной стороны, причина относительной немногочисленности в коллекции автобиографий-исповедей, а с другой, наличия достаточно часто встречавшихся настоятельных требований либо вовсе не публиковать их, либо не публиковать целиком. Личные истории, рассказанные персонажами коллекции, подчас приобретали интимно-камерную стилистику дружеского послания. В них рассказчик не только прослеживал ход событий своей жизни, но и рефлектировал, жаловался, сетовал, печалился, позволял себе быть ироничным, грустным, веселым. Другими словами, он писал не абстрактному адресату, а близкому и, как правило, узкому кругу людей в расчете на их понимание, сочувствие и доброе расположение. Этим в автобиографиях-исповедях объясняются напряженный эмоциональный накал, ярко выраженное отношение повествователя к своему жизненному пути, активное сопереживание описываемым событиям.

2.2.2. Автобиографии-мемуары

Этот тип представлен объемными автобиографическими эссе или очерками, в которых частная жизнь человека прослеживалась в контексте общественно-политических событий. Внимание к историческим, культурным, бытовым деталям

усиливало «прикрепленность» рассказчика к конкретному временному отрезку. В таких жизнеописаниях нередко встречаются замечания типа: «по преданию», «помню», «помнится».

Этому корпусу документов, несомненно, принадлежит личная история Д. И. Тихомирова. В его повествовании моменты собственной судьбы сопряжены с наиболее важными явлениями в жизни страны. Так, свое педагогическое призвание он ощутил, наблюдая в детстве «тяжелые сцены крепостного бесправия».[191] Именно тогда в нем проснулась потребность служения неграмотным крестьянам, и он почувствовал «бессознательное стремление учительствовать».[192] Годы, проведенные Тихомировым в учительских классах для приготовления кадров для училищ военного ведомства (Петербург) и Учительской семинарии Военного ведомства (Москва), совпали с «живым» временем – «эпохой великих реформ во всех областях русской жизни». В частности, она коснулись коренных преобразований военных учебных заведений «под гуманным и просвещенным руководительством» графа Д. А. Милютина.[193] Тихомиров высоко оценил предпринятые министром реформы, одним из результатов которых было создание образовательных учреждений, гуманный дух которых воспитывал в будущих педагогах «благоговейную любовь к своему труду» и их «неуклонное стремление к совершенствованию».[194]

Автобиография Тихомирова зафиксировала подъем общественно-культурных настроений, направленных на «разрешение широких задач всестороннего раскрепощения жизни от мертвящей власти вековой тьмы».[195] Произошедшие в 60-е годы XIX века коренные социальные изменения имели, по мнению повествователя, исключительное значение для формирования его мировоззрения и определили его призвание. Документ содержит подробные

---

[191] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3543. Л. 6 [автобиография Д. И. Тихомирова – 17 сент. 1913 г.].

[192] Там же. Л. 7.

[193] Там же. Л. 11.

[194] Там же. Л. 13.

[195] Там же. Л. 16.

сведения об организации фабричных и благотворительных школ, общеобразовательных курсов для женщин и других учебных учреждений. Как активный член Московского Комитета грамотности, Тихомиров осветил работу этой организации, рассказал о господствовавшем в ней духе бескорыстного и честного служения делу народного образования.

История жизни, рассказанная педагогом, в целом предоставляет исследователю ценный материал для истории народного просвещения как первых пореформенных десятилетий, так и конца 1870-х – начала 1890-х гг. – периода «суровых испытаний», когда запрещалось открытие педагогических курсов, проведение съездов учителей, когда «все жизненное и развивающее духовные силы содержание школьного учения признавалось излишним, и в школьных занятиях укрепился сухой и бессодержательный формализм».[196]

Несомненно, к типу автобиографий-мемуаров принадлежит объемистое жизнеописание Н. А. Рубакина, датированное 1898 годом. В своем многостраничном жизнеописании известный книговед Н. А. Рубакин со свойственной профессиональному библиографу скрупулезностью зафиксировал и охарактеризовал современные ему явления общественной и культурной жизни страны, так или иначе повлиявшие на его жизненный опыт.

Поступление Рубакина в Санкт-Петербургское 2-е реальное училище в 1873 г. совпало с периодом реформы среднего образования, инициированной министром народного просвещения гр. Д. А. Толстым. Известно, что среди современников за последним закрепилась слава жесткого консерватора. Не раз на страницах автобиографий персонажей венгеровской коллекции имя графа поминалось недобрым словом, особенно если годы их гимназического учения падали на время образовательной реформы, проводившейся министром.[197] Не

[196] Там же. Л. 47.

[197] Например, писатель И. П. Белоконский в автобиографии утверждал, что развитию у него «сначала оппозиционного, а затем и революционного направления» более всего содействовали внедрившиеся вследствие реформы в среднюю школу «усиленный классицизм и жестокий режим». См.: РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 370. Л. 19, 20.

исключением стало и жизнеописание Рубакина. Он живо обрисовал училищную жизнь, дух которой определял директор училища Е. Х. Рихтер – яростный поклонник Д. А. Толстого и его нововведений.

«Этот господин, – писал Рубакин, – как известно <…> типичный представитель традиций Д. А. Толстого. Он ставил своею целью, во-первых, обуздывать ученика с тем, чтобы сделать из него хорошего работника, хорошего исполнителя, но не инициатора; идеалом для Рихтера <был> ученик, боящийся начальства, исполняющий все его даже мельчайшие и нелепейшие желания, <…> умеренный, аккуратный, ″трезвенный″ в духе господствующих ″веяний″, совершенно чуждый всякого рода ″превратных толкований.″ <…> Он <Рихтер. – *Е. К.*> читал длинные рацеи о значении самодержавия и народности. Он воочию доказывал примерами, что низшие сословия не должны мечтать о переходе в высшие и исключал при первом удобном случае из училища ″кухаркина сына″ <…>. Он заставлял педагогов делать из науки мораль. Он вывесил портреты Д. Толстого и говорил пред ним ученикам речи, внушая <…>, как они должны быть благодарны этому великому человеку. <…> Училище оказало на меня единственное влияние: оно научило ненавидеть тот цикл идей и тот строй, пропагандистом которого и защитником, и представителем являлся Е. Х. Рихтер».[198]

Поскольку Рубакин писал своему современнику, ему нередко достаточно было указать год или намекнуть на какое-либо событие, чтобы тому было понятно, о чем идет речь. Так, например, в рассказе о процессе становления мировоззрения, Рубакин отметил, что его окончательное формирование произошло к восемнадцати годам под влиянием событий, «отметивших русскую общественную жизнь конца 1870-х годов»:

«К 1880 г., – писал библиограф, – создалось у меня и настроение, которое крепко сидит во мне и в настоящее время. <…> создали его брошюры, ходившие в публике и доходившие до меня; создало его то общее несочувствие к репрессивным мерам, каким отмечены те же годы».[199]

Автор документа избежал здесь исторической конкретики, которая в разговоре с человеком, лишь на несколько лет старше его, была излишней. Венгеров, несомненно, понимал, что речь в этом отрывке, скорее всего, шла об идеях и деятельности революционных народников, в частности, «Земли и воли», о

[198] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3106. Л. 3 об.—4 об.

[199] Там же. Л. 5.

печатных органах этой организации и о правительственных репрессиях, направленных на ее уничтожение.

С этим настроением в 1882 г. Рубакин поступил на математический факультет Санкт-Петербургского университета. Однако надежды молодого студента на «широкий размах» университетской жизни не оправдались. В ней, по словам библиографа, после 1881 г. «царил уже не совсем хороший дух».[200] Университет оставил у автора документа «холодные» и «недобрые» воспоминания. Желание «практической борьбы», далекой от академической атмосферы, определило дальнейшую судьбу Рубакина. Жажда «живого» дела осуществилась, когда в октябре 1888 года он, вместе с отцом и братом, инженером-технологом, взял в аренду фабрику оберточной бумаги в Стрельне. Тогда Рубакин очутился лицом к лицу с рабочими и увидел, «какая сила скрыта в этой серой, <…>, обездоленной толпе, и уверовал в эту толпу, и решил работать для нее».[201]

На страницах автобиографии Н. А. Рубакина читатель найдет материал для истории общественно-культурной жизни столицы в 1880-е — 1890-е гг.

Так, с грустью и сожалением Рубакин воспроизвел в памяти событие 1896 г., связанное с прекращением работы Санкт-Петербургского комитета грамотности, в котором он активно трудился в 1891—1896 гг:

«<…> в последний день его существования, когда в министерской комиссии подписывалось упразднение Комитета, <…> мы все, измученные нравственно и физически, собрались у <Г. А.> Фальборка <…> и думали невеселую думу. Тут был <…> <В. И.> Ч<арнолуский>, <В. В.> Девель, я <…> и др. Но наше настроение было не подавленное, это было настроение грусти, злобы и борьбы. И мне, и другим еще больше захотелось работать и бороться. Да мы за это время и сумели узнать, где и как нужно бороться. Я лично выбрал себе борьбу посредством распространения книг».[202]

Создатель библиопсихологии, исходивший из убеждения в первоочередной необходимости всестороннего изучения вкусов и способа восприятия читателя из

---

[200] Там же. Л. 6.

[201] Там же. Л. 7.

[202] Там же. Л. 11 об.

народа, сквозь призму воспоминаний подвел итоги десятилетия своего труда на ниве популяризации книги в этой среде.

В своих воспоминаниях Рубакин вернулся к событиям, предшествовавшим созданию писательского союза. Тогда, в беседе с писателем и литературным критиком А. М. Хирьяковым у него «явилась мысль, что не дурно было бы сделать что-нибудь для объединения братии и для единодушного действия их <…>».

«Мысль эту, – писал Рубакин, – решено было привести в исполнение. У меня на квартире начались тогда собрания и ужины литераторов, на к<ото>рых были <С. А.> Венгеров, <С. Н.> Кривенко, <М. Л.> Песковский, Л. Ф. Пантелеев и др. Ужины эти разрослись и перешли затем в педагогич<еский> клуб, превратились в обеды. На одном из моих ″ужинов″ между прочим было прочитано письмо Н. К. Михайловского ко мне (хранящ<ееся> в моих бумагах), где Н<иколай> К<онстантинович> подает мысль о петиции. Обсуждением сего вопроса занялись на ″обедах″ в педагогич<еском> клубе. Далее из этих обедов возник и союз писателей <…>».[203]

Венгеровская коллекция запечатлела интеллектуальную жизнь интеллигенции столичных и крупных университетских городов Российской империи и – что особенно важно – ее окраин. Случалось, автобиографическое повествование приобретало характер краеведческого очерка. Так, уроженец Великих Лук, А. Н. Мошин посвятил немало строк истории родного города и нравам его обитателей.[204] В своем жизнеописании литератор нарисовал колоритные портреты людей, в разные годы оказавших влияние на становление его личности. Среди них были не только люди, сыгравшие видную роль в научной и культурной жизни России, такие как Л. Н. Толстой, М. И. Семевский, Г. А. Мачтет, В. П. Острогорский, Г. А. Федотова и многие другие, но и провинциальные интеллигенты-труженики, воспоминания о которых, возможно, сохранились лишь на страницах личной истории Мошина. Так, он с особым теплом написал о товарище прокурора Великолукского окружного суда Иосифе Ивановиче Августинóвиче и преподавателе истории Великолукского реального

[203] Там же. Л. 13 об.

[204] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2489. Л. 1—46. [автобиография А. Н. Мошина – 15 июня 1913 г.].

училища Сергее Ивановиче Взорове и рассказал об обстоятельствах своего знакомства с ними.[205]

Ориентированность на воспоминание позволяла выявить многочисленные пересечения судеб авторов с судьбами других людей. Информационная насыщенность автобиографий-мемуаров проявляется в обилии встречающихся в них имен и историко-культурных фактов.

Так, автобиография того же И. И. Попова пестрит именами известных представителей отечественной интеллигенции, с которыми его сводила судьба. Среди них писатель Федор Сологуб, петербургские преподаватели и профессора (К. К. Сент-Илер, В. А. Латышев, Я. Г. Гуревич), ученые-путешественники (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц). Немало места в своей личной истории Попов уделил описанию демократической атмосферы, царившей в годы его учебы (1879—1882) в петербургском Учительском институте.

Драматург и прозаик П. А. Оленин в годы учебы в московском Реальном училище И. И. Фидлера имел возможность познакомиться с выдающимися современниками, входившими в круг общения его отца, занимавшего тогда пост директора Строгановского училища. Среди них были публицист и общественный деятель А. И. Кошелев, болгарский политический деятель Петко Стойчев Каравелов, литератор и театральный деятель С. А. Юрьев, врач и путешественник П. Я. Пясецкий; художники М. А. Зичи, А. В. Маковский, А. И. Стрелковский, Ф. И. Ясновский, К. Беккер; артисты В. Н. Андреев-Бурлак и М. Т. Иванов-Козельский. Влияние этих людей оказало «сильное влияние» на увлекающуюся натуру Оленина, и он «попеременно стремился то к тому, то к другому призванию…».[206]

---

[205] Автобиография Мошина в окончательном варианте была опубликована в газете «Отклики Кавказа». См.: *Мошин А.* Автобиография // Отклики Кавказа. 1913. № 169. 31 июля. С. 4; № 175. 8 авг. С. 4; № 176. 9 авг. С. 4; № 177. 10 авг. С. 3; № 179. 13 авг. С. 4; № 184. 20 авг. С. 4; № 185. 21 авг. С. 4; № 186. 22 авг. С. 4; № 187. 23 авг. С. 4.

[206] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2669. Л. 11 [автобиография П. А. Оленина – 26 мая 1913 г.].

Автобиография писателя из народа А. А. Петрова, озаглавленная «Тернистый путь» насчитывает тридцать «главок». Перечень их заглавий представляет собой некий «скелет», своего рода пунктирную линию, каждая точка которой отмечает какой-либо ключевой момент в жизни автора. Приведу заглавия некоторых «глав»: «Краткая история рода», «Детство», «Школьные годы», «Обучение ремеслу», «В родной семье», «Первое стихотворение», «Знакомство с Чеховым», «Знакомство с Горьким», «Пешком ко Льву Толстому», «Знакомство с писателями из народа», «Сотрудничество в ″Народном благе″», «В кружках писателей из народа». Последние пять из перечисленных выше «главок» занимают четвертую часть всего документа. В основном именно они определяют его мемуарный характер. Самое значительное место в них отведено контактам Петрова с писателями из народа: П. А. Травиным, Е. Е. Нечаевым, Ф. С. Шкулевым, Г. П. Поповым, С. Ф. Бобриковым и др. О своем участии с 1902 г. в жизни этой творческой среды писатель поведал немало значимых для историка литературы деталей и подробностей.

Петров просил Венгерова поспособствовать в деле издания своей личной истории, поэтому ему важно было включить в нее главы, посвященные мэтрам русской литературы: с одной стороны, это возвышало автора в его собственных глазах, а с другой стороны, поднимало его писательский «рейтинг» в читательском мнении. Литератор понимал, что без этих глав вряд ли стоит рассчитывать на желанную публикацию.

Следует, однако, иметь в виду, что его знакомство с Чеховым и Горьким имело весьма поверхностный характер. С Чеховым Петров несколько раз встречался в Ялте в 1901 г. и давал ему на просмотр свои рассказы. Писатель рекомендовал начинающего литератора издательнице и редактору «Ялтинского листка» Ф. К. Татариновой.

На следующий год в сопровождении работников этой газеты Петров посетил приехавшего в Олеиз Горького. Это событие так отражено в документе: «Максим Горький нас принял довольно радушно и много беседовал с нами по вопросам литературным, общественным и даже религиозным, выказав при этом большой темперамент и

уверенность в своих суждениях». Во время другого свидания Горький, прочитавший два сочинения еще неопытного автора, дал ему «несколько хороших советов, как писать рассказы». [207]

Любая, даже самая незначительная деталь, связанная с именем Л. Н. Толстого, представлялась современникам драгоценной информацией, которую и наш автор поспешил зафиксировать. Однако то, о чем рассказал Петров в главе «Пешком к Толстому», носит в этом отношении несколько курьезный характер. Он поведал о том, как в 1902 г. в Гаспре *не состоялась* его встреча с писателем, как удалось лишь мельком увидеть его издалека и «подслушать» следующий обрывок беседы С. А. Толстой, Л. Л. Толстого и доктора Л. Б. Бертенсона:

– Софья Андреевна, – говорил Бертенсон, – да Вы бы *его* как-нибудь уговорили съесть кусочек курицы… Или уж, если этого нельзя, то хоть несколько ложек куриного бульона…

– Что же я могу с *ним* сделать, – сетовала Софья Андреевна. – Я уже говорила ему об этом и *просила его*… Но *он* ни за что не соглашается.[208]

Рассмотренный в разделе «автобиографий-исповедей» рассказ В. Ф. Булгакова, без сомнения обладает и мемуарными характеристиками. В нем воспроизведены наиболее яркие воспоминания раннего детства, гимназических лет и периода студенчества, названы имена людей, встретившихся на жизненной дороге и повлиявших на процесс становления личности и мировоззрения этого человека. Среди них известный ученый-путешественник Г. Н. Потанин, А. Г. Достоевская, В. Г. Чертков и, конечно, Л. Н. Толстой, личное знакомство с которым состоялось в 1907 г.

Булгаков не ограничился перечислением выдающихся современников, с которыми его свела судьба. Воспоминание о встречах с ними побудило его к созданию портретных характеристик. Вот как, например, запечатлелись на страницах его жизнеописания участники собрания в честь Льва Толстого (в числе докладчиков был и Булгаков):

---

[207] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2810. Л. 36.

[208] Там же. Л. 37.

«<Д. С.> Мережковский – маленький, щупленький, как цыпленок, с испорченными зубами, желтеющими у него во рту под усами, при любезной широкой искусственной улыбке. <Н. В.> Давыдов – с его старческой глупостью. <П. Н.> Сакулин – с его заученным красноречием. На эстраде среди почетной публики сидели рядом ректор <А. А.> Мануилов и прив<ат>-доц<ент> <А. А.> Кизеветтер, историк. Обернувшись и сходя с кафедры по прочтении доклада, я встретил взором их фигуры: оба хлопали мне в ладоши…».[209]

Авторам повествований этого типа было важно поведать о себе как о представителях поколения, связанных с ним неразрывными узами, осмыслить свою жизнь как органичную часть временного континуума. С этим обстоятельством связана «биографическая многослойность» жизнеописаний-мемуаров.

Так, П. А. Оленин (№ 2669) включил в свое жизнеописание краткие биографические справки о представителях двух родовых ветвей – Олениных и Бакуниных. К первой он принадлежал со стороны отца, ко второй – со стороны матери. Среди членов обоих семейных кланов были очень известные люди: директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств А. Н. Оленин; близкий членам «Могучей кучки» композитор А. А. Оленин; певица М. А. Оленина-Д'Альгейм; сражавшийся на полях Отечественной войны 1812 г. и причастный декабристским кругам П. А. Оленин; директор Академии наук и художеств П. П. Бакунин; лицеист первого выпуска, тверской губернатор А. П. Бакунин; русский мыслитель и политический деятель М. А. Бакунин.

«Все они, - писал Оленин, - были, без сомнения, в числе передовых людей своего времени и поддерживали дружеские сношения с выдающимися современниками. Олениных тяготели более к литераторам и художникам, Бакунины – к ученым и политическим деятелям <…>».[210]

Свое повествование он увлеченно начал с изложения «туманных» семейных преданий о происхождении рода. По одной легенде, он вел начало от ирландских королей. По другой – от казачьего атамана Ермака Тимофеевича. Согласно третьей, Олениных были выходцами из Лотарингии.

---

[209] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 647. Л. 26.

[210] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2669. Л. 5.

Несомненно, П. А. Оленину было важно поведать о своих родовых корнях. Демонстрация кровной связи с именитыми фамилиями повышала самооценку рассказчика, приподнимала его в глазах читателя и объясняла многое в его личности и судьбе. Сведения о близких и дальних членах семьи как бы выявляли причастность автора документа к славе предков. Так конкретная автобиография отразила формирование родового исторического сознания индивидуума.

«В моем роде, – размышлял он, – найдется, следовательно, немало талантливых и выдающихся людей <…>. Но, кроме талантливости, следует указать также на разносторонность деятельности большинства из них. В этом отношении я могу, <…>, считаться типичным представителем всего моего рода, потому что нет, кажется, ни одной отрасли, на которой я бы не испытывал свои силы и вечно стремился <…> от одного к другому, не удовлетворяясь тем, чего достиг в данную минуту, а ища нового и нового».[211]

Оленин явно гордился своими фамильными чертами. Они состояли, по его мнению, в стремлении избегать «проторенных дорожек», чуждости буржуазному благополучию, влечении к самобытности и самостоятельности. В то же время именно эти качества он считал препятствием, помешавшим многим Олениным достичь совершенства в чем-нибудь одном.

Этот обобщенный словесный образ семейного клана предварил повествование о самом рассказчике и настроил читателя на восприятие его личности в ореоле фамильной истории.

В пределах одного документа мы подчас сталкивается не с одним, а с несколькими жизненными историями, поскольку рассказчики считали своим долгом познакомить читателя с фактами биографии своих старших родственников. Так, в личную историю В. Ф. Булгакова, М. М. Лисицына, А. Т. Михайлова, А. Н. Мошина, И. И. Попова, Н. А. Рубакина и многих других органично включены биографические мини-этюды, посвященные их родителям. В рассказах о них корреспонденты Венгерова старались обрисовать характеры близких людей, найти с ними ту личностную преемственную связь, которая

[211] Там же. Л. 6.

способствовала формированию собственного мировоззрения и жизненного пути в целом.

Так, например, рассказ уральского журналиста и народного учителя А. Т. Михайлова об отце проникнут сыновней любовью, уважением и гордостью. Весь свой век тот прослужил земским фельдшером, стараясь «пробуждать дремлющие деревенские слои, воюя со всеми неприглядными сторонами народной жизни»;[212] был проводником кооперативных идей в деревне; по его инициативе Пермская губерния покрылась сетью кредитных товариществ. Сын признавался:

«Я остановился <…> несколько долго на своем отце, потому что нахожу свое большое сходство в духовном отношении с ним. Он передал мне тот размах души и ту же любовь к нашему горемычному народу».[213]

Большую роль в собственном развитии журналист М. М. Лисицын относил на счет отца и матери, создавшим в своем доме атмосферу любви к просвещению и всему передовому в нем. Он писал, что родители получили домашнее воспитание, но «отличались стремлением к самообразованию», «выписывали много <…> книг, газет и журналов <…> прогрессивного направления»; их любимейшим времяпровождением было чтение, при котором неизменно присутствовал маленький Лисицын, «жадно ловя все, что читалось и говорилось». В ту «кипевшую общественными страстями эпоху» вокруг семьи Лисицыных объединилось «все, что было тогда в провинции <…> лучшего, светлого, более мыслящего, развитого <…>».[214] Ребенком Лисицын оказывался невольным свидетелем «горячих споров и дебатов на современные темы», жадно впитывая все происходившее вокруг него.

Для построения образа отца писатель А. Н. Мошин использовал, по всей видимости, дорогие его сердцу родовые предания. Он живо воскресил их в своей

---

[212] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2428. Л. 4 [автобиография А. Т. Михайлова – 21 марта 1913 г.].

[213] Там же.

[214] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2164. Л. 28—29 [автобиография М. М. Лисицына – 20 июля 1913 г.].

автобиографии. По ним он реконструировал яркие картины, связанные с юностью родителей и романтической историей их любви:

«Отец в юности слыл ″буйной головушкой″. Несмотря на свой маленький рост, ходил один, с ружьем и собакой охотиться на медведя, бросал всякое дело весной и уходил далеко за город стрелять диких уток или ловить рыбу (так он продолжал и во всю свою жизнь, до самой смерти). Тогда же, в его юности, происходили еще по древнему жестокому обычаю Господина Великого Новгорода <…> кулачные бои между молодежью, причем купцы и мещане одной стороны города "выходили" на "другую" густыми толпами по несколько сот человек. В этих кулачных боях мой отец неизменно принимал участие. <…> Отец же мой однажды проявил явную привязанность к моей матери при условиях слишком необычных. Ледоходом снесло мост, и оставалась только одна жердочка, случайно уцелевшая между обломками моста. Моя мать, как и другие девушки, махала платком, приветствуя весь народ на противоположном берегу. <…> Тогда отец быстро направился к обломкам моста и стал пробираться над двигавшимися глыбами льда к уцелевшей посередине реки жердочке. Огромные толпы народа на обоих берегах замерли в ужасе, и наступила небывалая тишина, только шумел зловеще лед. Отец встал на жердочку и, осторожно балансируя, благополучно перебрался на другой берег и побежал к любимой девушке. Но она была в обмороке от ужаса, и ее родные обиделись на моего отца за то, что он осмелился столь публично проявить к ней любовь. А народ на обоих берегах долгими оглушительными криками выражал восторг отчаянному смельчаку. За все эти ″озорства″ и, главное, за ″распущенность″ степенная, строгая семья моей матери не желала отдать за него замуж шестнадцатилетнюю Вареньку. Дед мой Александр Тимофеевич, обиженный тем, что ″бракуют″ его ″старшего сына Коленьку″, также не изъявлял на этот брак своего согласия. Тогда мои родители обвенчались тайно <…>».[215]

Судьба большинства венгеровских корреспондентов так или иначе была связана с периодической печатью. Неудивительно, что в своих автобиографиях-мемуарах они не раз запечатлевали страницы ее прошлого. Приведу лишь несколько примеров.

В уже упоминавшейся личной истории И. И. Попова исследователь обнаружит немало деталей и подробностей из истории литературно-политической газеты «Восточное обозрение», с изданием которой журналист был тесно связан в 1889—1895 гг.

---

[215] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2489. Л. 4—5.

Журналист М. И. Лисицын включил в свое повествование воспоминания о литературной жизни Петербурга последней трети XIX в. В середине 1860-х гг. А. К. Шеллер-Михайлов поддержал творческие начинания молодого провинциального литератора и стал его крестным отцом в литературе. Благодаря ему, круг знакомств и связей Лисицына в писательской среде постепенно становился шире. Когда ему случалось бывать в столице, он получал приглашения на журфиксы в доме Шеллера, знакомившего его с многоликим литературным сообществом столицы.

«Здесь бывали И. И. Ясинский, Е. И. Сысоева, В. И. Бибиков, А. Е. Зарин, А. И. Фаресов, Л. П. Шелгунова, Д. Л. Михайловский, А. И. Введенский и некоторые другие деятели средней прессы», – вспоминал Лисицын.[216]

Со временем Лисицын стал деятельным сотрудником многих петербургских периодических изданий (в т. ч. «Живописного обозрения», «Петербургских ведомостей», «Всемирной иллюстрации»). Накопленный журналистский опыт позволил ему основать в 1893 г. еженедельную политическую и литературную газету «Прибалтийский листок» (с 1899 – «Прибалтийский край»), объединившую «лучшие местные силы <…> не только русские, но и эсто-латышские, особенно из среды народных учителей».[217]

Один из сюжетов автобиографии Н. А. Рубакина – рассказ о создании в 1892 г. журнала «Мир Божий», в котором его издательница А. А. Давыдова предложила Рубакину выполнять обязанности помощника редактора. Он вспоминал:

«На торжественном ужине, устроенном в честь новорожденного журнала, Н. К. М<ихайловский> подошел ко мне и сказал, что ″я, хотя Вас и не знаю, но очень люблю″. Слова эти до такой степени подняли мой дух, что я и до сих пор помню то светлое, *боевое ощущение*, какое я испытал тогда благодаря уважаемому человеку, статьями которого зачитывался с молодых лет».[218]

---

[216] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2164. Л. 39.

[217] Там же. Л. 43.

[218] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3106. Л. 10.

Раскрыл Рубакин и суть своего конфликта с А. А. Давыдовой, явившегося причиной его ухода из журнала. Свое сотрудничество в нем он связывал с намерением «*сделать из «М<ира> Б<ожьего>» журнал для провинциальной интеллигенции* из разночинцев», в то время как целью издательницы был «журнал для гимназистов старших классов». По свидетельству книговеда, благодаря этой магистральной линии в политике журнала, от сотрудничества в нем отказался и С. Н. Кривенко, а сама издательница со временем, «под давлением жизни», встала на точку зрения своих бывших оппонентов и изменила направление журнала.

Небольшой эпизод из жизни сатирического журнала «Искра» вошел в автобиографию писателя и искусствоведа П. П. Гнедича, датированную 1913 г. Он вспоминал, что ребенком не раз был свидетелем устраивавшихся в доме его отца, инженера-путейца, обсуждений репертуара этого издания, и утверждал: «многое, что попало в этот прогрессивный по тому времени журнал», «формировалось у нас за ужинами и обедами».[219]

Начало творческой деятельности самого П. П. Гнедича было связано с катковским «Русским вестником». С редактором журнала молодой тогда автор так и не встретился, но был уверен, что его рассказ «Весною» «был последней вещью, прочтенной Катковым перед смертью». Сотрудничество в «Русском вестнике» сыграло недобрую роль в творческой судьбе писателя. Он признавался, что «всегда» ощущал себя автором, чьи произведения критика обходила молчанием. По словам Гнедича, А. М. Скабичевский в одной из своих статей открыл ему глаза на причины этого замалчивания:

«Оказывается, – писал Гнедич, - <…> я вращался в среде таких людей, как Ап. <Н.> Майков, <А. А.> Голенищев-Кутузов, <Н. Н.> Страхов и пр., и что я *упорно* печатался в консервативных органах и *осквернялся поклонением Бог весть каким богам*».[220]

Не обошел молчанием Гнедич и другой стороны своей деятельности, что позволяет дополнить представление о петербургской театральной жизни 1900-х гг. Известный драматург, автор ряда пьес, шедших с успехом на столичных

[219] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1110. Л. 6.

[220] Там же. Л. 3—4.

сценах, редактор «Ежегодника Императорских театров», он в течение пяти лет заведовал художественной частью Панаевского театра, где, «преодолевая цензурные препятствия», способствовал постановке лучших образцов западноевропейской драматургии. С 1901 г. в течение восьми лет Гнедич исполнял должность управляющего драматической труппы Александринского театра. Значительный фрагмент автобиографии он посвятил этому периоду своей деятельности и тем кардинальным изменениям, которые он внес в жизнь театра:

«Я застал в Александринском театре, в буквальном смысле, Авгиевы конюшни. Уборные были какие-то клоаки. Сцена была покрыта слоем грязи. В кулисах стояли, громко говорили и мешали незанятые актеры, сторожа, курьеры, кучера. <…> парикмахеры были грязны, грубы и неопрятны. Освещение было плохо. В первый день моего вступления в должность, 1 января 1901 года, весело играл оркестр и пели куплеты, шла какая-то одноактная оперетка. <…> Я немедленно снял с репертуара пьесы с пением. Сразу нельзя было ломать старого, но постепенно <…> я добивался переделки закулисного театра. По моему настоянию упразднены в драматических театрах оркестры, бесконечные вызовы в антрактах и бенефисы. Постепенно я убедил дирекцию, что неторопливая постановка восьми пьес в сезон даст более плодотворных результатов, чем спешная постановка тридцати, как это практиковалось раньше. Я настоял на двух генеральных репетициях и получил такое же широкое право на приличную монтировку драмы, как оперы и балета, имевшее в прошлом веке первенствующее значение».[221]

Благодаря активности Гнедича произошли коренные преобразования в репертуарной политике театра. По его настоятельной инициативе была осуществлена постановка пьес русских и зарубежных авторов, прежде «совершенно игнорируемых». Текст пьесы Н. А. Некрасова «Осенняя скука»[222] Гнедич разыскал «в старинном альманахе», комедия была поставлена, и «успех ее был огромный». Настойчивость Гнедича способствовала получению разрешения

---

[221] Там же. Л. 11.

[222] *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. Художественные произведения. Т. 1—10. Т.6. Драматические произведения 1840—1859 гг. Л.: Наука", 1983. С. 167—189, 682. Впервые опубликовано: Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей, т. III. СПб., 1856, с. 253—281.

на постановку «Фауста» с прологом И.-В. Гете, при условии, «чтобы Господь был изображен женщиной».[223]

Годы службы в Александринском театре, о которых Гнедич рассказал в автобиографии, значительно полнее представлены в 27—30 главах его мемуарной «Книги жизни»,[224] однако в целом текст документа не перекрывается этими воспоминаниями, но дополняет их и дает театроведам свежий материал для истории театра.

В «деле» Гнедича имеется и другая автобиография, составленная им в 1887 г. Два документа разделяют не только временной промежуток в четверть века, но и форма подачи сведений о себе. Раннее – формальное по форме жизнеописание принадлежало еще молодому человеку, впрочем, уже получившему некоторое признание в литературно-театральном мире столицы. Вполне объяснимо поэтому, что позднейший из двух документов носит уже мемуарный характер: в 1913 г. Гнедич был уже пятидесятивосьмилетним маститым прозаиком и известным драматургом, которому было, о чем вспомнить и чтó рассказать.

Важной чертой повествований в автобиографиях мемуарного типа была их настроенность не на простую реконструкцию событий, а на воссоздание ярких картин прошедшего. Так, например, журналист И. И. Попов в жизнеописании 1896 г. оживил в памяти дни раннего детства:

«Перед мною и сейчас встают грустные картины; я с любовью и в то же время с болью в сердце останавливаюсь на них: тесная квартирка из трех комнат; тускло горит лампа да теплятся лампадки перед образами; мы, младшие братья и сестры, играем бумажными солдатиками и куклами, старшие братья <…> учат уроки, приткнувшись к столу, бабушка вяжет чулки, а мать, тетка и старшая сестра шьют рубашки, жилеты и т. п.».[225]

---

[223] Там же.

[224] *Гнедич П. П.* Книга жизни: Воспоминания: 1855—1918 / редакция и примечания В. Ф. Боцяновского [Переиздание 1929 года]. М.: Аграф, 2000. С. 223—241.

[225] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2938. Л. 2—3.

Авторы не столько восстанавливали фактографическую линию своей жизни, сколько воскрешали в памяти и стремились передать читателю аромат времени, «оттенки настроения», связанные «с каким-нибудь давно забытым событием, предметом, звуком, запахом…».[226] В связи с этим жизнеописаниям-мемуарам, как и автобиографиям-исповедям, в отличие от «формальных» рассказов по типу curriculum vitae, свойственен особый лиризм и эмоциональная окрашенность.

Эти качества, например, ярко проявляются при сравнении автобиографии И. И. Попова 1896 г. (о ней шла речь выше) и двух других его автобиографий, написанных спустя девятнадцать лет, в 1913 г. Более поздние документы не менее богаты фактами и именами, чем в жизнеописании 1896 г. Однако в автобиографиях 1913 г. индивидуальный голос рассказчика приглушен и отсутствуют та задушевность и то сердечное отношение к событиям и людям, которые характерны для жизнеописания 1896 г.

Личная история Н. А. Рубакина далека от тех формальных жизнеописаний, в которых пройденный путь представал в виде безличностной фиксации заслуг повествователя в той или иной сфере деятельности. Сам библиограф назвал свою автобиографию «послужным списком», однако на деле – это пронизанная глубоким чувством история человека, отдавшего себя делу изучения читателя из народа и популяризации знания в этой среде. Так Рубакин сформулировал итоги прожитого и свое жизненное кредо:

«Меня не расшатали тычки и колотушки – они придали лишь силы и бодрости. Не расшатали и несчастья (в 1895 г. я потерял любимую дочь Люсеньку, а в 1896 г. отца, горячо любимого нами. Вообще семья наша до последнего времени дружна и сплоченна). Но расшатал меня нефрит. Я сделал мало, но если б я имел меньше текущую жизнь, то сделал бы больше и ушел бы из толчеи, меня окружающей. Но и то, что я сделал, – я сделал, поклоняясь единому богу. Я ему служил, как мог, и сам, как умел, отыскивал пути и способы для служения. Я глубоко убежден, что стою на верной дороге, и что если и другие будут следовать тем же путем и способам, тоже помогут делу. Я могу сказать про себя: ″Я всегда был человеком стремлений″.

[226] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3530, л. 10 [автобиография Н. И. Тимковского – 8 февр. 1913 г.].

<…> Сыну и жене я оставлю честное имя. Помянет меня добрым словом и учащая и учащаяся молодежь, и рабочие, к<ото>рых любил и к<ото>рым служил я весь век».[227]

Таким образом, основными приметами, маркирующими автобиографии-мемуары, являются: широкий охват историко-культурных событий в связи с личной историей героя-повествователя, осознание им своей семейно-родовой принадлежности, «биографическая многослойность», яркие портретные характеристики известных и неприметных представителей русской интеллигенции, внимание к бытовым деталям, лиризм и эмоциональность повествования. Все эти атрибуты автобиографий-мемуаров свидетельствуют об их широком источниковедческом потенциале.

2.2.3. Беллетризованные автобиографии

Особую группу в коллекции образуют писательские жизнеописания. Композиционная стройность, выверенность стиля, отмеченного печатью авторской индивидуальности, отличает личные истории таких мэтров отечественной словесности, как, например, Ю. К. Балтрушайтис, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, Вяч. Иванов, Д. С. Мережковский. Их автобиографические повествования являются результатом привычной работы мастера слова с текстом.

Ряд личных историй в коллекции максимально приблизились к текстам художественной литературы, что позволяет им занять качественно иное место среди писательских автобиографий. Именно об этой группе текстов пойдет речь ниже.

В них рассказчик восстанавливал в памяти действительно происходившие события, но, воссоздавая их, он вольно или невольно прибегал к художественному вымыслу. Стиралась грань между «я» реально существовавшего автора жизнеописания и «я» литературного персонажа. Обычная для автобиографического повествования хронология, выстроенная в

[227] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3106. Л. 13 об.

соответствии с традиционной фактографической схемой (рождение, воспитание, обучение, профессиональная деятельность), могла прерываться лирическими отступлениями, в которых пережитое осмысливалось с позиций пишущего. Тексты этого типа отличает стремление к художественным «зарисовкам» отдельных событий; их участники не просто перечислялись (как это, скажем, происходило в рассказах типа curriculum vitae), но становились такими же героями повествования, как и сами рассказчики. Характеристики людей на страницах беллетризованных жизнеописаний приобретали черты литературных портретов, а констатация событий превращалась в живые картины прошлого.

Рассмотрим наиболее яркие образцы рассматриваемого типа. К ним, например, относится жизнеописание В. Савихина (настоящие фамилия и имя Иванов Василий Иванович), появившееся в архиве редактора КБС не ранее 1887 г. К этому времени Савихин уже был, по его словам, «несколько популярным» литератором, «притулившимся на краешке рядов русской беллетристики».[228] Его перу принадлежал ряд произведений, опубликованных преимущественно в журнале «Русское богатство». Редактор журнала Л. Е. Оболенский заметил, что до Савихина русская литература не знала «выдающихся» прозаиков «из народа», в то время как поэзия уже давно была обогащена творчеством крупных крестьянских поэтов, таких как А. В. Кольцов, И. С. Никитин и И. З. Суриков. Значение их литературного наследия критик считал сопоставимым с силой творческого потенциала Савихина. По словам Оболенского, начинающий писатель за короткое время завоевал уважение маститых литераторов и пользовался «заслуженной и громкой известностью в лучших литературных кружках».[229] Однако широкая читательская аудитория была все еще мало знакома с его сочинениями.

Жизненный путь Савихина был недолгим. Он умер в 1912 г. в возрасте 54 лет. Очевидно, что и период творческой активности писателя был

[228] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3149. Л. 11 об.—12.

[229] *Оболенский Л. Е.* Обо всем // Одесские новости». 1892. № 2430. 22 окт. С. 3.

непродолжительным. Первое его произведение – «маленькое, бесхитростное» стихотворение – было опубликовано в 1881 г., а спустя всего три года он почти перестал печататься, о чем с горечью сожалел рецензент «Одесских новостей»:

«Теперь Савихин почему-то замолк <…>. Страшно жаль, что он не пишет больше, а еще печальней, что до сих пор нет издателя его произведений, такое издание имело бы огромный успех <…>: у нас нет на русском языке ничего подобного!».[230]

Писатель выстроил свое повествование в форме фольклорно стилизованного поэтического сказа, с использованием просторечных и диалектных форм и присущих народной речи синтаксических конструкций. Автор не столько воспроизвел хронологию событий прошедшего, сколько создал галерею образов и ярких поэтических картин. Свои первые жизненные впечатления он связал со старшими членами семьи:

«С тех пор, как я запомню хлынувшую на меня жизнь, вспоминаются мне и лица, меня окружавшие, теперь не живые уже, но все еще дорогие и милые. Это были – бабушка, еще не совсем старая, годов шестидесяти, не последняя из гнездиловцев, по прозванью Авдотья Петровна Савиха, и дед – белый весь, старый весь, Горасим Васильич по имени, старик с плечами широкими, с большой бородой и красивым обликом, живавший бывалые годы в Питере, еще при самой Катерине государыне, а только забывший наполовину и век Катерины, и все, что до него не касалося <…>. В века наша порода не может заглядывать. Но известно, что дед Горасим произошел от самого Адама праведного <…>. Хороши были для меня в те дни эти два лица самоглавные: на руках у них, на глазах у них побежали, как вода в ручье, мои годы веселые».[231]

До девятилетнего возраста Савихин жил в деревне и воспитывался бабушкой. Благодаря ей стихия устного народного слова с юных лет питала художественный дар Савихина и была тем богатым источником, который позволил ему в зрелые годы творчески осмыслить свой жизненный путь. От бабушки Савихин воспринял первые представления об устройстве мира, выраженные богатыми средствами народного языка:

«<…> бывало, с бабушкой и про небеса Господни покалякаем, как оно все есть по закону устроено; и про ад покалякаем. Покалякаем и про то, как в одной деревне петух заговорил

---

[230] Там же.

[231] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3149. Л. 3—3 об.

бабьим голосом, в другой – колдун всех <…> на свадьбе в волков обернул. И сейчас тут мужики их кольями, ребята каменьями, бабы ухватами. И побежали волки в разные стороны, воют по-волчьему, глядят по-человечьему».[232]

После рассказа о переезде с отцом в столицу и первых безрадостных месяцах работы на фабрике событийный ряд прерывается, оставляя читателя гадать о том, что происходило в жизни героя повествования с тех пор до того дня, когда он принялся за автобиографию. Образовавшуюся «лакуну» писатель заполнил так:

«Ряд годов прошел после этого. Все изменилось, переиначилось. Не исполнились думы бедного батюшки: натрудившись, измызгав последки сил, вместо широких южных степей попал он в могилу тесную, среди чужих могил. И когда опускали с гробом его горегорькие останки, сочилась со всех сторон вода в разрытую могилу… Умерла и бабушка. Но та хоть залегла-то в пески желтые, среди своего ″рода-племени″. <…> И остался я на распутье жизни, вроде птицы, один одинешенек, со своими думами, пугливо, недоверчиво взглянул на окружающее, и жаль, жаль стало мне старого…. И вот теперь, когда былые времена покосились, новые твердо вступили на ноги, когда я уже <…> как *нечто* встал пред глазами читателя, ничего, в сущности, не переиначилось…>».[233]

К писанию автобиографии Савихин сознательно подошел как к созданию литературного произведения. В сопроводительном письме к Венгерову он выразил желание работать над текстом, совершенствовать и шлифовать его:

«<…> Если же набросок <т. е. автобиография. – *Е. К.*> Вам приглянется так как есть, и Вы найдете возможным воспользоваться им целиком, то даже пришлите ко мне, – я его приглажу, выправлю. И будет он кругленький…».[234]

Увлекательность, свойственная художественным сочинениям Вас. И. Немировича-Данченко, в полной мере проявилась и в его автобиографии, датируемой 1888 г. Она написана убористым почерком и достаточно объемна. В то же время, создается впечатление, что ее текст сочинялся на одном дыхании, а это качество в целом было свойственно творческой манере писателя. С одной стороны, рассказ Немировича о себе обнаружил присущий ему врожденный

[232] Там же. Л. 4 об. —5.

[233] Там же. Л. 11—11 об.

[234] Там же. Л. 1.

талант живого, свободного, непринужденного сочинительства. С другой стороны, в легкости и изящности изложения сказалась многолетняя искушенность автора, привыкшего к каждодневному литературному труду.

Вас. Немирович-Данченко вошел в историю русской литературы как талантливый журналист и плодовитый прозаик, автор романов, повестей, рассказов.[235] В 1877—1878 гг. он был корреспондентом газеты «Новое время» из самой гущи военных действий против турок, и за проявленную храбрость был награжден солдатским Георгиевским крестом.[236] Через тридцать лет накопленный богатый опыт военного репортера как нельзя пригодился Немировичу. В 1904—1905 гг. его сообщения с театра русско-японской войны вызвали особый интерес широкого читателя и немало способствовали успеху и процветанию газеты «Русское слово».[237] Страстный путешественник, он описал свои странствия в многочисленных очерках.[238] О безусловном читательском признании свидетельствовали неоднократные издания сочинений писателя.

Легкость и скорость, с которой работал Немирович, поражает. Известно, что только за первый год русско-японской войны он опубликовал на страницах

---

[235] См.: *Грачева А. М.* Правдивые приключения и необыкновенные книги «русского Дюма» (Василий Иванович Немирович-Данченко) // Немирович-Данченко В. И. Цари биржи. Каиново племя в наши дни: Роман; Сластёновские миллионы. Роман в 5 частях: Роман / вступ. ст., сост., примеч. А. М. Грачевой. СПб.: ООО «Полиграф», 2013. С. 5—22.

[236] Творческим результатом этого периода жизни Вас. И. Немировича-Данченко стали сборник очерков «Год войны. 1877 – 1878. Дневник русского корреспондента» (т. 1—3, СПб., 1878—1879), романы «Гроза» (СПб., 1879), «Плевна и Шипка» (СПб., 1881), «Вперёд» (СПб., 1883), книга мемуаров «Скобелев. Личные воспоминания и впечатления» (СПб., 1882). Первое из названных сочинений принесло писателю европейскую известность.

[237] *Динерштейн Е. А.* Вас. И. Немирович-Данченко // Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М.: Книга, 1983. С. 154—156.

[238] Большой читательской популярностью пользовались очерки «Соловки» (СПб., 1875), «У океана» (СПб., 1875), «Лапландия и лапландцы» (СПб., 1876), «Страна холода» (СПб., 1877), «Очерки Испании» (М., 1888), «Кама и Урал» (СПб., 1890), «Беломорье и Соловки» (Киев, 1892), «По Германии и Голландии» (СПб., 1892) и многие другие.

«Русского слова» 350 корреспонденций.[239] В автобиографии сам писатель так объяснял быстроту, с которой он писал:

«Дело в том, что я работал всегда несколько иначе, чем принято у нас. На меня работа находит. Как запой на пьяницу. Я тогда уезжаю из Петербурга куда-нибудь в Выборг или Тверь, запираюсь в гостинице и пишу уже без отдыха до того момента, когда последняя строка будет закончена. Перед тем я обдумываю сцены и характеры, и мое писательство является, т<аким> о<бразом>, только перепиской с заранее сложившегося в уме оригинала».[240]

Обычно корреспонденты Венгерова предваряли свои жизнеописания сообщением даты и места рождения. В этом отношении следует признать нетривиальность, с которой Немирович начал свое повествование, с первых строк захватывая внимание читателя и мгновенно погружая его в занимательную историю рода Немировичей, рассказанную с юмором и литературным изяществом:

«Я до сих пор не могу разобраться толком в рассказах о прошлом нашего рода. Дело в том, что малорусское дворянство, чем оно более беднело и мельчало, тем ярче представлялось ему его прошлое. Если Вы послушаете наших стариков, – так даже легенды феодалов <…> покажутся Вам бледны в сравнении с рассказами первых. В этом отношении мой дед и дядя обладали чисто арабской фантазией. <…> Особенно неистощим в этом отношении был один из моих дядей, стригший свой парик для убеждения окружающих, что у него настоящая шевелюра, и скупой до такой степени, что он уничтожил у себя кухню, а свое пропитание сделал повинностью для крепостных, обедая по очереди в их избах. С ним соперничала тетка – тип совершенно гоголевский. Я думаю, что она была плодом <…> любви Плюшкина к помещице Коробочке, – настолько она сочетала в своей особе достоинство первого и второй. Тем не менее, для меня ясно только одно, что мы принадлежали к старому и захудалому дворянству малороссийскому»[241]

Автобиография Немировича вполне могла бы послужить развернутым планом романа, в центре которого герой и его жизнь, полная испытаний, приключений, «хождений по мукам». С точки зрения композиционного построения, в ней можно выделить несколько частей, последовательность

---

[239] *Динерштейн Е. А.* Вас. И. Немирович-Данченко // Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. С. 154.

[240] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2576. Л. 9 об.

[241] Там же. Л. 1 об.

которых соответствовала хронологии жизни писателя. Первую можно условно озаглавить «Семейные предания и детские годы на Кавказе», вторую – «В Александровском кадетском корпусе». «Без крова» - так сам автор предложил назвать следующий фрагмент повествования, отразивший «печальное» для начинающего петербургского литератора время, период «жизни впроголодь, писательства в подзаборных изданиях». Четвертая часть могла бы быть названа «Архангельская ссылка, первые путешествия и первые литературные успехи». Заключает жизнеописание подробная библиография, сопровождаемая ответом недоброжелателям и недобросовестным критикам творчества литератора.

За исключением последней части, текст автобиографии выдержан в стиле историко-приключенческого романа, главным героем которого как бы стал сам рассказчик. Неслучайно камертон всему повествованию задает упоминание на первых его страницах имен Вальтера Скотта и Фенимора Купера, любимых писателяей маленького Василия Немировича-Данченко. В начале истории – это совсем еще ребенок. Впечатления его ранних лет, как это часто происходит, были самыми безоблачными и овеянными поэтическими воспоминаниями о «странствиях» с отцом по Кавказу. Спартанское воспитание, возможность беспрепятственно пользоваться «превосходной» домашней библиотекой, грандиозная природа Кавказа с «меланхолическим шумом Каспия», «снеговыми горами Дагестана и Кабарды», «идиллическими долинами Имеретии» и т. д., - все это развило в юном герое яркое воображение.

«Возвращаясь по вечерам домой, - писал Немирович, - я слышал «зурну» <…>, на плоских крышах грузинки плясали, внизу пели, и, когда теплая южная ночь <…> обвивала все кругом своим синим сумраком, засыпая, я различал еще вдали отголоски грустных песен мечтательного, вечно о чем-то вздыхающего Востока».[242]

С нежной иронией Немирович поведал романтическую историю своей детской первой любви, несомненно, вдохновленной вальтер-скоттовскими романами.

[242] Там же. Л. 2 об.

Если первая часть автобиографии написана в духе романа приключений, то три следующие напоминают роман испытаний. Странствия героя повествования по бурным волнам самостоятельной жизни начались с момента его поступления в Московский кадетский корпус. Суровое отцовское воспитание позволило ему вдали от дома и родных успешно отстаивать свои права и преодолевать все трудности, связанные с пребыванием в условиях жесткой атмосферы детского военного учреждения. Эти годы обнаружили основные человеческие качества героя: честность, бескомпромиссность, умение постоять за себя. Тогда же раскрылся и его сочинительский дар, развитию которого способствовало начавшееся в корпусе «литературное движение».[243]

Кадеты были увлечены изданием рукописных журналов, в которых юный Немирович писал стихи, повести и «начал какой-то дикий роман». История и словесность стали его любимыми предметами, а сочинения были настолько удачны, что преподаватели некоторое время сомневались, не позаимствовал ли он их у других.

Непокорный нрав героя привел его к участию в детском «революционном» движении, заключавшемся в демонстрации «глухой оппозиции» корпусному начальству и в последовавшем «открытом сопротивлении» ему. В результате в 1863 г. Немирович был отчислен, но не взят под родительское крыло. Отец, верный своим воспитательным принципам, вручил сыну 100 рублей и объявил ему, что отныне он должен рассчитывать только на себя и ни на кого более. По дороге в Петербург Немировича ограбил пройдоха-мошенник. «С пачкою никуда не годных стихов за пазухой, с надеждами на славу и без денег в кармане, 15-ти лет» он оказался в столице, «никому неизвестный, ничего не знающий, и ни к чему еще не способный».[244]

С этого момента началась трудная, полная невзгод и злоключений дорога в мир литературы. Немирович не намеревался рассказывать подробно об этом

---

[243] Там же. Л. 4 об.—5.

[244] Там же. Л. 5 об.

«печальном» периоде, но тем не менее посвятил ему несколько страниц, ярко воссоздав некоторые эпизоды из жизни столичной периодической печати. Во второй половине 1860-х гг. он стал активным сотрудником журнала «Грамотей», газет «Петербургский комиссионер» и «Петербургский листок». В 1864—1867 гг. издателем последней был И. А. Арсеньев. «″Мерзавец Илья″, как тогда его называли», - писал Немирович, пригласил его работать в газету.

«Что это был за ад!.. – вспоминал он, – Сотрудники ходили в кацавейках, товарищи от холода и голода по целым дням сидели в редакции, чтобы получить – двугривенный! А были между ними порядочные и талантливые лица. Теперь вы не имеете понятия о таких подзаборных редакциях!»[245]

Арсеньев жестоко обманывал начинающего журналиста, шантажом заставляя работать и не платя за публикации. Эти беды довершились арестом и ссылкой в Архангельск. Однако обрушившееся несчастье, когда Немирович с 12 копейками за душой очутился на улицах заснеженного северного города, не сломило его. Он дал себе слово «окончательно развязаться со своим прошлым», учиться, работать и стать другим человеком. Сказалась с детства воспитанная твердость характера, и через несколько лет Немирович не узнал себя: «Там, за рубежом ссылки, был иной, ничего не имевший общего со мной невежественный и бесхарактерный юноша, здесь оказался, с гордостью скажу, ″работник″».[246]

Именно в Архангельске осуществились его детские мечты: он совершил свои первые «взрослые» путешествия (на Соловки, в Кемь, на Мурман, в Лапландию и Норвегию). Он стал деятельным сотрудником таких серьезных периодических изданий, как газета «Голос», журналы «Отечественные записки», «Дело» и «Вестник Европы».

На этом собственно беллетристическая часть документа заканчивается. Далее следует обширная библиография сочинений Немировича, которой, как правило, венгеровские корреспонденты завершали свое повествование о себе. Однако, надо полагать, Немирович ощущал недосказанность, которая тревожила

---

[245] Там же. Л. 6—6 об.

[246] Там же. Л. 7—7 об.

и мучила его. Возможность своеобразной беседы «с глазу на глаз» с редактором КБС, шанс поведать о себе сокровенное, то, о чем рассказывают не каждый день, послужила тем рычагом, который позволил выплеснуть наружу давно наболевшее, связанное с несправедливыми, по мнению писателя, нападками критики на его сочинения.

«О моих обличителях, - писал Немирович, - имею *одно* мнение как о клеветниках, потому что не досмотреть то, что мне дорого, навязать мне, чего я не думал, и отнять у меня то, что мне было свято и чему я служил – нужно действительно лгать и клеветать».[247]

Критика высоко ценила увлекательность путевых очерков Немировича. Так, по мнению А. М. Скабичевского, рассказы писателя из народного и военного быта покоряли своей гуманностью и задушевностью и были «украшением нашей литературы». С другой стороны, Немировича обвиняли в легковесности и отсутствии глубины. Тот же Скабичевский упрекал его в «излишней пылкости воображения», приводившей автора «к преувеличениям, пересаливаниям и мелодраматическим эффектам».[248] А М. Е. Салтыков-Щедрин язвительно задел Немировича в очерке «Тряпичкины-очевидцы» (1877, цикл «Отголоски»), намекнув на излишнюю ура-патриотичность его военных корреспонденций.[249]

Немирович мучительно переживал обвинения в том, что его путевые очерки на деле были сплошь выдумкой, что в действительности он никогда и не бывал в тех уголках земли, о которых писал. Писатель утверждал, что никогда не позволял себе изображать невиданные им места.

К работе над очерками, будь то путевые или военные, он относился не как бесстрастный статистик, безучастно фиксировавший те или иные факты и события, а как писатель, претворявший увиденное в художественные тексты, в которых вместо «плана» он давал «ландшафт», «вместо сухого перечня

---

[247] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2576. Л. 10 об.

[248] *Скабичевский* А. История новейшей русской литературы 1848—1908 гг., изд. 7-е, СПБ., 1909. С. 323, 324.

[249] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Тряпичкины очевидцы // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1971. С. 215.

впечатлений – сцены и типы». Писание автобиографии также стало для Немировича творческим актом. Коллекция Венгерова не раз являла примеры формальных сообщений об основных этапах жизненного пути. Но Немирович, привыкший постоянно пропускать процессы и явления сквозь призму своего художественного восприятия, творчески осмысливал и историю своей жизни.

Возникшие в глубинах этого процесса образы, сюжетные повороты, настроения в трансформированном виде, неожиданно и по-новому возникли в романе Немировича «Исповедь женщины».[250] Писатель наделил главного персонажа произведения Анну Кропотову чертами собственной «личной истории». Отчасти рассказ героини о своей жизни очень близко воспроизводят автобиографию автора романа в тех ее фрагментах, где он повествует о первых годах жизни. Так, Анна тоже появилась на свет на Кавказе, где ее отец командовал полком. В раннем детстве она была предоставлена самой себе и росла, «как цветок в саду».[251] Большое значение в формировании поэтической натуры героини сыграла грандиозная природа Кавказа. Вот одно из ее воспоминаний:

«По вечерам, когда я засыпала, луна старалась пробиться ко мне сквозь ветви, цветы и стекла. <…> И уже совсем закрывая глаза, одолеваемая усталостью, призраками и дремотой, я слышала полупогасающие отзвучия печальной грузинской песни, – песни, которой задумчивый Восток отдал всю нежность своей невыразимой словами печали!».[252]

Создавая образ героини, наделяя ее чертами своей автобиографии, Немирович заново «проживал» собственную жизнь.

Автобиографизм также присущ повести А. А. Тихонова-Лугового «Умер талант!».[253] В 1913 г. писатель отослал к ней редактора КБС, когда отклонил его просьбу о составлении «личной истории». Свое решение писатель мотивировал тем, что в повести он «без прикрас и умолчаний» описал свое «былое лужское

---

[250] *Немирович-Данченко Вас. И.* Исповедь женщины. Роман в 3 ч. СПб., 1889. 271 с.

[251] Там же. С. 27.

[252] Там же. Ср. с приведенным выше (с. 00) фрагментом.

[253] *Луговой Ал.* Умер талант! СПб.: Общественная польза, [1902]. 139 с.

житье».[254] В качестве другого источника сведений о себе он назвал опубликованный в «Вестнике Европы» автобиографический очерк «Как росла моя вера» (1909—1910).[255]

В повести действуют вымышленные персонажи, в очерке героями повествования являются сам писатель, его близкие, друзья, знакомые. Очерк объединил характерные признаки автобиографии как последовательного изложения реальных событий жизни и автобиографической повести. Писатель погрузился в поэтический мир воспоминаний, наполнив их многочисленными лирическими отступлениями.

Повествование открывается самыми ранними впечатлениями героя, когда он лишь начинал осознавать себя. Они были связаны с восприятием шестилетним ребенком картин родной природы:

«Пасха в тот год была, должно быть, поздняя, а весна, должно быть, наступила рано, но только в пятницу на Страстной был настоящий майский день. <…> Весенние ручейки, бурно отшумев несколько дней тому назад, теперь бежали тихо, и струйки, как ниточки, ярко сверкали под лучами яркого солнца. Кое-где зеленела травка, еще голые ветви лип и берез становились пышнее и темнее от наливающихся почек».[256]

Трудно себе представить, что в 1909 г., через полвека память была в состоянии столь добросовестно удержать в точности оттенки цветов, запахов и звуков. Однако она вполне могла сохранить отблески детских ощущений, которые Тихонов-Луговой воспроизвел с помощью воспоминаний более позднего времени

---

[254] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № № 3547. Л. 26, 27 [письмо А. А. Тихонова-Лугового к Венгерову от 16 февр. 1913 г.].

[255] Если в 1899 г. Тихонов-Луговой предостерегал от неправомерной идентификации его собственного реального бытия и автобиографического героя в его художественных произведениях (письмо Тихонова-Лугового к М. А. Протопопову от 23 нояб.; о нем см. в разделе 2.1,), то к 1913 г. отношение писателя к автобиографизму своих сочинений изменилось в сторону отождествления собственного «я» с теми персонажами его повестей и романов, которые были носителями его взглядов и идей.

[256] *Луговой Ал.* Как росла моя вера. (Отрывки из автобиографии) // Вестник Европы. 1909. № 3. С. 165.

и творческой фантазии. Картины далекого детства и юности приобретали в описании автора характер театрального действия:

«Вечно стоит у меня перед глазами эта декорация, среди которой разыгрывались первые явления первого действия моей личной житейской драмы-комедии, – декорация смутная, неуловимая в своих подробностях и, все-таки, много говорящая моему воображению».[257]

Вместо заурядного перечисления имен и констатации фактов, обычных для «формальной» автобиографии, в беллетризованных жизнеописаниях возникают яркие образы и картины. Так, Тихонов-Луговой создал выразительные портреты своих родных, учителей, работников принадлежавшего его отцу винокуренного завода в Царевококшайске; вновь окунулся в переживания и эмоции, когда-то владевшие им, заново прочувствовав и воплотив их в художественной ткани произведения.

Если очерк Тихонова-Лугового «Как росла моя вера» и автобиография В. Савихина принадлежат к осознанно законченным, художественно обработанным сочинениям, то спонтанно беллетризованное повествование Вас. И. Немировича в полной мере приближается к ним.

Следует отметить, что не всем удавалось реализовать и выдержать на протяжении всего текста стремление перевести автобиографию на язык беллетристики.

Например, А. Н. Мошин смог лишь отчасти осуществить это намерение. Так, один из приемов беллетризации – диалоговую реконструкцию речи героев – он использовал для придания их образам большей объемности и красочности. Одним из «персонажей» своего повествования он сделал А. С. Пушкина. По преданию, хранившемуся в семье Мошиных, он якобы увековечил в поэтической форме свое знакомство с Александром Тимофеевичем Мошиным, дедом литератора:

«Здесь мой герой Онегин, а мой ценитель – Мошин…
Моша и Онега…
Слава мне и нега!»[258]

[257] Там же. С. 154.

Жизнеописания В. Ф. Булгакова, М. Н. Ананьевой и А. А. Петрова также свидетельствуют лишь о попытках (подчас неловких) беллетризации автобиографического рассказа.

Казалось, причина, подвигнувшая В. Ф. Булгакова к составлению жизнеописания, была далека от решения художественных задач. По мысли автора, его повествование должно было стать подведением итогов прошедшего и откровенным рассказом о своем религиозно-нравственном становлении. Автор адресовал его лишь друзьям, тем, кому можно доверить самое сокровенное. Оно не предназначалось для печати. Однако, представляется, это тот случай, когда пишущий подсознательно желал, чтобы тайное стало явным, если не сразу, то когда-нибудь в будущем, когда рамки узкого круга читателей-друзей раздвинутся до широкой аудитории читателей-потомков. Можно предположить, что именно поэтому отдельные фрагменты автобиографии-исповеди В. Ф. Булгакова тяготеют к художественно обработанным текстам. Самое начало жизнеописания отсылает читателя к литературным автобиографиям. В нем автор широко использовал такой внесюжетный элемент повествования, как лирическое отступление. Оно играет роль эмоциональной увертюры ко всему тексту, задавая поэтическую тональность дальнейшему повествованию:

«Родился я в 1886 году, 13-го (число чертовой дюжины) ноября, в Кузнецке, Томской губернии. Милый, поэтический уголок! Твои горы, широкая, светлая, быстрая река, старинная каменная полуразвалившаяся крепость с пушками на горе над городом, обилие цветов, благодатный воздух, милые, простые обыватели, - навсегда останутся в моей памяти».[259]

Как и Тихонов-Луговой в очерке «Как росла моя вера», Булгаков не ограничился перечислением имен людей, встречавшихся на его пути и сыгравших заметную роль в его судьбе, и создал их яркие образы. Портретные характеристики родителей рассказчика вполне могли бы быть частью

---

[258] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2489. Л. 8. См. также: *Мошин А.* Легенды Великих Лук. Псков, 1915. С. 8. Л. А. Черейский усомнился в достоверности сообщения Мошина; см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1989. С. 271.

[259] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 647. Л. 11.

художественного текста. Вот два небольших фрагмента из рассказа публициста о его родителях:

«Мой отец, умерший, когда мне было 10 лет, был старый, давно уже вышедший после 35-летней службы в отставку чиновник. Самая должность, которую он занимал, теперь уже не существует: штатный смотритель училищ Кузнецкого и Бийского округов. Всегда бритое лицо (только перед смертью отец отпустил красивую седую круглую бороду), высокий рост, плотность, – то, что называется «крупная фигура», громкий голос с сохранившимся до конца дней «рассейским» (тамбовским) выговором, ум, уверенность в себе, независимость, старая веселость, честность, карты, полное неупотребление табаку, водки и всякого вина – вот мой отец. <…> Как мне приступить к ее <матери. – *Е. К.*> характеристике? Если я назову ее умной, благородной, деликатной, это все будет правда, но все будет не полно. Она, при всей своей большой скромности, – тонко развитая и глубокая натура, вследствие того сильного влияния, которое, при ее чуткости, оказывали на нее жизненные испытания».[260]

Оба родителя оказали влияние на формирование личности Булгакова, однако роль матери в этом процессе была решающей. Именно она с детских лет доверяла детям, воспитывая в них стремление к независимости при осуществлении жизненно важных решений. Рассказ о матери проникнут особой остротой переживаний в связи с серьезным шагом – отказом от воинской повинности. Герой понимал всю меру ответственности, которую брал на себя, не только перед самим собой, но и в первую очередь перед любящей его матерью. В сознании Булгакова к моменту написания автобиографии образ отца, умершего много лет назад, давно сложился и, в известной степени, мифологизировался, поэтому в повествовании о нем он более спокоен и раскован, нежели в рассказе о матери, здравствующей и тревожащейся об участи сына. В краткой истории своих родителей Булгаков стремился указать на те их качества, влияние которых стало определяющим в его дальнейшей судьбе, сформировало его как личность и привело его к «сегодняшнему» дню, за которым стояла тревожная неизвестность.

В. Ф. Булгаков завершил автобиографию через три месяца после смерти своего духовного наставника, Л. Н. Толстого – человека, перед личностью и творчеством которого он благоговел.

---

[260] Там же. Л. 11, 13—14.

Гостеприимство, добродушие, веселость, отмеченные в характеристике отца рассказчика, отсылают читателя к фигуре Ильи Николаевича Ростова, одного из обаятельнейших героев романа «Война и мир». Текстуальных совпадений здесь нет, но ощущается связь между образом главы семейства Ростовых, танцующим Данилу Купора, и образом старшего Булгакова:

«Отец слыл гостеприимным. Я помню у нас постоянных гостей, в обычное время почти ежедневно небольшими группами за картами с винами, закусками и ужином, а в именинные дни – битком набивающими гостиную, зал, столовую, кабинет отца. Помню многочисленных визитеров на Рождество, в Новый Год и на Пасхе, а также в качестве визитеров и гостей, приезжих томских высших чиновников и архиерея. Помню святочные маскарады, умные танцы, многочисленных масок в зале, на розовом, из небольших кусков дерева, под паркет, полу. Вот отец выходит на середину, в халате, пляшет и громко подпевает улыбающимся старым ртом:

″Все кости болят,
Все суставы говорят!..″».[261]

Проецирование образа отца на образ одного из самых привлекательных героев «Войны и мира» свидетельствует о бессознательном стремлении рассказчика к творческому подражанию своему кумиру – Л. Н. Толстому.

Явным намерением облечь рассказ о себе в литературную форму отличается жизнеописание беллетристки М. Н. Ананьевой. Она назвала его «небезынтересной, длинной повестью, с яркими ″картинками″»[262] и подписала своим литературным псевдонимом – «М. Н. Нежданова». Фактические данные в автобиографии весьма скупы, однако ее текст насыщен лирическими отступлениями, связанными с самооценкой «незаурядных сценических и литературных дарований» и сетованиями на несправедливость судьбы. Чтобы подчеркнуть основной смысл своего повествования, Ананьева прибегла к известному литературному приему, предварив текст автобиографии рядом эпиграфов. Приведу один из них:

«Партийных уз я избегаю:

---

[261] Там же. Л. 14—15.

[262] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 123. Л. 2 [письмо М. Н. Ананьевой к Венгерову от <14.02.1913> – по штемпелю].

Художника свободный дух
Им чужд! Жить правдой я желаю
И честному всему я друг!».[263]

Первые строки жизнеописания отсылают к традиционному романному началу:

«Мои родители, почтенные землевладельцы Тамбов<ской> губ<ернии> Борисоглебск<ого> у<езда>, православного исповедания, С. Д. и Н. С-ч Крупенниковы (мать столбовая дворянка по рождению), были людьми обыденными и притом – старого закала. Чуткий, нервный, впечатлительный ребенок, не похожий на других детей, являлся bête noire'ом буржуазной семьи. Я росла Сандрильоной, рядом с красавицей младшей сестрой, расцветавшей пышным цветком. Она умерла после двух лет замужества от родильной горячки, оставив после себя сына нескольких дней… Это был мой первый страшный удар – мы любили друг друга».[264]

Жизнеописание А. А. Петрова – одно из немногих в коллекции, которые имеют собственное название, маркирующее беллетристическую нацеленность повествования.[265] А. А. Петров оформил свое пятидесятистраничное жизнеописание (№ 2810) в виде брошюры, на «титульном» листе которой имя автора и заглавие – «Тернистый путь. Автобиография»; место и год «издания» – Москва, 1913 (на «форзаце» заглавие продублировано в уточненном варианте:

---

[263] Там же. Л. 9 [автобиография М. Н. Ананьевой – 16 апр. 1913].

[264] Там же. Ср., например, с началом пушкинской «Истории села Горюхина»: «Я родился от честных и благородных родителей в селе Горюхине 1801 года апреля 1 числа <…>. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали <…> (*Пушкин А. С.* История села Горюхина // *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 10 т. Т. 5. М. : ГИХЛ, 1960. С. 119).

[265] Например, «Для немногих» И. А. Шляпкина, «Как росла моя вера» А. А. Тихонова-Лугового, «Страничка прошлого» А. Н. Анненской, «Заветы родительские» А. М. Ремизова. Последняя из перечисленных автобиографий хранится в РО ИРЛИ (Ф. 256. Оп. 2. № 5. Л. 2). А. М. Грачева убедительно показала, что этот документ лишь формально числится вне коллекции автобиографий С. А. Венгерова (ф. 377. Оп. 7) и первоначально входил в ее состав как часть персоналии «Ремизов» (см.: *Ремизов А. М.* Автобиографии / публ. и коммент. А. М. Грачевой // *Ремизов А. М.* Собр. соч. в 10 т. Т. 4. Плачужная канава. М.: Русская книга, 2001. С. 461–463, 544–545).

«Тернистый путь». 1877—1913. Автобиография писателя из народа Александра Петрова).

Несомненна попытка автора беллетризовать свой текст. В первой главе – «Краткая история рода» – он в большей степени приблизился к осуществлению этого намерения. Некоторые ее эпизоды представляют собой законченные рассказы из жизни крепостных крестьян. В частности, один из них воспроизвел семейное предание, связанное с женитьбой деда Петрова по отцу, Александра Петровича Дубровкина, на «первой красавице», крестьянской девице Настасье Евтеевне. Завязкой служит характеристика помещиков Болховского уезда Орловской губернии Подымовых (Дубровкин был крепостным А. С. Подымова).

«Надо заметить, – сообщал автор, – что род помещиков Подымовых еще со времен императора Павла служил в армии, преимущественно в гвардии, в Петербурге, и все представители этого рода отличались ужасной жестокостью по отношению к своим крепостным, большой физической силой и атлетическим телосложением. Каждый представитель рода Подымовых был ростом с *косую* сажень… Но наряду с жестокостью у Подымовых уживался какой-то средневековый рыцарский дух. И только благодаря этому <…> остался живым и целым мой дед в злополучную первую ночь своей брачной жизни…».[266]

Нетрудно догадаться, что барин, узнавший о предстоящей свадьбе своего крепостного, задумал воспользоваться правом первой ночи, о чем, к счастью, жениху стало известно. События развивались стремительно. Когда после свадебного веселья, «ровно в полночь», молодые остались одни, новоиспеченный муж поспешил закрыть входную дверь на большой железный крючок. Последовавшая кульминационная сцена представлена в форме диалога:

«И вот среди наступившей тишины послышался какой-то подозрительный шорох <…>, раздался властный и нетерпеливый стук в дверь… <…>

– Кто тут? – громко окликнул дед <…>.

– Отопри! – властно раздалось из-за двери.

– А… это ты, батюшка-барин!..

– Я… Не заставляй ждать!

[266] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2810. Л. 6—7.

– Не пущу… Лучше и не стой!..

– Отопри! А не то разнесу всю избу!..».[267]

История имела счастливую развязку: обидчик был посрамлен и ретировался в барские покои и, более того, на следующий день прислал молодым свадебные подарки.

Коллекция Венгерова располагает и опытом поэтической автобиографии. Историк литературы И. М. Болдаков облек рассказ о себе в рифмованные строки. В расчете на улыбку адресата, он начал свою стихотворную «повесть» так:

«Дорогой Семен Афанасьевич!

Трухнув пред Вашею угрозой
(Насчет полиции), – спешу!
Простите только, что не прозой
– Ее совсем не выношу, -
В стихах себя Вам опишу».[268]

Автобиография, написанная забавы ради и с явной отсылкой к четырехстопному ямбу «Евгения Онегина», тем не менее, отметила все основные вехи жизненного пути Болдакова. В ней сообщаются дата и место рождения («Увидел свет в Иркутске я // Двадцать шестого ноября сего столетья...» (л. 1); год окончания иркутской гимназии; сведения о дальнейшей учебе сначала в Санкт-Петербургском университете, затем заграницей и вновь на родине – на этот раз в Одесском университете.

Рассказ о службе не располагал автора к дальнейшему шутливому настроению, и на этом его поэтическое вдохновение иссякло:

«Затем идет уж формуляр,
И поэтический здесь жар
Конечно б, вовсе был некстати,
К тому ж потух и самовар
И вон влечет меня к кровати.

[267] Там же. Л. 7.

[268] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 535. Л. 1.

Вот-с биография моя,

И низко кланяюсь Вам я».[269]

Подведу итоги сказанному.

Существует мнение, что писатель отличается от обычного человека тем, что «в силу своей эксгибиционистской профессии выставляет душу на всеобщее обозрение, мы знаем, *что у него внутри*».[270] Иначе говоря, литератор является заложником своего творчества, которым он добровольно «приговаривает» себя к публичному самораскрытию, саморазоблачению. Если согласиться с этим рассуждением, то, казалось бы, автобиография есть наиболее простой путь к достижению этой цели. Однако в собственном жизнеописании автор наталкивается на рифы, воздвигаемые выбором между необходимостью правдиво поведать об обстоятельствах своей судьбы и естественным желанием о чем-либо умолчать или скрыть. В своих произведениях писатель обладает большей свободой, проявляя себя в зеркале создаваемого им художественного мира. Вымысел парадоксальным образом является одновременно и инструментом обнажения души автора, и его защитой от нескромных глаз.

Материалы коллекции Венгерова показывают, что творческий вымысел, лирические отступления, образность, пейзажные зарисовки встречаются не только в литературной прозе (романах, повестях, рассказах), но и в автобиографических документах. В отличие о формальных, индивидуализированные жизнеописания не только информировали о фактах и событиях, но давали представление о личности повествователя. В беллетризованных повествованиях формировался уже образ рассказчика.

---

[269] Там же. Л. 2 об. Восходящая к античным авторам модификация автобиографического рассказа в форме сатирико-иронического или юмористического изображение себя и своей жизни выделена М. М. Бахтиным в его работе «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» (*Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 293).

[270] *Чхартишвили Г.* Писатель и самоубийство. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 11.

2.2.4. Антибиографии

Главная черта этого типа личных историй – отсутствие прямых биографических реалий.

В письме к Венгерову врач, приват-доцент Московского университета А. Н. Устинов ограничился следующим ироническим сообщением о себе:

> Частию по глупой честности,
> Частию по простоте –
> Проживаю в неизвестности,
> Пребываю в нищете.[271]

Шутливым четверостишием автор продемонстрировал свою сугубую закрытость от внешнего мира. Тем не менее, за забавным текстом, как будто бы рассчитанным на улыбку, стоит фигура ученого с нелегкой судьбой. Стремление максимально снизить уровень личного присутствия и участия в составлении сведений о себе он подкрепил тем, что переложил характеристику своей научной деятельности на стороннее лицо – немецкого врача и естествоиспытателя Ю.-Р. Майера. Судя по всему, Устинов не желал делать объектом публичного внимания перипетии и обстоятельства своей жизни – они должны были остаться тайной для читателя.

По принципу «рассказать о себе многое, не сообщив ничего конкретного», построены, например, послания М. П. Арцыбашева и Н. О. Лернера.

В письме автора скандального романа «Санин» вполне отразился замкнутый склад характера и внутреннего мира писателя, что заставило его лишь прозрачно намекнуть на подлинные факты своей жизни. Авторская рефлексия, выразившаяся в избранной им грамматической форме отрицания, тем не менее, не помешала ему пунктиром наметить важные моменты своей судьбы: «история рода моего мне просто неизвестна», «ничего не знаю о своих предках», «ничего определенного, ничего систематического не было в моем воспитании, никаким особым влияниям я не

---

[271] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3639. Л. 1 [письмо А. Н. Устинова к Венгерову от 23 дек. 1912 г.].

подвергался, и положительно не могу вспомнить ни имени, ни учения, ни программы, которые определенно властвовали бы надо мной»; «что же касается замечательных событий жизни, то или их вовсе не было, или они мне не кажутся замечательными».[272]

В письме пушкиниста Н. О. Лернера прямые автобиографические указания заменяются общими замечаниями в самоуничижительном тоне, сопровождающими его отказ от составления жизнеописания. Полученные воспитание и образование историк литературы определил общими негативными словами «плохо» и «худо», а свои исследования называл «кучей никому не нужного хлама». Публикация автобиографии в КБС означала для Лернера признание за собой права «на некоторое внимание и даже на память в потомстве», чего автор письма, по его собственным словам, не заслуживал.[273] Недовольство собой и своей жизнью, соединенное с печальной самоиронией, свидетельствуют о драматичности переживаний ученого в этот период.

К типу «антибиографий» с полным правом можно отнести автобиографические мистификации (например, материалы для КБС А. Е. Крученых, Н. А. Клюева, В. Д. Комаровой).

В письме к Венгерову от 29 апреля 1913 г. поэт-футурист А. Е. Крученых определил жанр автобиографии словом «протокол», на составление которого он «не решается»: «Считаю, что родился в неизвестное время и где живу и живу ли, или во мне кто живет – не знаю».[274] Как это послание Венгерову, так и написанное им в начале следующего года (3 янв. 1914 г.) представляют своего рода футуристический эпатаж, свойственный литературной практике «будетлян» и являвшийся элементом их жизнетворчества. В этих письмах элементы жизнеописания облечены в форму, характеризующую одного из представителей футуристического сообщества, с его скепсисом в отношении не только к

[272] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 222. Л. 1 об.—2 [письмо М. П. Арцыбашева к Венгерову от 17 июня 1912 г.].

[273] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2141. Л. 3—4 [письмо Н. О. Лернера к Венгерову от 24 янв. 1913 г.].

[274] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1962. Л. 1.

литературному наследию прошлого и современности, но и к таким общепринятым понятиям, как «слово», «литература», «писатель». «Писатель ли я? Что есть писатель?» – восклицал Крученых, предлагая прежде самому Венгерову ответить на эти вопросы.[275]

Около 1914 г. поэт Н. А. Клюев, находившийся в это время на пике популярности и в гуще литературной жизни столицы, писал составителю КБС, что не считает себя «за писателя или ученого», а потому не подходит для Словаря. Прямые ответы на будничные вопросы анкеты КБС не могли не противоречить творимой поэтом автобиографической легенде. Его краткое – в одно предложение – послание к Венгерову графически стилизовано под полуустав (разумеется, без единого знака препинания).[276]

Писательница, историк литературы В. Д. Комарова предоставила Венгерову лишь перечень своих сочинений, а принципиальное нежелание обнародовать автобиографию обыграла, «скрывшись» под именем Владимир Каренин (один из трех псевдонимов писательницы), портретов которого, – по ее словам, – «не существует», «история которого столь же "темна и неизвестна", как и пресловутая "история мидян"».[277]

Антибиографии выстраивались таким образом, чтобы конкретные события жизни автора были скрыты за недомолвками и туманными иносказаниями. Несмотря на информационную «закрытость» этих документов, они весьма откровенны. Однако эта откровенность другая, нежели в автобиографиях-исповедях. Своеобразная биографическая «симуляция» направлена на то, чтобы

---

[275] Там же.

[276] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1798. Л. 1. О сознательном мифологизировании Н. А. Клюевым авторского жизнеописания см.: *Азадовский К. М.* Личность и судьба Николая Клюева // Нева. 1988. № 12. С. 177—178; об ориентации в эти годы мировоззрения и творчества поэта на старообрядческую культуру см.: *Азадовский К. М.* Н. А. Клюев // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 556—557.

[277] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1848. Л. 1 [письмо В. Д. Комаровой к Венгерову от 9 янв. 1913 г.].

увлечь читателя, разбудить его воображение и заставить самого догадываться, чтó в рассказанном связано с судьбой самого автора, а чтó является лишь интригующим творческим вымыслом.

Эпатажные высказывания о себе Арцыбашева, Клюева и Крученых сродни шокирующей браваде отдельных фрагментов жизнеописания Бальмонта, рассмотренного в разделе 2. 1 («Автобиографии-исповеди»). Во всех этих случаях составление личных историй было включено в систему художественных интенций и отражало определенный этап в творческой эволюции писателей. С одной стороны, автобиографические «показания» отмечены недоговоренностью, а реальное биографическое лицо спрятано под литературной маской, в процесс разгадывания которой активно вовлекался читатель. С другой стороны, в них то и дело встречаются «автобиографические» оговорки и самохарактеристики, освещающие личность рассказчика и его писательский облик не меньше, чем полнокровные жизнеописания.

2.2.5. Автобиографии смешанного типа

Исследование венгеровской коллекции с точки зрения предложенной типологической классификации, показала, что наибольшей степенью типовой определенности обладают «формальные» автобиографии. Однако даже в наиболее безупречных в этом отношении текстах, сознательно писавшихся для энциклопедических изданий, рассказчик нередко отклонялся от изначально поставленной перед собой задачи о предоставлении сведений исключительно делового, справочного характера. В результате происходила контаминация формального и индивидуализированного подходов.

Приведу несколько примеров.

Профессор Казанской духовной академии А. К. Волков в автобиографической справке, написанной с прицелом на ее словарно-энциклопедическое использование, начал рассказ о себе в строго информационной манере. Он сообщил «первые» данные о себе (год и место

рождения, образование и род занятий), но затем, не справившись с необходимым для такого рода статей безличным стилем, коренным образом транспонировал тональность повествования. В результате текст документа наполнился эмоциональностью, высветив индивидуальный облик автора. Неудивительно, что при публикации этих сведений в 1-ом дополнительном томе ЭСБ из краткого сообщения Волкова о себе было изъято все, что выходило за жанровые рамки словарной биографии.

Стремление к предельной формализации повествования не всегда последовательно выдержано и в саможизнеописании И. Г. Айвазова. Оно было составлено с явным намерением дать лишь строго деловую информацию. Однако, рассказ об отце, сыгравшем решающую роль в выборе сыном жизненного пути, несколько утратил черты безличности и индифферентности. Предметом особой гордости стала общественная деятельность Айвазова-старшего. В течение тридцати двух лет он состоял гласным Мариупольской городской Думы, удостоившись высоких наград, в том числе, Высочайшей благодарности государыни императрицы Марии Федоровны. Еще более эмоциональным оказалось повествование о главном деле жизни Айвазова – его религиозно-миссионерской деятельности и защите его взглядов на отношение Церкви и Государства. Так за общим для этой автобиографии официально-пафосным стилем проступили черты живого человека, которому не чужды чувства гордости, любви, почтения, обожания.

Автобиография писателя В. Г. Голикова также представляет собой соединение формального и индивидуализированного типов. Первые пять предложений в ней написаны в форме краткой энциклопедической статьи. В ней сообщены дата и место рождения, названы учебные заведения, в которых Голиков получил среднее и высшее образование, обозначена сфера деятельности автора. Весь остальной текст – это искренний рассказ-исповедь об этапах духовной эволюции писателя, испытавшего на протяжении жизни различные литературные, эстетические и философские влияния.

С точки зрения предложенной классификации, контаминация противоположных и одновременно равноправных повествовательных подходов наблюдается в пространном жизнеописании синолога В. М. Алексеева. Ученый вынашивал идею автобиографии-исповеди «в горьковском духе», и первая часть текста отразила этот замысел. Однако все повествование Алексеев не смог выстроить в соответствии с первоначальным намерением, и во второй части совершенно отказался от него. Текст в ней деперсонифицирован до уровня официального отчета о ступенях научного и профессионального роста рассказчика.

Внутри группы индивидуализированных личных историй ситуация также представляется неоднозначной. Дело в том, что доминирующая повествовательная тональность в них нередко оттеняется нехарактерными для нее обертонами, создающими эффект типовой многомерности.

Например, художественные особенности жизнеописания А. А. Тихонова-Лугового в его очерке «Как росла моя вера», с одной стороны, позволяют отнести его к типу беллетризованных текстов. С другой стороны, в нем наличествуют признаки автобиографий-исповедей. По крайней мере, в таком ключе воспринимался очерк и самим автором. В декабре 1910 г. он вручил отдельный оттиск этого сочинения Н. А. Котляревскому, сопроводив дарение надписью, в которой, в частности, есть такие строки:

«Сохраните этот оттиск на добрую память о моей безграничной благодарности Вам за то, что Вы дали возможность появиться в печати этой моей *исповеди.* <курсив мой – *Е. К.*>».[278]

В беллетризованной автобиографии Вас. И. Немировича-Данченко со всей очевидностью просматривается мемуарный оттенок, а завершающая ее часть является горькой, страстной исповедью писателя, немало претерпевшего от несправедливых упреков и предвзятых нападок критики. Процесс писания автобиографии для Немировича вылился в сердечный монолог «наедине» с

[278] Экземпляр отдельного оттиска с дарственной надписью Н. А. Котляревскому хранится в библиотеке Института русской литературы.

Венгеровым, в ходе которого автор рассказывал историю своей жизни, размышляя о своем месте в литературном мире.

Рассказ журналиста М. М. Лисицына о своем жизненном пути в целом тяготеет к автобиографиям мемуарного свойства. Однако искренность и высокая степень эмоциональности, сердечность и воодушевленность повествования, раскрывающие индивидуальность автора, позволяют маркировать документ и как автобиографию-исповедь.

Элементы композиционной и стилистической отделки, допускающей рассмотрение этой автобиографии в рамках беллетризованных текстов, прослеживаются в жизнеописании-исповеди В. Ф. Булгакова. В то же время драматические обстоятельства, сопутствовавшие составлению его личной истории, и краткие сроки, в которые она была написана, не способствовали литературной обработанности текста и не позволили автору выдержать взятую им художественную планку на протяжении всего повествования. С точки зрения охвата имен и событий и их связи с жизнью героя, оно обладает и ярко выраженным мемуарным оттенком.

В целом изучение коллекции Венгерова позволяет утверждать, что в подавляющем числе случаев прикрепление жизнеописания к одному определенному типу имеет весьма относительный характер. Один и тот же автобиографический текст может обладать как доминантными признаками, позволяющими отнести его к конкретному типу, так и содержать в себе менее выраженные черты других типовых групп.

3. Автобиографический дискурс: pro et contra

Обращение Венгерова к представителям российской интеллигенции с просьбой о высылке «личных историй» и знакомство читающей публики с материалами КБС вызвали живую дискуссию относительно формы и содержания автобиографического повествования. Она отразилась как в критических отзывах на КБС, так и в материалах коллекции. Достаточную вариативность

представлений корреспондентов КБС о жанровых признаках автобиографии, в определенном смысле, подтверждают самоназвания, которыми рассказчики иногда предваряли свои повествования. Приведу заглавия некоторых из них (номер в скобках соответствует номеру единицы хранения в фонде 377, оп. 7): «краткое жизнеописание» (Н. М. Абрамов. № 9), «Общие сведения о практической инженерной деятельности и перечень главнейших практических работ» (там же); «Материалы для биографии» (Н. А. Белелюбский, № 357); «Житие» (С. И. Рапопорт Оп. 4. № 3129. Письмо от 15 сентября 1897 г.; А. Т. Михайлов. № 2428. Письмо от 21 марта 1913;); «Автобиографическая заметка» (Д. Я. Айзман. № 55; А. Н. Леман. № 2122); «Офиц<иальная>» автобиография (В. М. Алексеев. № 86); «Страничка прошлого <воспоминания о русско-турецкой войне>» (А. Н. Анненская. № 158), «автобиографический очерк» (В. В. Рахманов. № 3040), «краткий автобиографический очерк» (Д. И. Тихомиров. № 3543); «Конспект» автобиографии (П. А. Оленин. № 2669) и т. д.

В печатных откликах в целом давалась высокая оценка изданию и признавалась чрезвычайная ценность публикации «личных историй». Так, например, Е. М. Гаршин отмечал: «Побуждаемые усердным и тщательным в своей работе биографом, – писал литературный критик, – наши авторы бросают ретроспективный взгляд на свою жизнь и сочинения и, конечно, могут отметить многое такое, что впоследствии ускользнет бесследно от самого ревностного и чуткого исследователя».[279] Другие рецензенты полагали, что публиковавшиеся в КБС документы составляют «интересный материал для характеристики среды, в которой обращаются наши "гении"»,[280] предоставляют возможность вдумчивому читателю «превосходно разобраться в

[279] *Гаршин Е. М.* Литературные беседы // «Биржевые ведомости», 1888, № 98, 8 (20) апреля. С. 1.

[280] <Без подписи>. <Рецензия на КБС. Т. IV> «Казанский телеграф». 1895. № 655. 1 апреля. С. 3.

былых и настоящих литературных настроениях» и получить понятие не только об отдельной личности, но и «обо всем характере эпохи».[281]

Писатель Ф. Ф. Тищенко полагал, что «полные и правдивые» автобиографии, кроме информативности, обладают несомненными нравственными достоинствами, прежде всего, полезностью для читателей юного возраста.[282]

Сам Венгеров придавал большое значение автобиографиям не только как важнейшим первоисточникам сведений о писателе, но и как материал, дающий «простор интимности и как раз в тех пределах, в каких это автобиографу интересно».[283] Не все современные критики разделяли убежденность Венгерова в том, что биография художника слова имеет неоценимое значение для понимания его творческого пути, и зачастую высказывали прямо противоположные суждения.

Так, например, Ю. И. Айхенвальд считал, что «подлинная сущность художника», «аромат его созданий» неизбежно улетучиваются в «серых клубах» «сухой биографической пыли».[284] Автор сборника статей «Силуэты русских писателей» (вып. 1—3. М., 1906—10) полагал, что обычный историко-литературный метод, приверженцем которого был Венгеров, не приближает к цели, т. е. к самому произведению, «а уводит от него в совершенно постороннюю даль».

«Жизнь писателя, - утверждал критик, - только средство; цель же - его писания. Мы не лучше поймем "Я помню чудное мгновенье", когда узнаем, что Пушкин говорил о Керн в частном письме. И вот почему тягостное впечатление бесцельности производят те

---

[281] *Измайлов А.< А>*. Литературные заметки // «Биржевые ведомости».1904. № 362. 17 июля. С. 2.

[282] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3552. Л. 1 об. [письмо Ф. Ф. Тищенко к Венгерову от 4 янв. 1913 г.].

[283] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4.1. Копировальная книга писем [письмо С. А. Венгерова к М. М. Ивановой от 10 февр. 1915 г.].

[284] *Айхенвальд Ю. И.* Вступление к сборнику «Силуэты русских писателей». Вып. 1. // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 24.

многочисленные историко-литературные работы, которые усердно вдаются в бездны мелочей и, деревьями заслоняя лес, изучают то, что не нужно».[285]

Несомненно, критику была известна статья Венгерова, в которой ученый выступил категоричным оппонентом «импрессионистического» метода Айхенвальда-критика, обвинив его в стремлении «выбросить из истории литературы исторический элемент».[286]

Корреспонденты Венгерова из литературной среды не раз демонстрировали негативное отношение к автобиографиям. Так, например, беллетрист П. А. Васильев высказал крайнюю точку зрения, утверждая, что дата и место рождения, данные о полученном образовании, вероисповедании, семейном положении и прочие сведения личного порядка, формирующие традиционный костяк биографии, – вообще не имеют никакого значения, если речь идет о писателе. О художнике слова следует судить по тому, что он написал:

«Писатель – человек слова, его дело – в слове, за это слово и судите его. Вот почему я, кроме дат и кратких разъяснений, ничего никогда не желал бы давать о себе. Я вычеркнул из биографии <слова> *арест* и *тюрьма*, так как эти два слова никакого отношения к писательской деятельности не имеют, как не имеют отношения и другие слова, вроде «крестился тогда-то», жену зовут так-то, а детишек так-то».[287]

И. А. Гриневская также полагала, что исключительно творческая сторона жизни обладает общественной значимостью: «Моя жизнь принадлежит мне, а мои произведения мне желательно, чтобы принадлежали всем. Пока этого не будет, моя личная жизнь не может никого интересовать и не должна интересовать. А если этот интерес явится, то моя жизнь найдется в моих сочинениях. У нас знают больше авторов и почти не знают их книги».[288]

По мнению Гриневской, высказанному в составленном Ф. Ф. Фидлером сборнике «Первые литературные шаги», лишь в одном случае биографические сведения могут быть уместны, а именно, когда речь идет об умерших писателях.

---

[285] Там же.

[286] *Венгеров С. А.* Критик-импрессионист // Речь. 1910. № 202. 26 июля. С. 3.

[287] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 748. Л. 1 [письмо П. А. Васильева к Венгерову от 5 мая 1913 г.].

[288] Там же. Л. 9.

При этом информация должна быть предельно суха и лапидарна («Родился тогда-то, там-то, учился там-то, выступил на литературном поприще тогда-то…»). Если же жизненный и творческий путь художника еще не завершен, то подобный свод фактов «никого не может привлечь ни к его личности, ни к его сочинениям».[289]

В письме к Венгерову писательница утверждала, что не возражала бы, если бы ее биографы ограничились лишь следующими сведениями:

«Изабелла Гриневская – поэтесса, драматург и критик. Автор Сборника пьес и монологов, автор «Огоньков», «Баба», «Суровых дней», «Беха Уллы» и Сборника стихотворений, очерков <…>».[290]

Таким образом, отрицалась целесообразность и уместность сообщений о внешних сторонах жизни как источнике праздного, досужего интереса. Предметом внимания должны были быть ее глубинные аспекты, которые связывались с творческими поисками, научными достижениями. «Главный интерес и смысл моей долгой жизни, - писал филолог-классик Н. М. Благовещенский, - не во внешнем, а во внутреннем ее проявлении и преимущественно в моей учено-литературной деятельности».[291]

Одним из важных аргументов, обосновывавшим сомнительную ценность автобиографических повествований, была их неизбежная субъективность. Так, профессор Николаевской инженерной академии А. Ф. Плющинский утверждал, что в них автор «всегда выходит <…> более паинька, чем это было бы по мнению другого».[292] Профессор Московского университета А. И. Бабухин полагал, что в них почти невозможно «избежать хотя бы маленькой <…> лжи»; они не дают

---

[289] *Гриневская И. А.* <Автобиография> // Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / сост. Ф. Ф. Фидлер. СПб., 1911. С. 243, 244.

[290] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1210. Л. 10 [автобиография И. А. Гриневской – 1 июня 1913 г.].

[291] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 452. Л. 3—3 об. [письмо Н. М. Благовещенского к С. А. Венгерову от 29 марта 1891 г.].

[292] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1775. Л. 1 об. [письмо А. Ф. Плющинского к Венгерову от 24 дек. 1887 г.].

понятия о «действительной натуре автора» и перед читателем предстают «только фантомы, а не реально существующие люди».[293]

Схожую точку зрения, впрочем, безотносительно к КБС, высказал М. П. Арцыбашев. В 1912 г. в журнале «Женское дело» он весьма скептически высказался об автобиографических текстах, писание которых назвал делом «скучным и бесполезным». Здесь же автор «Санина» выделил три «сорта» жизнеописаний: «очень занимательные», «очень наивные» и «очень скучные».

Первые, по мнению литератора, «искажают истину» и пишутся людьми «неглупыми», но не имеющими силы устоять перед соблазном покрасоваться перед публикой. Вторые совершенно не соответствуют истине и сочиняются самовлюбленными глупцами, изображающими себя не такими, каковы они есть в действительности, а такими, какими они хотели бы быть. Третьи не дают никакого представления об истине и составляются «людьми добросовестными, но вовсе не желающими обнажиться перед почтенной публикой», а потому по их жизнеописаниям «можно составить прекраснейший формуляр, но отнюдь не представление о подлинной душе автора».[294]

За этой насмешливой отповедью тем, кто придает значение личным историям, парадоксальным образом помещена автобиография Арцыбашева.[295] Это обстоятельство позволяет усомниться в искренности его автобиографического нигилизма и предположить, что насмешливым отрицанием ценности любых жизнеописаний он попытался завуалировать истинное желание рассказать о себе.

Опубликованная в «Женском деле» личная история М. П. Арцыбашева, была именно «писательской», творческой биографией, не позволявшей читателю заглянуть в тайные комнаты личной жизни автора «Санина». Литератор отмечал: «Что касается биографии моей, как человека, по своему жившего, страдавшего, любившего,

---

[293] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 256. Л. 1 об., 2 [письмо А. И. Бабухина к Венгерову от 11 нояб. <б. г.>].

.[294] *Арцыбашев М. П.* Автобиографический очерк // «Женское дело». 1912. № 24. С. 24.

[295] Там же. Л. 24—26.

изменявшего, увлекавшегося, раскаивавшегося, болевшего, впадавшего то в слабость и отчаяние, то в восторг от жизни, как и все люди, то об этом я писать не могу и не хочу. Личная моя жизнь никого не касается».[296]

Некоторые венгеровские корреспонденты разделяли укоренившееся в широкой массе читающей и пишущей публики убеждение в том, что «писать свои автобиографии, заявлять, так или иначе, о своей личной жизни, имеют право далеко немногие»,[297] а именно те, кто уже приобрел себе имя и известность. Например, А. Н. Пешкова-Толиверова, предоставившая в коллекцию крайне краткие сведения о себе, ставила степень полноты автобиографического повествования в прямо пропорциональную зависимость от творческих достижений. Принцип конспективности в рассказе о себе детская писательница обосновала тем, что она как литератор «ведь *не большая* величина!».[298]

Иные авторы считали не заслуживающими словарной жизни биографии «неинтересные», «обычные», лишенные богатой событийной наполненности.[299] К разряду «незанимательных» относил свое жизнеописание писатель В. Г. Голиков, чем обосновал «некоторое смущение», с которым он составил сведения о себе для Венгерова.[300]

С другой стороны, попытки сделать автобиографию привлекательной и интересной посредством обнародования деталей частной жизни, по мнению ряда рецензентов КБС, были неуместны и свидетельствовали об отсутствии скромности у некоторых персонажей издания. Так, рецензент «Нового обозрения»

---

[296] *Арцыбашев М. П.* Автобиографический очерк // Женское дело. 1912. № 24. С. 24–26.

[297] Оскар Норвежский. Предисловие <к публикации автобиографий современных писателей> // Литературный календарь-альманах 1908. СПб., <1908>. С. 14.

[298] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2832. Л. 2 об. [письмо А. Н. Пешковой-Толиверовой к Венгерову от 18 июня 1913 г.].

[299] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1802. Л. 1 [письмо С. А. Князькова к Венгерову от 16 февр. 1914 г.]

[300] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1120. Л. 14 [письмо В. Г. Голикова к Венгерову от 8 марта 1914 г.].

отмечал, что, «некоторые автобиографические заметки не лишены известной доли хлестаковщины».[301]

По мнению А. А. Измайлова, право, тактично предоставленное Венгеровым «общественному человеку» описать себя, было чревато весьма коварными последствиями. Результатом принципа полного невмешательства Венгерова в рассказы о себе стала свобода автобиографического самовыражения. Не без сарказма критик замечал:

«Разно характеризуют себя фат и скромник, правдивая натура и актер, рекламист и чуждающийся рекламы; <…> поэтому, читая некоторые автобиографии, вы не один раз улыбнетесь. С какою охотою некоторые маленькие человечки спешат себя обессмертить, охотно распространяясь о своем детстве, <…> о своих тетушках и бабушках, которые кроме них никому не интересны <…>».[302]

В материалах КБС Измайлов усмотрел изменение типа автобиографического сознания: «Тип русского литератора ″доброго старого времени″ на наших глазах сменяется новым. Сладок яд рекламы».[303] При этом критик ссылался на автобиографию К. Д. Бальмонта, шокирующая эпатажность которой вызвала наибольший читательский резонанс.

Вопрос о степени проявления личности рассказчика в жизнеописании разделил венгеровских корреспондентов на два лагеря.

По мнению одних, автобиографическая история должна была выявлять индивидуальный облик человека, что неосуществимо в пространстве автобиографии, состоящей из «фактического перечня внешних событий» (Н. Я. Грот, К. М. Оберучев).[304]

Напротив, другие участники этой своеобразной дискуссии, утверждали право на существование именно тех жизнеописаний, в которых преобладала

---

[301] *Г. <псевд. Туманова Г. М.>*. <Рецензия на 6 том КБС> // Новое обозрение. 1904. № 6748. 21 июля. С. 3.

[302] *Измайлов А.< А>*. Литературные заметки // Биржевые ведомости.1904. № 362. 17 июля. С. 2.

[303] Там же.

[304] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1221. Л. 3 [письмо Н. Я. Грота к Венгерову от 28 окт. 1887 г.]. № 2638. Л. 1—2 [письмо К. М. Оберучева к Венгерову от 9 мая 1913 г. – <по штемпелю>].

именно сухая фактография, да и то ограниченная исключительно деятельностью того или иного лица, причем, чем выше был его общественно-профессиональный статус, тем прочнее становилось основание для обнародования такой автобиографии. Так, профессор Московского университета, гистолог А. И. Бабухин писал редактору КБС, мотивируя свой отказ от рассказа о себе:

«Ежели бы я решился передать Вам свою биографию, то она состояла бы только в следующем: в таком-то году вступил в университет (ибо этот акт я считаю настоящим началом жизни), в таком-то году окончил курс, в таком-то был послан заграницу для приготовления к профессорской деятельности. Что и где я публиковал, какие и где были отзывы о моих трудах, с какими идеями я приступил к выполнению профессорских обязанностей и чем руководился при исполнении последних».[305]

Замечу, что в течение жизни отношение к составлению жизнеописания могло претерпевать изменения от готовности до полного неприятия самой мысли об обнародовании личной истории. Приведу несколько примеров.

Пушкинист Н. О. Лернер, судя по документам, хранящимся в его «деле», вообще не был склонен делиться какой-либо конкретной информацией о себе. Если около 1906 г. он все же дал для венгеровского архива сведения – предельно краткие – о своем образовании и прохождении по служебной лестнице, то через несколько лет, в 1913 г., уже для нового издания КБС, он вовсе отказался от работы над своим жизнеописанием. Несогласие пополнить венгеровский архив своей личной историей известный литературовед мотивировал следующим образом: «Думаю, что литература и без меня очень хороша».[306]

В письме к редактору КБС от 14 марта 1907 г. Ф. Сологуб объяснял нежелание писать о себе отчасти недостатком времени, отчасти тем, что не замечает особого интереса читающей публики.[307] Тем не менее, всего две недели

---

[305] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 256. Л. 2—2об. [письмо А. И. Бабухина к С. А. Венгерову от 11 нояб. <б. г.>].

[306] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2141. Л. 4 [письмо Н. О. Лернера к С. А. Венгерову от 24 янв. 1913 г.].

[307] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3369. Л. 1 об. [письмо Ф. Сологуба к С. А. Венгерову от 14 марта 1907 г.].

спустя что-то подтолкнуло его выслать редактору КБС автобиографические сведения, которые, впрочем, отличались изрядной лапидарностью и ограничивались сообщением, состоявшим всего из двух строк: «Родился 17 февраля 1863 г. в Петербурге. Учился в здешнем Учительском институте».[308] Еще категоричнее писатель высказался в письме к А. Н. Чеботаревской в виду ее планов создания свода биографий современных русских писателей: «Сведения могу сообщить только следующие: Родился в 1863 г. в СПб. Этого и довольно. Биография моя никому не нужна».[309]

Очень быстро негативное отношение Сологуба к какому-либо обнародованию личных сведений очень быстро нарастало, а вскоре писатель и вовсе стал принципиальным противником этой идеи независимо от популярности его сочинений в читательской среде. В сентябре 1908 г. он озвучил свою позицию, сделав следующее печатное заявление: «Моей автобиографии я писать не могу, так как думаю, что моя личность никому не может быть в такой степени интересна. Да мне и некогда заниматься таким ненужным делом, как писание автобиографии».[310]

Не изменил себе Сологуб и когда получил от М. Л. Гофмана предложение прислать автобиографию, которую тот предполагал поместить в своей «Книге о русских поэтах последнего десятилетия».[311] В своем ответе критику Сологуб повторил высказанное им ранее болезненное убеждение в том, что факты его жизненного пути не могут быть объектом общественного внимания, прежде всего, потому, что таковое отсутствует в отношении его творчества.[312] Очевидно,

---

[308] Там же. Л. 4—4 об. [письмо Ф. Сологуба к С. А. Венгерову от 27 марта 1907 г.].

[309] Цит. по: *Сологуб Ф.* Письма к Анастасии Чеботаревской / публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 301.

[310] Литературный календарь-альманах 1908. С.-Петербург, [1908]. С. 49. То же см. в сб. «Автобиографии современных русских писателей». СПб., 1910. С. 41.

[311] *Гофман М. Л.* Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Очерки. Стихотворения. Автографы / под ред. М. Гофмана. СПб.;М., 1909. 406 с.

[312] Там же. С. 239.

в связи с этим через несколько лет историю жизненного пути Сологуба для «Русской литературы XX века» написала его жена, А. Н. Чеботаревская.[313]

Таким образом, спектр мнений о ценностном потенциале личных историй, их форме и содержании был весьма широк. Одни утверждали безусловную важность автобиографических повествований, полагая, что они позволяют не только лучше понять личность и особенности творчества рассказчика, но и точнее осмыслить характер эпохи. Другие напротив, отрицали ценность авторских жизнеописаний и в качестве аргумента приводили их неизбежную субъективность и заведомую неискренность. Иные рассматривали автобиографию исключительно в информационном ключе. По мнению других, автобиографическая история должна была выявлять индивидуальный облик человека. С точки зрения ряда литераторов, раскрытие индивидуальности следовало связывать не с событиями личной жизни, а с творческой автобиографией, отражающей не внешнюю канву судьбы человека, а, прежде всего, его внутренний микрокосм, который следует раскрывать не посредством «разбалтывания» интимных подробностей жизни, а путем погружения в творческий мир художника.

***

Решение задач, поставленных в главе, привело к следующим итогам.

Возникшая на страницах критических откликов на КБС и материалов коллекции Венгерова дискуссия относительно формы и содержания автобиографических текстов выявила диаметрально противоположные взгляды об их значимости: от признания до полного отрицания ценности личных историй. В то же самое время обнаружился главный водораздел, определивший расхождения в подходах и принципах, которым следовали венгеровские корреспонденты при составлении личных историй. Одни рассматривали автобиографию

[313] Русская литература XX в. Т. II, кн. 4. С. 9—13. В письме к Венгерову Чеботаревская раскрыла обстоятельства частичной публикации фрагмента этой биографии, первоначально предназначенной для него, в «Студии» (<1913>, № 13) и обещала в случае необходимости выслать ему переработанную и дополненную биографию Сологуба.

исключительно в информационном ключе, другие полагали, что она должна была выявлять индивидуальный облик человека. Третьи – преимущественно из литературной среды, были убеждены в том, что личная история писателя может быть раскрыта лишь через погружение в историю его творчества.

Особенности, во многом обусловившие типовое разнообразие автобиографий в коллекции, лежат в сфере психологии процесса саможизнеописания. Анкетный циркуляр КБС был призван облегчить авторам поставленную перед ними задачу. Однако на деле этот план, вольно или невольно направлявший венгеровских корреспондентов к самораскрытию, нередко вызывал внутреннее сопротивление его корреспондентов. В результате ученый не раз получал предельно формализованные ответы либо «сырой» материал к автобиографии. Еще одним способом бегства от составления рассказа о себе, была передача этого процесса стороннему лицу.

Разница в подходах к изображению жизненного пути, зависящая от степени личностного присутствия автора, позволила условно разделить эгодокументы коллекции на два больших блока: автобиографии «формальные» и автобиографии «индивидуализированные». Внутри каждого блока были выделены основные типы повествования.

В первом из них, события жизни рассказчика лишены конкретных исторических привязок, а личность автора либо вовсе не просматривается (автобиографии в вопросо-ответной форме и в форме энциклопедических статей), либо дана в неизменности ее проявлений на протяжении всей жизни (curriculum vitae). В последнем случае авторы стремились к максимально подробной характеристике своего общественного и профессионального статуса. Общий для всех трех типов «формальных» жизнеописаний признак – подчеркнутая индифферентность повествовательной манеры рассказчика.

Напротив, в «индивидуализированных» личных историях, его голос ярко персонифицирован. Выделение типов внутри этой группы текстов основано на присутствии в них доминантных маркеров. Так, наиболее характерной чертой жизнеописаний-исповедей является эмоционально насыщенная авторская

саморефлексия. Широкий охват историко-культурных событий в связи с личной историей героя-повествователя, осознание им своей семейно-родовой принадлежности, «биографическая многослойность» – основные приметы автобиографий-мемуаров. В основе беллетризованных автобиографий лежат творческий вымысел, образность, лирические отступления. Отсутствие прямых биографических реалий, скрывающихся за недомолвками и иносказаниями, указывает на принадлежность текста к типу «антибиографий».

Между тем, «формальные» жизнеописания, способны включать несвойственные им признаки «индивидуализированных». В свою очередь внутри «индивидуализированных» личных историй типовые границы не всегда имеют жесткие очертания. Один из четырех предложенных типов при преобладании доминантных свойств какого-либо одного типа, нередко содержит менее выраженные качества другого. Это обстоятельство позволяет говорить о существовании «смешанного» типа.

Глава 3. Соратники, ученики и последователи С. А. Венгерова: коллекции автобиографий конца XIX – первой трети XX веков

Появление значительного числа сводов автобиографий, начиная со второй половины XIX века, свидетельствует об усилении общественного внимания к сфере личного, персонального, об изменении и расширении ракурса биографического сознания, который включил в себя, помимо внешнего, собственный взгляд человека на свою жизнь.

В деле собирания и публикации эгодокументов С. А. Венгеров был не одинок: историкам литературы хорошо известны как изданные, так и неопубликованные своды автобиографий дореволюционного времени и советского периода. Среди них сборник «А. С. Суворину на память от сотрудников», альбом М. И. Семевского «Знакомые», коллекция жизнеописаний А. Н. Чеботаревской, подборка писательских автобиографий, собранных О. Норвежским для «Литературного календаря-альманаха» и М. Л. Гофманом для «Книги о русских поэтах последнего десятилетия»; автобиографии сотрудников «Русских ведомостей» в книге «Русские ведомости. Сб. статей 1863—1913», «Первые литературные шаги» Ф. Ф. Фидлера.

Нельзя не упомянуть коллекцию эгодокументов Е. Ф. Никитиной, сформировавшуюся в годы существования организованного ею в Москве популярного писательского объединения «Никитинские субботники» [314] По всей видимости, ряд писательских автобиографий из собственного архива Никитина

[314] Историю объединения «Никитинские субботники» подробно рассмотрел Д. М. Фельдман. См.: *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство “Никитинские субботники” в контексте литературного процесса 1920—1930-х годов. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1998. 224 с.

поместила в «Биобиблиографическом словаре (1890—1926)», одном из разделов ее книги «Русская литература от символизма до наших дней».[315]

С некоторыми коллекциями исследователи менее знакомы в силу того, что их материалы либо не были опубликованы (коллекция И. А. Назарова и П. Н. Симони), либо опубликованы частично (коллекция П. Я. Заволокина).

Цель главы состоит в определении места архива жизнеописаний Венгерова среди перечисленных выше собраний. Решение этой задачи требует рассмотрение содержания и принципов их составления, а также встречающихся в них форм автобиографического повествования. Оговоримся, что исследование не претендует на охват всех известных сводов жизнеописаний. Так, например, за рамками исследования останутся коллекции автобиографий революционных деятелей русского социалистического движения, опубликованные в Энциклопедическом словаре Гранат[316] и в сборнике «Писатели. Автобиографии и портреты современных прозаиков».[317] Этот «отсев» объясняется, прежде всего, желанием сосредоточиться на собраниях жизнеописаний, представляющих наибольший интерес в связи с их соотнесенностью с коллекцией С. А. Венгерова.

---

[315] *Никитина Е. Ф.* Русская литература от символизма до наших дней. М.: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1926. 544 с.

[316] Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». 7-е, соверш. переработ. изд. / под ред. проф. В. Я. Железнова и др. М.: Изд-во Русского библиографического ин-та Гранат, 1927. Т. 40: Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70-х и первой половины 80-х гг. 658 стб.

[317] Писатели. Автобиографии и портреты современных [русских] прозаиков / под ред. Вл. Лидина. М., 1926. 372 с.; 2-е изд. М., 1928. 395 с.

1. «Я видел альбомы, которые драгоценнее всех диссертаций…»: [318]

Альбом «Знакомые» по своей форме и масштабности занимает особое место среди других сводов жизнеописаний. Его инициировал историк, издатель-редактор «Русской старины» М. И. Семевский.[319] Он осуществил издание своей коллекции в 1888 г., после более чем двадцатилетнего периода собирания личных историй. По словам составителя, Альбом, представлявший из себя в оригинале три «вполне исписанных» тома, возник из шутки, как способ развлечения, воскрешавшего «старый и хороший обычай». Понимание историко-культурного и источниковедческого значения запечатленных в нем эгодокументов пришло не сразу. Их публикация была осуществлена из желания сохранить этот многостраничный документ, сделав его доступным широкому кругу читателей.

Семевский возродил традицию, расцвет которой пришелся на пушкинскую эпоху.[320] К середине XIX в. обычай ведения альбомов постепенно сошел на нет.

«Кто, – писал Семевский, – не помнит этих альбомов, различных форматов, в сафьянных или заботливо вышитых переплетах <…> В эти драгоценные <…> книжки заносились карандашом, акварелью, сепью, тушью рисунки, <…> а также вписывались нашими и иноземными писателями <…> всякого рода стихотворения и прозаические отрывки».[321]

Альбом Семевского разительно отличается от образцов альбомной культуры конца XVIII – первой половины XIX веков, хотя генетически он

---

[318] *Я. <Яковлев П. Л.>*. Об альбомах. (Из альбома К. И. И<змайловой>) // Благонамеренный. 1820. № 18. С. 376.

[319] Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина». Книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц. – Воспоминания. – Стихотворения. – Эпиграммы. Шутки. Подписи. 1867—1888. СПб., 1888. XXXII, 401 с. (далее с указанием страницы: Знакомые. Альбом Семевского).

[320] Одному из памятников альбомной культуры этого времени посвящена работа В. Э. Вацуро. См.: *Вацуро В. Э.* С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989. 416 с.

[321] Знакомые. Альбом Семевского. С. III.

восходит к альбому, датируемому 1819—1821 гг. и принадлежавшему академику Санкт-Петербургской академии наук, историку и географу П. И. Кеппену (1793—1864). Главное отличие содержания альбома Кеппена от других с**о**стоит в том, что литераторы, записывавшие в него поэтические и прозаические обращения к хозяину, оставляли при этих записях автобиографические данные.[322] Если в альбоме Кеппена автобиографический элемент не играл первостепенной роли, то в «Знакомых» доминируют именно жизнеописания, хотя репертуар записей здесь весьма широк и включает в себя также прозаические отрывки, шутки, стихотворения, послания, эпиграммы, заметки, рисунки «и проч., и проч.».[323]

Преобладание автобиографий в «Знакомых» неслучайно: Семевский был убежден в том, что Альбом мог стать полезным источником для различного рода биографических словарей, источником тем более драгоценным, что его данные были автографами.[324] Историк признавался, что не раз черпал из альбомов сведения для редактировавшегося им исторического журнала, в котором уделялось повышенное внимание эгодокументам: автобиографиям, дневникам, воспоминаниям.

Единственное свидетельство существования определенных требований, которые предъявлялись «посетителям» Альбома в отношении оставлявшихся ими записей, было обнаружено в жизнеописании педагога и переводчика Г. К. Ланкенау. Авторам предлагалось, во-первых, «старательно избегать эгоистичного ″я″» и заменять его на «беспристрастное» третье лицо; во-вторых, не заботиться «о красоте слога и о блестящих оборотах речи» и передавать «одни лишь голые факты».[325] Последнее обстоятельство неслучайно: сама ситуация, в которой оказывались гости Семевского, не могла располагать ни к созданию

---

[322] *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 19.

[323] Знакомые. Альбом М. И. Семевского. С. 113—114, 252, 400. Сами рисунки в издании не воспроизведены, но дан их перечень.

[324] Там же. С. III, IV, V.

[325] Там же. С. 278.

пространных личных историй, ни к особой медидативной сосредоточенности, которой требовала эта работа. Один из персонажей Альбома, Я. П. Полонский, полагал, что «исповедь жизни – предмет далеко не альбомный». Это признание поэта является, пожалуй, единственным во всем Альбоме, где был изложен взгляд на сущность автобиографического повествования. Оно, по мнению Полонского, должно быть «историей души», понятной лишь при глубинном проникновении в содержание творчества автора.[326]

Развернутые обстоятельные жизнеописания в Альбоме представлены в меньшей степени (см., например, автобиографии Н. В. Берга, Г. К. Ланкенау, И. Н. Лермантова, Н. П. Синельникова).[327] В заметно бóльшем количестве случаев читатель имеет дело с максимально краткими записями, фиксировавшими имя, отчество, фамилию и род занятий человека. Вовсе отсутствуют повествования, авторы которых осмысляли бы свой жизненный путь, не ограничиваясь лишь некоторой статусной информацией о себе. При этом даже значительные по объему автобиографии следует отнести к типу «формальных». В основной своей массе они напоминают формулярные списки или своеобразные сводки основных фактов жизненного пути. В связи со специфическими обстоятельствами заполнения Альбома, неудивительно, что в нем почти не встречаются рассказы о себе, написанные с долей рефлексии и самоиронии.

Читатель видит перед собой как бы графично очерченный профиль персонажа либо его репрезентативный портрет. Так, например, рассказ сенатора Н. П. Синельникова пестрит словосочетаниями «был назначен», «удостоился особенной благодарности», «приобрел полное доверие и признательность», «последовал перевод», «объявлено монаршее благоволение» и т. п. Образец подобной автобиографии-«похвалы» был рассмотрен на примере жизнеописания И. Г. Айвазова[328] во второй главе диссертационного сочинения (раздел «формальных автобиографий»).

---

[326] Там же. С. 362.

[327] Там же. С. 65—67, 104—106, 124—127.

[328] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 53.

Бóльшая часть жизнеописаний в Альбоме напоминает традиционную энциклопедическую статью. Исключений немного. К примеру, Д. И. Иловайский, автор известных гимназических учебников по истории, лишь констатировал, что вся суть его небогатой внешними событиями жизни состояла в том, что он «учился, учил и писал». Вместо обычного и, может быть, скучного перечня дат и фактов, он поделился ярким воспоминанием из своего детства, в котором проявился характер и индивидуальность будущего историка:

«<…> сообщу следующий факт. <…> Когда я перешел в этот <второй> класс, преподаватель истории и географии (по фамилии Херасков) на первый урок задал нам выучить все введение в учебник <И. К.> Кайданова, в том же введении находилось деление истории на периоды и подразделение их. Названия событий и исторических имен, нам еще неизвестных, с целым рядом хронологических цифр, представляли большую трудность для усвоения. Помнится, я этот урок учил с каким-то увлечением, и чтобы не мешали мне, уходил для того в сад или сарай. На поверку оказалось, что я был единственный ученик, который вызубрил все заданное и отвечал без ошибки. Преподаватель потом сознался, что он задал такой трудный урок для того, чтобы сразу узнать учеников, наиболее способных к истории».[329]

Попытку преодолеть заданную обстоятельствами жанровую ограниченность записи и внести в нее в целом нехарактерный для Альбома сюжет и интригу, представляет собой автобиография А. Н. Островского.[330] Драматург резонно отметил, что «здесь, в альбоме» он, «разумеется», мог сообщить о себе «только кой-что и то краткое». Начало этого саможизнеописания вполне традиционно зафиксировало дату рождения Островского. Весь последующий текст он выстроил на хронологии мистических совпадений, связанных в его жизни с цифрой 14: здесь и дата первой публикации (14 февраля 1847 г.), и дата первого литературного успеха (14 января 1853 г.), и дата открытия Артистического кружка в Москве (14 ноября 1865 г.).

Мемуарный характер жизнеописаний писателя и публициста В. О. Михневича и филолога-классика Н. М. Благовещенского также выделяются

[329] Там же. С. 121.

[330] Там же. С. 165.

на общем фоне альбомных автобиографий.[331] Их рассказы не сосредоточены исключительно на собственной судьбе и включают в себя «исторические картинки», на фоне которых проходила жизнь автора, оценки тех или иных историко-культурных фактов. Например, в личную историю Михневича вошли рассуждения о состоянии гимназического образования в 50-е гг. и некоторые воспоминания о столичной журналистике 60-х гг. XIX века. Благовещенский дал обстоятельную высокую оценку филологического уровня образования в петербургском Главном Педагогическом институте и отнюдь «не вскользь» упомянул многих его преподавателей и выпускников. Однако повторюсь, автобиографии, подобные этим двум, в Альбоме единичны.

Мы не найдем в нем прямых «отказов» в рассказе о себе, которые достаточно часто встречаются в венгеровской коллекции. Однако Альбом сохранил записи, в завуалированной форме выражавшие нежелание предоставлять какие-либо сведения о жизненном пути. Так, например, поступил А. А. Краевский, утверждавший, что он может сказать о себе лишь следующее: «Я родился в Москве, 6-го февраля 1810 года и живу до сих пор».[332] С точки зрения представлений о разных формах, в которые возможно облечь автобиографическое повествование, интерес представляет аргументация отказа. В ней редактор «Отечественных записок» разделил свою биографию на «внешнюю» («она напечатана во многих русских и иностранных словарях») и «внутреннюю». Казалось бы, за этим утверждением должно было последовать неофициальное, «несловарное», многомерное описание жизни, которое включало бы не только лицевую ее сторону, но и обычно скрытую от посторонних глаз. Однако этого не

---

[331] Там же. С. 332—336, 354—359. Заглавие Альбома Семевского отсылает к заглавию сборника «Наши знакомые», который вышел в свет несколько ранее труда и составителем которого был Михневич (см.: Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. С 71-м портретами-карикатурами, рисованными художниками А. И. Лебедевым, М. Е. Малышевым и А. А. Серебряковым по наброскам автора / сост. Вл. Михневич. СПб., 1884. 284 с. С. V-VI (предисловие).

[332] Там же. С. 143.

произошло. Краевский как будто остановился на полуслове и свернул с им же самим обозначенного пути. Возможно, автор, как и многие персонажи коллекции Венгерова, оказался психологически не готов к такому рассказу о себе, который предполагал бы самораскрытие и элемент исповедальности.

По мере эволюции альбомной культуры, изменялся внешний облик и содержательное наполнение ее образцов. В исследовании, посвященном литературным альбомам в собрании Пушкинского Дома, В. Э. Вацуро скрупулезно проследил изменения, которые претерпело это явление в течение нескольких десятилетий, и показал, как на определенном этапе альбомы перестали быть документом внутренней жизни кружка или салона и превратились в альбомы-коллекции.[333] Они возникли в 40-е гг. XIX века, в эпоху расцвета великосветского салона. Их характерной чертой стало увеличение дистанции между автором записи и ее адресатом. Альбом-коллекция Семевского появился в период, когда альбомная культура в целом ушла в прошлое. Сборник «Знакомые», возродивший эту традицию, наиболее выпукло и ярко отразил созданный в ее недрах феномен альбома-коллекции.

В последней четверти XIX века Альбом-коллекция М. И. Семевского наследовал угасшей традиции альбомной культуры и отразил «конечный этап эволюции традиционного ″памятного альбома″» пушкинской эпохи.[334] С другой стороны, превалирование автобиографических текстов в «Знакомых» свидетельствовало о новых общекультурных тенденциях, сказавшихся в усилении внимания к личной истории человека.

Среди автобиографических свидетельств в Альбоме имеется и жизнеописание создателя КБС, датированное 18 ноября 1884 г.[335] Возможно, идея

---

[333] *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы). С. 31—37. Альбом-коллекцию исследователь назвал «конечным этапом эволюции традиционного ″памятного альбома″» (С. 33).

[334] *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы). С. 33.

[335] Там же. С. 139.

собственного архива личных историй родилась у Венгерова, когда он познакомился с Альбомом Семевского и увидел, какой в нем заключен огромный историко-литературный и культурный потенциал.

Широчайший охват всех слоев российского образованного сообщества в коллекциях Венгерова и Семевского по праву позволяет считать их обоих крупнейшими фигурами в деле собирания и публикации личных историй современников, хотя нельзя не признать, что архив жизнеописаний редактора КБС был гораздо более многолик и разнообразен.

2. Юбилейные сборники автобиографий

Особую разновидность образуют сборники авторских жизнеописаний, которые составлялись «к случаю» и приуготовлялись к особой дате. Рассмотрим два таких свода.

2.1. Автобиографический «капустник» в честь главы нововременцев

29 февраля 1876 г. вышел первый номер обновленной газеты «Новое время». С этого момента ее владельцем и фактическим редактором стал Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912). Выход Альбома автобиографий нововременцев[336] был приурочен к десятилетнему юбилею этого события и предпринят с единственным намерением – почтить вниманием издателя одной из крупнейших отечественных газет. Сборник выполнял функцию подарочного подношения.

Судя по содержанию и составу книги, в которую вошли 35 жизнеописаний, их авторы не были ограничены ни объемом, ни каким бы то ни было анкетным

[336] Алексею Сергеевичу Суворину на память от сотрудников [газеты «Новое время». Альбом автобиографий] 28 февраля 1886 года. М., 1886. 349 с.

планом. Ни разу участники сборника не высказали своего мнения относительно того, какой должна быть автобиография. Лишь двое коснулись темы права человека на составление и обнародование своей личной истории. Так, К. А. Скальковский начал рассказ о себе утверждением, что его автобиография «не может представлять большого интереса для кого-либо», поскольку он «не писал ″Contrat Social″ и ″Новой Элоизы″» и «не воровал серебряных ложек, как Ж.–Ж. Руссо».[337] А. П. Никольский нашел «забавным» саму идею автобиографии и признавался, что эта мысль «ни разу еще не приходила» ему в голову.[338] Однако, и в том, и в другом случае, такого рода «зачины» носили скорее этикетный характер, поскольку вслед за ними следовали довольно обширные и часто исполненные мягкого юмора автобиографические очерки.

Отличительной чертой личных историй в сборнике являлась литературная обработанность, на которую, судя по оговорке писателя М. А. Загуляева, были сориентированы писавшие.[339] Неслучайно жизнеописания двух авторов обрели собственное заглавие. И. Ф. Горбунов поместил в сборнике автобиографическую миниатюру «Перед лицом графа Закревского», в которой изобразил эпизод из начального периода своей литературной деятельности. «Как я сделался журналистом» – так озаглавил свое многостраничное повествование В. К. Петерсен, предпослав ему шуточный эпиграф.[340]

Из общего числа жизнеописаний лишь немногие могут быть причислены к «формальным». Характер сборника определялся его общей дружеской направленностью и ставил авторов перед непростой задачей: с одной стороны, поведать о себе, а с другой избежать в этом деле излишней глубокомысленности и

---

[337] Там же. С. 269.

[338] Там же. С. 143.

[339] «В течение моей долгой деятельности журналиста, я много раз бывал заграницей <…>. Обстоятельства сводили меня во время этих поездок со множеством иностранных знаменитостей, но в *литературной автобиографии* вряд ли уместно перечислять эти знакомства <…>» // Там же. С. 68.

[340] Там же. С. 45—53, 185—212.

серьезности. Вследствие этого ряд текстов, заявленных в книге как автобиографии, лишь отчасти соотносится с историей жизненного пути рассказчика. В известной степени они характеризуют авторскую индивидуальность, но по существу являются шутливыми посланиями чествуемому адресату в расчете на его благосклонную улыбку и расположение.

Например, «автобиография» В. П. Буренина ограничилась одним предложением: «Родился в 1841 г., умер в 18… г.»,[341] а Д. В. Аверкиева – фразой: «Родился в 1836 году и жив до сих пор».[342] Ироничное повествование С. Н. Терпигорева оборвано концовкой, пародировавшей сообщения, принятые в журнальных публикациях («Продолжение <…> в следующем нумере»), забавно намекавшей на «второй» сборник автобиографий, который когда-нибудь вновь будет благополучно поднесен редактору журнала на очередной юбилей «Нового времени». В этом воображаемом «нумере» якобы появятся следующие части жизнеописания Терпигорева, где он поведает о своем писательском становлении. А пока, мол, он ограничивается лишь рассказом о детских и юношеских годах, который завершается интригующей фразой: «И вот я явился в столицу…».[343] Б. В. Гей вместо жизнеописания нарисовал юмористическую картинку неких придуманных обстоятельств, при которых было бы возможно глубоко и любовно («con amore») отнестись к составлению рассказа о своей жизни.[344] Желание посмеяться над самим собой и собственно над процессом жизнеописания превалирует в краткой самохарактеристике В. С. Россоловского.[345]

Несмотря на шутливый тон ряда личных историй, все же бóльшую часть сборника составили обстоятельные повествования мемуарного типа. Некоторые из них значительны по объему (например, автобиографии Ф. И. Булгакова, М. М. Иванова, А. П. Никольского, В. К. Петерсена).

---

[341] Там же. С. 39.

[342] Там же. С. 1.

[343] Там же. С. 285.

[344] Там же. С. 41—43.

[345] Там же. 263—264.

В контексте вопроса о типах автобиографического рассказа отдельного рассмотрения заслуживает жизнеописание С. Н. Шубинского. Оно выделяется среди остальных тем, что представляет собой контаминацию двух композиционно разграниченных способов авторского повествования: «формального» и «индивидуализированного». Первое построено по образу и подобию энциклопедических статей, с обязательной для них библиографией работ персонажа. Второе – это воспоминания историка о своем пути в журналистике.[346]

Особняком стоит исполненный самоиронии «автобиостих»[347] О. И. Чюминой, вынесенный составителями в Приложение.[348] Вот его зачин:

«Я шестьдесят второго года,
На самых святках родилась;
(Вступлением такого рода
Мы все здесь начали рассказ)».

Автобиография поэтессы и переводчицы написана четырехстопным ямбом и стилистически восходит к образцам классической русской поэзии первой четверти XIX века. Несомненно, этот прием использован Чюминой с целью «снизить» серьезность выполнения поставленной перед ней задачи.

Таким образом, литературная обработанность автобиографических повествований, в большинстве своем настроенных на мемуарный лад, а также их комплиментарная направленность являются отличительными чертами сборника. В подавляющем большинстве составители жизнеописаний, так или иначе, сводили свои рассказы к встрече с Сувориным и стремились в письменной форме высказать благодарность человеку, от которого в известной степени зависела их журналистская судьба.

Это качество совершенно не характерно для личных историй в коллекции Венгерова. В ее материалах, действительно, нередко встречаются просьбы о

---

[346] Там же. С. 237—261.

[347] Этот термин употребил позднее поэт И. Д. Лукашин (1894—1937) при высылке своего жизнеописания П. Я. Заволокину. См.: ОР РНБ. Ф. 290. № 153. Л. 4—5.

[348] А. С. Суворину на память от сотрудников… С. 329—333.

помощи в литературном труде и благодарность за предоставленную возможность рассказать о себе. Однако авторы составленных по просьбе Венгерова жизнеописаний не были стеснены необходимостью «раскланиваться» с составителем КБС. Перед его корреспондентами стояла другая задача: как можно полнее осветить свой жизненный путь, закрепить его в автобиографической памяти будущих поколений.

2.2. «Русские ведомости. 1863—1913»[349]

Эта коллекция возникла в процессе работы сотрудников «Русских ведомостей» над сборником, посвященным пятидесятилетию газеты. Книга была задумана как справочное издание. Большинство лиц, в разные годы участвовавших в нем, откликнулись на предложение предоставить редакции свои жизнеописания.

Строгих требований к ним не было, кроме самых общих сообщений: о месте и времени рождения, образовании, служебной карьере. В целом автобиографии писались в свободной манере, вне рамок какого-либо плана и были опубликованы без редакционных изменений. «В своем теперешнем виде, – констатировалось в предисловии к изданию, – они лучше отражают индивидуальность отдельных авторов и выигрывают в качестве чисто литературного материала».[350]

Тем не менее, содержание автобиографий высвечивает две темы, на отражение которых, вероятно, были ориентированы участники сборника. Во-первых, они, как и писавшие в Альбом «А. С. Суворину на память…», были заложниками юбилейного характера издания, что диктовало необходимость обязательного освещения их сотрудничества в газете. Во-вторых, авторам предлагалось рассказать о самых «сильных», ярких страницах в своей жизни.

---

[349] Сотрудники «Русских ведомостей» 1863—1913 // Русские ведомости: сб. статей. М., 1913. 224 с.

[350] Там же. С. 3.

Несмотря на отсутствие жестких рамок, подавляющее число текстов в сборнике, в отличие от «суворинского», написано в скупой форме словарной статьи. Лишь немногие личные истории вышли за подобные жанровые рамки, включив в себя мемуарный элемент (см., например, автобиографии Е. И. Апрелевой, П. В. Балашова, А. Э. Вормса).[351]

Следует отметить, что собственно автобиографический пласт составляет минимальную часть сборника. Главным образом, книга представлена биографиями, составленными редакцией «Русских ведомостей» по имевшимся в архиве газеты материалам.

Приуроченность к юбилейной дате в сборнике «Русских ведомостей», как и в Альбоме «Нового времени» обязывала авторов почтительно соотносить свои жизнеописания с этими изданиями. Между тем нововременцы адресовали свои повествования в основном центральной фигуре в газете – ее бессменному издателю и редактору А. С. Суворину. Это обстоятельство повлияло на искренность, задушевность, одним словом – неформальность их личных историй. У «Русских ведомостей» была другая задача – создать справочник, в котором можно было бы отыскать биографические либо автобиографические сведения о людях, в разные годы сотрудничавших в газете. Этот фактор определил жанровые рамки словарной статьи, в которые были заключены жизнеописания в сборнике.

3. «Автобиографический декор»

3.1. «Литературный календарь-альманах» под редакцией О. Норвежского

17 автобиографий молодых писателей, собранных О. Норвежским (1882—1933) в «Литературном календаре-альманахе», датированы августом-сентябрем 1907 г.[352] Автор-составитель предполагал выпускать альманах ежегодно и видел в

[351] Там же. С. 12—15, 19—20, 42—43.

[352] Литературный календарь-альманах. / под ред. О. Норвежского <псевд. О. М. Картожинского>. СПб., [1908]. Далее: Литературный календарь-альманах.

нем своего рода справочник по «литературной хронологии и авторскому праву». По замыслу литературного критика, комплекс жизнеописаний должен был внести «живой материал» в предпринятое им издание.

Сконцентрированные в альманахе личные истории отличала свобода повествовательной манеры, по всей видимости, не скованной какими-либо анкетными рамками. Тем не менее, для О. Норвежского предпочтительными были такие автобиографические тексты, содержание которых было бы занимательным для читателя и подогревало бы его интерес к изданию в целом.

Так, жизнеописание К. Д. Бальмонта – одно из восемнадцати представленных в нем личных историй, ранее было помещено в КБС и не писалось специально для альманаха.[353] В нем было дано лишь извлечение из венгеровской публикации, а именно ответы поэта на 8-ой и 9-ый пункты анкеты КБС, касавшиеся «замечательных событий» жизни и начала литературной деятельности Бальмонта. В то же время, из автобиографии поэта были исключены такие традиционные и обязательные факты любого жизнеописания, как дата и место рождения.

Среди представленных в альманахе автобиографий, пожалуй, нет ни одной «формальной», обезличенной. К ним можно было бы причислить предельно краткий и скупой рассказ о себе Г. И. Чулкова, если бы не одна деталь. В сообщение о ссылке в Якутскую область поэт ввел лирический штрих, нарушивший общий информативный строй повествования: «Жил в тайге, на берегу *печальной и пустынной* <курсив мой. – *Е. К.*> реки Амги».[354]

Проникновенной исповедальностью характеризуется автобиография Д. М. Цензора.[355] В ней нет ни одной даты, даже даты рождения. По существу, в ней отсутствует и событийная канва. Читатель имеет дело не с хронологическим описанием жизни, а скорее с эмоциональным ощущением ее. Доминантными точками в восприятии поэтом своего бытия являются одиночество, скитальчество,

---

[353] КБС. Т. 6. С. 375—377.

[354] *Чулков Г.* <Автобиография> // Там же. С. 50.

[355] *Цензор Дм.* <Автобиография> // Литературный календарь-альманах. С. 49.

неприспособленность к жизненной борьбе и постоянная влюбленность в Женщину.

На общем фоне автобиографий особое место в альманахе занимает беллетризованное жизнеописание И. С. Рукавишникова.[356] Рассказ о себе стал для него своего рода упражнением в области поэтики и стилистики символизма. Текст датирован осенью 1907 года с пометой: «Между четвертой и пятой книгой». В этот период центральным лирическим героем произведений писателя была «одинокая личность», преодолевающая «земную страсть» и «восходящая к надмирным ценностям».[357] Собственная судьба художественно осмыслена автором с позиций тайных эзотерических смыслов как этапы тяжелого подъема по этажам («петлям») «круглой» «башни», «высокой, как путь луча солнечного».

В предисловии к альманаху О. Норвежский поделился с читателями опасениями, связанными с распространенным убеждением в том, что правом на обнародование фактов своей жизни обладают лишь авторы, уже завоевавшие широкое признание и известность. Эту точку зрения О. Норвежский назвал «симпатичной», но, по его мнению, не совсем верной:

«Мы можем любить заслуженных корифеев литературы особенно сильной любовью. Но зачем оставлять в тени громадное большинство пишущих? Почему не относиться с уважением к более скромным литературным деятелям?».[358]

Редактор альманаха полагал, что необходимо любить литературу как таковую, во всем многообразии ее проявлений и индивидуальностей, от писателей, ставших кумирами читательской аудитории и побуждавших ее «острей почувствовать так называемые проклятые вопросы», до литераторов, оставлявших ее равнодушными. В предисловии О. Норвежский утверждал: «Пора чтить и уважать литературное слово и вне проповедничества».[359] Он придерживался этого

---

[356] *Рукавишников И.* <Автобиография> // Там же. С. 43—47.

[357] *Грачева А. М.* Рукавишников Иван Сергеевич // Русские писатели 1800—1917. Т. 5. М., 2007. С. 384—386.

[358] *Норвежский О.* Предисловие издателя // Там же. С. 14.

[359] Там же. С. 15.

принципа при подборе персонажей для издания и включил в него не только автобиографии известных писателей, таких как Л. Андреев, М. П. Арцыбашев и А. Блок, но и молодых литераторов, заявивших о себе в печати, однако еще не успевших осуществить отдельные и значительные по объему издания своих сочинений (например, Я. В. Годин).

Помещенные на страницах альманаха автодокументы, несмотря на их количественную ограниченность, позволяют говорить о бытовавших в начале прошлого столетия представлениях о том, чтó есть автобиография и каковой она должна быть. Точка зрения, высказанная на этот счет авторами жизнеописаний в издании О. Норвежского, нередко повторяла и дополняла суждения многих венгеровских персонажей.

Так, А. П. Каменский сформулировал общепринятое определение автобиографии как «длинного ряда протокольных выдержек из разного рода скучных документов: метрического свидетельства, паспорта, академического диплома, формулярного списка и т. п.».[360] Писатель усомнился в том, что эти сведения имеют какое-либо значение для читателя, поэтому его рассказ о себе лишен точных дат и указаний. Тем не менее, несколько смущаясь и как бы против своей воли, Каменский в шутливой форме сообщил, впрочем, без излишних подробностей, основные детали своего жизненного пути:

«Но кому может быть интересно, что мне тридцать лет, что когда-то я учился в астраханской гимназии, окончил петербургский университет юристом, служу в министерстве финансов, женат, имею двух детей».[361]

Так из заявленного первоначально автобиографического нигилизма родилось вполне информативное и стилистически индивидуализированное повествование. При этом писатель не ограничился «первыми», обязательными сведениями, а закончил свое краткое повествование несколько эпатажным фрагментом, рассчитанным на «любителей очень интимных подробностей

---

[360] *Каменский А.* <Автобиография> // Литературный календарь-альманах. С. 39.

[361] Там же.

писательской жизни». Тем самым он дал знать, что прекрасно понимает, чтó на самом деле может представлять интерес для любопытствующей публики:

«<…> я, пожалуй, могу добавить, что в настоящее время у меня есть кой-какое движимое имущество в размере письменного стола и двух пар брюк, что на даче я из года в год живу в Царском Селе, что на совести моей тяжелым камнем лежит ряд непогашенных авансов, что несмотря на затрагиваемые мною в литературе ″безнравственные темы″, я очень люблю свою законную жену и что, хотя я и пытаюсь писать о жизни, но, тем не менее, единственно важным вопросом для человека я считаю смерть».[362]

Другой персонаж альманаха, поэт Сергей Городецкий по существу солидаризировался с теми героями коллекции Венгерова, которые считали, что жизнь литератора и вообще человека – это, прежде всего, его профессиональные достижения, что ее общественное значение заключается не в частных обстоятельствах личного бытия писателя, а в его творчестве. «Вся моя жизнь, – писал Городецкий, – поскольку она имеет значение для других жизней, заключена в моих стихах».[363]

Таким образом, рассмотрение корпуса жизнеописаний, включенных в Литературный календарь-альманах, привело к следующим выводам:

О. Норвежский разделял общее с Венгеровым мнение о необходимости такого подбора автобиографического материала, который отражал бы мир отечественной словесности во всей ее многоликости. Однако общецелевая направленность сбора и публикации личных историй в альманахе была ограниченней и гораздо ỳже, чем у Венгерова при работе над сбором жизнеописаний для КБС.

Раздел жизнеописаний в альманахе был призван стать декоративным приложением, которое «украсило» бы основную часть этого издания. О. Норвежским руководило не венгеровское стремление к словарной точности и фактографичности жизнеописаний, к изысканной детализированности библиографических сведений, а желание добиться читательского интереса подробностями внутренней жизни персонажа и тем самым обеспечить книге

---

[362] Там же.

[363] *Городецкий Сергей*. <Автобиография> // Литературный календарь-альманах. С. 35.

коммерческий успех. Размещенные в ней личные истории были лишь частью общего замысла, элементом, призванным нарушить алгоритм справочного издания, внести в него привлекательный для читателя колорит.

Разумеется, создатель КБС тоже рассчитывал на широкое внимание читающей публики. В то же время его первостепенной задачей было создание масштабного и многокрасочного полотна духовной и общественной жизни русского общества, а не развлечение читательской аудитории и возбуждение ее досужего любопытства «живым», а иногда и пикантным автобиографическим материалом.

3.2. «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» под редакцией М. Л. Гофмана

В 1909 г. под редакцией историка литературы, поэта М. Л. Гофмана вышел в свет сборник критических статей под названием «Книга о русских поэтах последнего десятилетия».[364] Кроме вступительной статьи редактора, в книгу вошли тринадцать глав – по числу наиболее выдающихся, по его мнению, поэтов символизма и декадентства – «определяющих течений в современной русской поэзии».[365] Круг литераторов, на которых было сосредоточено издание, ограничивался его главной задачей: как можно полнее осветить творчество тех русских поэтов, «которые наиболее ярко выразили *современность*, современную душу, в ее утонченности и многогранности, в ее исканиях и достижениях».[366] Вследствие этого поэты, чье творчество было не характерно для первого десятилетия XX века, были сознательно оставлены за рамками книги. В предисловии к ней редактор-составитель писал:

---

[364] *Гофман М. Л.* Книга о русских поэтах последнего десятилетия. СПб., 1909. 410 с. Далее в тексте: Книга о русских поэтах…

[365] Там же. С. 19.

[366] Там же. С. I.

«Чтобы осветить творчество поэтов в возможной степени полно, мы соединили критические о них очерки с хрестоматией избранных стихотворений, показавшихся нам наиболее значительными как по форме, так и по содержанию, и *украсили* (курсив мой. – *Е. К.*) нашу книгу серией факсимиле с автобиографических заметок, любезно предоставленных нам разбираемыми авторами».[367]

Итак, по мысли составителя, трехчастная композиция каждой из персональных глав должна была, способствовать созданию многомерного, объемного представления о поэте.

Еще одним элементом, способствовавшим воплощению замысла Гофмана, стало художественное оформление книги. К этому процессу неслучайно был привлечен немецкий художник Генрих Фогелер-Ворпсведе (1872—1942) – одна из центральных фигур в искусстве Германии конца XIX – начала XX вв. Его творчество зарождалось и развивалось в русле символизма. Фогелер тесно общался и дружил со многими немецкими литераторами и издателями, много работал в области книжного дизайна. В качестве иллюстратора он стал одним из ведущих книжных графиков своего времени, оформив более двухсот изданий, в т. ч. мюнхенский журнал «Die Insel» – одно из крупнейших изданий немецкого Югендштиля.[368]

Для издательской политики этого журнала было характерно стремление к созвучию слова и линий, к гармонии внутреннего содержания и художественного декора. Все эти элементы, вкупе с утонченным полиграфическим исполнением, должны были способствовать глубокому и всестороннему восприятию книги.

Эта традиция, глубоко усвоенная Фогелером, в полной мере отразилась в его работе над «Книгой о русских поэтах…», первом русском издании, над которым трудился художник. В ней ему принадлежали изящно выполненные

---

[367] Там же.

[368] См.: *Бондаренко В.* Встречи с Россией // В мире книг. 1975. № 6. С. 23—26; *Любин Д. В.* Раннее творчество Генриха Фогелера (к проблеме обозначения этапов творчества художника) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2 (ч. 2). С. 113—118.

заставки-рамки в начале каждой персональной главы с вписанными в них именами поэтов, а в завершении – изысканные концовки. Изображение на титульном листе павлина с роскошным оперением повторило излюбленный мотив Югендштиля, ранее использовавшийся Фогелером при работе над титульными листами многих других изданий.[369]

Возможно, именно он предложил Гофману идею факсимильного воспроизведения автобиографических свидетельств. Ею художник воспользовался десятью годами ранее в работе над стихотворным сборником «Тебе», в котором выступил в двух качествах – поэта и художника.[370] Тексты стихотворений в сборнике факсимильно воспроизводят его руку.

Подобный способ представления героями книги самих себя стимулировал интерес читателей к самой личности поэта. При этом зрительная индивидуализация его облика достигалась не через портрет, традиционное место которого заняли факсимиле личных записей. Читателю предлагалось не всматриваться в портретные черты, а разгадывать тайные смыслы почерковых линий и изгибов, пытаясь установить связь между ними и неповторимыми особенностями внутренней жизни поэта. Это обстоятельство становится более очевидным, если принять во внимание, что составитель сборника явно придавал большее значение воспроизведению руки поэта, нежели автобиографической ценности самой заметки. Иначе нельзя объяснить публикацию записей Д. Мережковского и А. Блока.

Последний прислал Гофману следующий текст: «Александр Блок. Родился в 1880 г. в Петербурге».[371] Сообщение Мережковского оказалось еще менее пространным и ограничилось лишь подписью поэта («Д. Мережковский»).[372]

---

[369] *Любин Д. В.* Ранний период творчества Генриха Фогелера в контексте художественной жизни Германии конца XIX — начала XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб., 2007. С. 17.

[370] *Vogeler H.* Dir. Gedichte. Mit Illustrationen von H. Vogeler. Leipzig: Insel-Verlag, 1899. 64 s.

[371] Там же. С. 297.

[372] Там же. С. 197.

Ниже она была дополнена редакционной пометой с указанием года и места рождения Мережковского. Так происходило всякий раз, когда необходимые для книги сведения отсутствовали (И. Коневской, Ф. Сологуб).

Вряд ли можно говорить и об автобиографическом значении отказов в присылке сведений о себе. Однако в книге репродуцированы и наотмашь резкая декларация З. Н. Гиппиус,[373] и менее эмоциональное, но традиционное для Ф. Сологуба заявление о нежелании делиться какими-либо данными себе.

Н. М. Минский отнесся с видимым пренебрежением к сообщению автобиографических сведений. За этой «обычной», тривиальной информацией, по его мнению, можно обратиться к ЭСБ. К содержащимся в этом издании данным поэт не нашел нужным что-либо добавить. Для него гораздо важнее своей личной истории оказалась «биография» «меонизма», «легко» открывающаяся в его сочинениях тем, кто придает значение меонической идее.[374]

Уклонился от рассказа о себе и С. Городецкий, лишь констатировав, что его жизнь, «поскольку она имеет значение для других жизней», заключена в его стихах.[375] Исключительно творческой биографией ограничился в своей краткой записи В. Брюсов.[376] М. Кузмин утверждал, что вся история его жизни может быть заключена в краткой эпитафии: «30 лет он жил, пел, смотрел, любил и улыбался». Впрочем, некоторую театральность этих «поминальных» слов поэт все же «снял», дополнив их рядом автобиографических деталей.[377] Немногословен был и Андрей Белый, написавший о себе в форме краткой биографической

---

[373] «Никакой автобиографии я вам не дам. Никогда ее не даю. Меня знают, как человека, те, кого я знаю, как людей. В литературе же мы должны говорить о "своем", а не о себе» // Книга о русских поэтах… С. 173.

[374] Там же. С. 221.

[375] Там же. С. 331.

[376] Там же. С. 63.

[377] Там же. С. 383.

справки словарного типа.[378] А Вяч. Иванову понадобилось всего пять предложений.[379]

К развернутым могут быть отнесены лишь два жизнеописания, помещенные в книге: К. Бальмонта и М. Волошина.[380] Их автобиографии отличает стремление к созданию художественно обработанных текстов.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что личные свидетельства в «Книге о русских поэтах…» можно лишь с большой натяжкой назвать автобиографическими записями. Значительная часть персонажей книги высказывались в пользу того мнения, что читательской аудитории следовало бы в первую голову интересоваться не подробностями личного бытия писателя, а его творчеством.

Сходство «Литературного календаря-альманаха» под редакцией О. Норвежского и «Книги о русских поэтах…» заключается в том, что автобиографии в них были призваны «украсить» названные издания.

Однако «декор» в каждом из них преследовал свою, отличную от другого, цель. Если пользоваться терминами архитектуры, то в «Литературном календаре-альманахе» «декор» носил пассивный характер[381] и диссонировал с формой и первоочередной задачей издания – стать информационным литературным справочником, в котором можно было бы найти различные сведения: от биобиблиографий, статистических таблиц и адресов современных писателей до данных о сбыте книг.[382] Иное значение имели жизнеописания в «Книге о русских поэтах…». В ней они, наряду с остальными структурными элементами книги,

---

[378] Там же. С. 137.

[379] Там же. С. 263.

[380] Там же. С. 35–36, 365.

[381] «Различают активный декор, соответствующий конструкции постройки, связанный с его функцией и формой, и пассивный декор, не соответствующий членениям формы и привлеченный лишь для украшения здания» // *Юсупов Э. С.* Словарь терминов архитектуры. СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1994. С. 110.

[382] Литературный календарь-альманах. СПб., 1908. С. 13.

были неотъемлемой активной частью единого литературно-критического и художественного замысла.

Составитель КБС ставил перед собой историко-литературную задачу создания широчайшей автобиографической «базы данных», предназначенной для строительства здания истории отечественного просвещения. Этот принцип исключал для Венгерова избирательность в подходе к автобиографическому материалу, свойственную сводам О. Норвежского и Гофмана. В равной степени создатель крупнейшей коллекции жизнеописаний современников был далек и от утилитарных целей «Литературного календаря-альманаха», и от утонченно-эстетизированного художественного подхода «Книги о русских поэтах…».

4. «Сопутники» Венгерова: коллекции писательских автобиографий 1900-х — 1910-х гг.

1900-е гг. были отмечены обостренным интересом критики и публики к персоне автора, усилением «внимания не только к произведению искусства, но к самому творческому акту».[383]

В этот период прежде инициированные «эго-коллекции» продолжили свое существование, и появились новые, не столь фундаментальные и более скромные по задачам, нежели венгеровская, однако не менее значимые.

Остановлюсь на двух из них.

4. 1. Коллекция А. Н. Чеботаревской

В 1904—1910 гг. сформировалось собрание писательницы, драматурга и переводчицы, жены Федора Сологуба А. Н. Чеботаревской. Оно создавалось в

[383] Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской / предисл., публ. и коммент. О. А. Кузнецовой // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 412. Материалы коллекции автобиографий А. Н. Чеботаревской хранятся: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. №№ 73—94; Оп. 5. №№ 104, 170, 230.

рамках задуманного ею словаря «Краткие биографические данные русских писателей за последнее 25-летие русской литературы».[384] Для словаря Чеботаревская написала 91 биографическую справку. В ходе этой работы она испытала потребность обзавестись автобиографическими свидетельствами самих героев словаря и обратилась к ряду литераторов с просьбой о присылке сведений о себе. В результате Чеботаревская стала обладательницей небольшого свода документов, состоявшего из 25 писательских автобиографий. В этом отношении она повторила путь, пройденный Венгеровым, для которого собирание жизнеописаний современников стало необходимым спутником работы над КБС и некоторыми другими издательскими проектами.

В труде обоих составителей прослеживаются и другие параллели. В своем реферате «О некоторых новых течениях и новых писателях» в качестве одной из необходимых тенденций, которые следует учитывать при изучении современной литературы и искусства, Чеботаревская назвала «сосредоточенное и проникновенное изучение жизни вообще и жизни человеческой в частности».[385] Она стояла на той позиции, что биография писателя является фактом истории литературы и, по сути, была солидарна с Венгеровым, полагавшим, что автобиографии способствуют более полному осмыслению литературного процесса в целом.[386]

Список персонажей авто- и биобиблиографического собрания Чеботаревской продемонстрировал стремление к отображению многообразия современного ей литературного процесса. Ее не остановило то, что на страницах «Кратких биографических данных…» будут соседствовать представители самых различных, иногда враждебных друг другу творческих направлений. Напротив, как и Венгеров, она была убеждена в том, что литература при всей многокрасочности своей палитры представляет собой неразрывное целое, в

---

[384] См.: Там же. С. 419-453.

[385] РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. № 35. Л. 9.

[386] *Венгеров С. А.* Программа издания // «Русская литература XX века (1890—1910)» / под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. М., 1914. С. X.

котором «все нужны, каждый на своем месте»: «Нужно ″Знание″ – нужен Юшкевич, нужен Горький, нужен Бальмонт, нужен Брюсов – каждый в своем роде».[387]

Однако следует отметить и существенное несходство составительских интенций Чеботаревской и Венгерова В отличие от коллекции редактора КБС ее свод характеризуется сосредоточенностью исключительно на жизнеописаниях писателей. Более того, среди них мы не встретим литераторов, творчество которых к тому времени в той или иной степени не было бы популярным.

Что касается методики работы Анастасии Николаевны, то, судя по содержанию полученных ею автобиографических рассказов, она, как и Венгеров, предлагала своим корреспондентам если не план повествования, то, по крайней мере, вопросы, ответы на которые она хотела бы получить. Трудно с уверенностью утверждать, что в период составления своей коллекции Чеботаревская была знакома с венгеровской анкетой и в своей работе следовала ее образцу. Такая возможность представилась ей несколько позднее, около 1913 г., когда она составляла собственное жизнеописание для Венгерова.[388] Тем не менее, содержание самих автобиографических документов в коллекции с очевидностью показывают, что она, как и Венгеров, рассчитывала получить небольшой текст, в котором, помимо обычной статусной биографической информации (дата и место рождения, образование) ее, прежде всего, интересовали литературные и общественные влияния, отразившиеся на личности и в творчестве писателя.

Несмотря на незначительное количество документов, коллекция Чеботаревской представила широкий спектр типов жизнеописаний от кратких информативных, написанных в минималистическом духе (например, В. В. Башкин,, С. Я. Елпатьевский, Вяч. Иванов, В. Я. Муринов) до пространных и подробных (например, А. В. Луначарский); от стремящихся к стилевой

[387] РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. № 35. Л. 5.

[388] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3806. Л. 1—10.

отстраненности словарной статьи (например, А. Белый, В. В. Вересаев, С. Я. Елпатьевский, А. П. Каменский, В. Я. Муринов, Конст. Эрберг) до отчетливо индивидуализированных, дружески доверительных (И. А. Бунин, Л. Н. Вилькина, Б. К. Зайцев, А. Мирэ, В. В. Муйжель, Н. Е. Поярков, Г. И. Чулков).

Как в свое время создателю КБС, Чеботаревской пришлось не раз столкнуться с автобиографическим нигилизмом. Так, например, скептически отнесся к ее начинанию И. А. Бунин, полагавший что, по крайней мере, в его случае, еще не наступило время для составления жизнеописания, поскольку творческий рост еще не завершен и писатель находится на пороге его нового этапа.[389] Ф. Сологуб гораздо более резко ответил на просьбу Чеботаревской,[390] не предполагая, что через какой-нибудь год она станет его женой, а позднее и биографом.

Несмотря на общее с Венгеровым стремление к отражению многообразия литературного процесса, Чеботаревская, в отличие от редактора КБС, не ставила перед собой задачу создания справочника, который дал бы всеобъемлющий материал для воссоздания истории отечественной литературы и просвещения в целом. В силу этого обстоятельства, ее начинание имело локальный и в некотором смысле элитарный характер.

4.2. Коллекция Ф. Ф. Фидлера

Поэт-переводчик, педагог и коллекционер Ф. Ф. Фидлер продолжил возрожденную М. И. Семевским в 1860-х гг. традицию ведения альбомов, составивших «самостоятельный отдел его огромной и <…> ценной коллекции

---

[389] *Бунин И. А*. Письмо А. Н. Чеботаревской с автобиографией – 8 июля <19>07 г. См.: Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской / предисл., публ. и коммент. О. А. Кузнецовой // Писатели символистского круга: Новые материалы. С. 422.

[390] Об отношении писателя к обнародованию личных сведений о себе см. в Главе 2. С. 155—156.

писательских автографов».[391] В 1911 г. осуществилось издание собрания автобиографий Фидлера. В книгу, озаглавленную «Первые литературные шаги», были включены 54 жизнеописания.[392] Она была задумана и осуществлена «в пользу нуждающейся русской писательской братии» (чистый доход с издания поступил в пользу Литературного фонда) и, преследуя практическую благотворительную цель, имела, по мнению составителя, в то же время и историко-культурное значение.

Одна из авторов этой книги, писательница Т. Л. Щепкина-Куперник предварила свою жизненную историю в сборнике таким кратким и несколько ироничным комментарием:

«″Первые шаги писателя на литературном поприще!″ Одна эта фраза уже неизбежно вызывает целую вереницу готовых образов и представлений: мытарство по редакциям, возвращение непрочитанных вещей, холодно-недоверчивые глаза секретарей редакции, классическое ″зайдите через недельку… лучше через две…″ Письма, оставленные без ответа; сомнения, муки и тревоги за судьбу рукописи и т. д.».[393]

Для воплощения задуманного сборника Фидлер предложил своим корреспондентам анкету. Удивительно, но в перечне вопросов отсутствовал традиционный пункт «дата и место рождения», хотя, по сравнению с венгеровской, анкета Фидлера была гораздо более детализирована и включала уже не 9, а 25 граф. Составитель не настаивал на форме изложения и обязательности заполнения каждой из них.[394]

Далеко не все авторы, приславшие Фидлеру сведения о себе, отвечали в строгом соответствии и в последовательности пунктов рекомендованной им

---

[391] *Лукиан Сильный* <псевд. С. Ф. Либровича>. Кое-что об альбомах писательских автографов // Вестник литературы. 1916. № 4. С. 98. Цит. по: *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 172.

[392] Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / сост. Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. 268 с.

[393] *Щепкина-Куперник Т. Л.* <Автобиография> // Там же. С. 69.

[394] Там же. С. 3—4.

«программы». Из общего числа документов лишь треть в полной мере отвечала пожеланиям редактора. К таким анкетам относится, например, отклик беллетриста и литературного критика А. А. Измайлова, который, хоть и в конспективной манере, но заполнил все ее рубрики.[395] Писатель И. Н. Потапенко методично пронумеровал все 25 граф, оставив «пустыми» две из них («лица, благоприятствовавшие и препятствовавшие развитию литературного таланта» и «случайное совпадение фабулы <…> с фабулой отечественного или иностранного писателя»), а на остальные ответил сжато и по-деловому.[396]

Опросный лист тематически фокусировался на начальном периоде литературной деятельности и ориентировал писателей на исчерпывающую картину обстоятельств, приведших его на литературную стезю. Авторские «показания» помогали пролить свет на обстоятельства возникновения творческих интенций, узнать, кто был первым читателем и литературным крестным отцом начинающего автора, через какие мытарства ему пришлось пройти.

Фидлера интересовали такие специфические подробности, как например, «наследственность (прямая или атавистическая) писательского дара»; «нравственная удовлетворенность или неудовлетворенность автора при напечатании его первого произведения». Пункты об «отношении родственников и посторонних лиц к первой публикации», «борьбе за существование в начале литературной деятельности и теперешнем положении» автора проясняли проблему социального статуса писательской профессии. Ответы на некоторые вопросы (о «фантазии или наблюдательности как элементах первых творческих попыток»; о случайности или намеренности совпадения фабулы произведения с фабулой отечественного или зарубежного автора) должны были приоткрыть завесу в творческую мастерскую писателя.

Так, В. П. Авенариус «впустил» в нее читателя, поведав о сложившейся у него практике не менее двух раз собственноручно переписывать свое новое

---

[395] *Измайлов А. А*. <Автобиография> // Там же. С. 32—35.

[396] *Потапенко И. Н.* // <Автобиография>. Там же. С. 67—68.

сочинение от начала до конца. «Чтобы иметь возможность делать вставки и поправлять слог», писатель имел обыкновение оставлять свободными от текста широкие поля в полстраницы. Для крупных произведений он прежде составлял «краткий конспект» с тем, чтобы позднее вносить изменения и дополнения.

«Те <изменения и дополнения – *Е. К.*>, – отмечал Авенариус, – зарождаются у меня в голове совершенно непроизвольно, как бы по наитию свыше, особенно под утро, когда я еще лежу в постели. Встав, я тотчас же набрасываю их в общих чертах на бумагу. Хотя в ночные часы фантазия разыгрывается гораздо живее, ярче, чем при трезвом свете дня, но зато после ночной работы та же фантазия не дает уже заснуть; поэтому я издавна работаю по возможности только днем и берусь за перо регулярно с утра».[397]

Процесс заполнения анкеты невольно пробуждал в авторах тягу к воспоминаниям. К документам такого рода относится, например, жизнеописание писателя Б. А. Лазаревского, воскресившего в памяти мысли и чувства ранних юношеских лет.[398]

Автобиография детской писательницы К. В. Лукашевич имела мало общего с планом и вопросами анкеты и, скорее всего, была задумана как глава из мемуарной книги, первоначально не предназначавшаяся непосредственно для издания Фидлера. Неслучайно рассказу о себе она предпослала подзаголовок «Странички прошлого из воспоминаний детства».[399]

Даже исключительно деловой вопрос, такой как «даром ли было отдано для напечатания первое произведение или за оттиски», мог увлечь автора на мемуарную стезю. В качестве образца можно привести ответ В. П. Авенариуса, который вылился в миниатюрный рассказ о неполучении гонорара за свою первую повесть.[400]

Автобиография публициста Г. С. Петрова далека от незамысловатого заполнения граф фидлеровской «программы». Она имеет самоназвание – «Мое

---

[397] *Авенариус В. П.* <Автобиография> // Там же. С. 17.

[398] *Лазаревский Б. А.* <Автобиография>. // Там же. С. 5—11.

[399] *Лукашевич К. В.* Странички прошлого из воспоминаний детства // Там же. С. 56—66.

[400] *Авенариус В. П.* <Автобиография> // Там же. С. 14—15.

литературное рождение» – и представляет собой полноценный литературный очерк мемуарного толка, с яркими диалогами и описанием живых картин прошлого. Петров лишь «отталкивался» от предложенного Фидлером плана и писал свободно, не испытывая ни малейшего давления в связи с необходимостью придерживаться его. И тогда в его рассказе о себе возникали не предполагавшиеся анкетой темы. В частности, Петров сформулировал свои представления о соотношении в художественном произведении формы и содержания и утверждал, что «идея, мысль – прежде всего и выше всего».[401]

Таким образом, большинство персонажей коллекции Фидлера предпочитали отойти от путеводной нити анкеты и писать о себе, повинуясь лишь собственной повествовательной логике. Тем не менее, именно характер поставленных вопросов провоцировал эту авторскую свободу. Они настраивали на воспоминания, искренность и задушевность которых индивидуализировали человеческий облик рассказчика, приближали его к читателю.

Сбор и публикация автобиографий означала для составителя «Первых литературных шагов» то, что он вступал на путь, по которому уже давно шел Венгеров. Их объединяла не только страсть к архивации документальных, изобразительных и книжных материалов, связанных с отечественной словесностью, но и многолетние сердечные дружеские отношения. [402] Фидлер и Венгеров познакомились в 1888 г. в доме педагога В. И. Водовозова.[403] Приятели встречались на товарищеских обедах и костюмированных вечерах; отмечали друг у друга дни рождения – свои и родных. Не раз темой их бесед было издание КБС. В 1914 г. оба были соучредителями Общества для помощи жертвам войны.

---

[401] *Петров Г. С.* Мое литературное рождение // Там же. С. 26.

[402] См.: Ф. Ф. Фидлер. Из мира литераторов: Характеры и суждения / перевод, указатель и примечания К. М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 14, 25, 42, 62, 79, 81, 132, 141, 158, 167, 192-193, 206-209, 288-290, 309, 351, 451, 459,473, 485, 523, 549, 552, 558, 570,584, 594, 611, 649, 650, 659, 662, 665, 674 и др.

[403] См. дневниковую запись Фидлера от 30 апреля 1888 года // Там же. С. 42.

Именно Венгеров привлек друга к работе в ЭСБ – в качестве автора статей о немецких писателях.[404]

И тот, и другой были людьми одной историко-культурной формации и устремлений. Особая камерность и сердечность их отношений проявлялась, в частности, в том, что они могли беседовать друг с другом на немецком языке, которым оба свободно владели. В дневниках Фидлера не раз мелькают записи, свидетельствовавшие о его душевной близости с Семеном Афанасьевичем и непритворной привязанности к нему: «моя беседа с Венгеровым была для меня подлинной усладой»; «Вчера провел у Венгерова несколько приятных успокоительных часов. Его кабинет производит на меня впечатление литературного храма»; «<с Венгеровым> отправился в ″Капернаум″, где мы провели приятный увлекательный час»; «Сегодня провел часок у моего славного Венгерова». Неслучайно в завещании Фидлер назначил Семена Афанасьевича одним из двух душеприказчиков по своему «музею» (вторым стал А. А. Измайлов).[405]

Страсть к архивированию документов, фиксировавших отечественную историко-культурную память, сплотила собирателей и вылилась в создание богатейших коллекции, которые по праву называли «учреждениями», «литературными музеями».[406]

Одни и те же черты определяли общую направленность их собирательских усилий. «Внимание к конкретной дате, мелкому факту, различным бытовым подробностям жизни писателя – характернейшая черта Фидлера, воспринимавшего литературный процесс как

---

[404] См.: Ф. Ф. Фидлер. Из мира литераторов… С. 14, 62, 167, 192—193, 208—209, 288—290, 451, 459, 473, 485, 523, 549, 552, 558, 570, 584, 594, 650, 611, 649, 659.

[405] Там же. С. 25, 158, 206, 309, 351.

[406] «Музей» Фидлера располагался в его квартире в Петербурге на Николаевской ул., дом 67 (ныне – ул. Марата). Библиографию работ о «музее» Фидлера см.: *Азадовский К. М.,Тименчик Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 171—172.

совокупность "деталей" (прежде всего – биографического порядка)» – отмечал К. М. Азадовский.[407]

Сказанное с полным основанием может быть отнесено и к Венгерову.

Близким приязненным отношениям двух «рыцарей» отечественной культуры нисколько не мешал тот факт, что они были соперниками в деле собирания и сохранения документальных свидетельств современной им эпохи. Случалось, на журфиксах в доме Венгерова приятели спорили о том, чья библиотека или коллекция портретов больше.[408]

«Сегодня – писал Фидлер в дневнике, – я показал Венгерову 55-ю (переплетенную) тетрадь моих ″Газетных вырезок″ (в течение уже многих лет я вклеиваю в эти тетради самые разные биографические материалы о писателях). ″Тебе нравится!?″ - спросил я, после того, как он просмотрел мою тетрадь. Он молча подошел ко мне, схватил обеими руками за шею и сказал: ″Готов задушить тебя от зависти!″».[409]

Тем не менее, враждебной конкуренции между коллекционерами не было: они относились друг к другу с величайшим уважением и почтением. В 1894 г. Фидлер утверждал, что «<…> если есть на свете самоотверженный фанатик литературы, то это – Венгеров».[410] Восторженное отношение к другу не изменилось и через двадцать лет, о чем говорит другая фидлеровская запись:

«Венгеров принес на сегодняшнее заседание (и, разумеется, подарил мне) свой только что появившийся ″Словарь″… Закончив читать предисловие, я сразу же позвонил ему. ″Предисловие к твоему ″Словарю″ тронуло меня настолько, что я… хочу поцеловать тебе руку. Прощай″. И я тут же повесил трубку».[411]

Федор Федорович часто встречался с писателями России и Германии и каждый раз «не упускал возможность получить от них сведения биографического порядка».[412] Конечно, он был прекрасно осведомлен о результатах многолетних

---

[407] Там же. С. 14.

[408] Там же. С. 81.

[409] Там же. С. 665.

[410] Там же. С. 132.

[411] Там же. С. 662.

[412] Там же. С. 14.

трудов друга по собиранию личных историй и понимал, что в этой сфере деятельности ему не следует соревноваться с ним.

Своим сборником Фидлер решал благородную задачу. Он собрал под одной обложкой личные истории людей, почти наверняка переживших на пути в литературу одни и те же трудности, и показал начинающим литераторам через автобиографии их старших коллег, что они не одиноки на нелегкой стезе российской словесности.

Именно тематическое ограничение жизнеописаний «первыми литературными шагами» позволило Фидлеру занять свою, отличную от венгеровской коллекции, нишу. Зависимость корреспондентов Фидлера от предложенной им анкетной программы была весьма относительной. Большинство авторов лишь брали ее за основу и предлагали читателю повествования, выходившие далеко за ее рамки. В своих ответах, носивших нередко исповедальный характер, они приоткрывали секретную дверь своей творческой лаборатории, искренне делились сокровенными воспоминаниями о былом.

5. Ученики и последователи Венгерова: коллекции автобиографий 1920-х – 1930-х гг.

На протяжении XIX века принципы и способы описания жизненного пути трансформировались, отображая эволюцию общественного интереса к отдельным слоям общества и менявшиеся в течение десятилетий социальные приоритеты. Постепенно биографический дискурс демократизировался, и право на историческую память получили не только знаменитые и великие, не только «прославившиеся своими деяниями на поприще науки, добра и общественной пользы».[413] Свидетельством расширения спектра восприятия личности служат

[413] См., например: Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния *знаменитых* полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории, сост. Дм. Бантыш-Каменским и изданных А. Ширяевым в пяти частях.

многочисленные издания, в которых сведения о деятелях прошлого и современности дополнялись их живописными портретами. Одним из самых замечательных среди них был «Подробный словарь русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского.[414] Составитель словаря отверг избирательность и положил за правило, согласно которому героями издания мог стать любой человек, вне зависимости от его заслуг.

«Мне все равно, - писал Ровинский в предисловии, - гений ты или замечательный шут; великан или карлик; разбойник, ученый, самодур, самоучка; сделал ты что замечательное в жизни или просто промытарил ее, - есть с тебя портрет, ну, и ступай в мой словарь и ложись там под свою букву»[415]

В XX веке интерес к метапамяти литературы – собиранию сведений о писателях – не ослабел. Эта традиция не только не угасла, но и приобрела особые черты, связанные с процессом дальнейшей демократизацией восприятия биографического пространства, в которое были включены провинция и социальные низы. Достаточно вспомнить об обширном собрании книговеда и библиографа Н. А. Рубакина. К началу 1911 г. оно насчитывало около 2500 имен, сосредоточив в себе «чрезвычайно ценный рукописный материал, состоящий из автобиографий, дневников и др<угих> произведений, а также задушевных писем так называемых ″самоучек″, светских начетчиков, ″интеллигентов из народа″».[416] Страницы этого архива отражали преимущественно интеллектуальную жизнь провинции.

Судьбоносные перемены в жизни России, связанные с революцией 1917 г., вывели «на сцену» представителей рабоче-крестьянской творческой

М., 1836; Русские люди. Жизнеописания соотечественников, *прославившихся* своими делами на поприще науки, добра и общественной пользы. С портретами, гравированными на стали по рисункам А. Шарлеманя. Т.1-2. СПб.;М., 1866 (изд. М.О. Вольфа).

[414] См., например, одно из самых значительных среди них: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Сост. Д. А. Ровинский. Т. 1-4. СПб., 1886-1889..

[415] Там же. С. 6–7.

[416] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3106. Л. 19 [*б*иография Н. А. Рубакина, составленная с использованием автобиографических материалов (машинопись), с правкой С. А. Венгерова].

интеллигенции. Так, в 1920-е гг. по поручению Госиздата «неистовый ревнитель» РАППа С. А. Родов занимался составлением антологии пролетарской литературы.[417] Тогда же начали складываться малоизученные коллекции жизнеописаний П. Я. Заволокина и И. А. Назарова, посвященные писателям и поэтам из народной среды. Эти два собрания представляют особый интерес в связи с тем, что они напрямую связаны с трудами С. А. Венгерова.

5.1. Коллекция П. Я. Заволокина

Книга поэта из народа, журналиста и библиографа П. Я. Заволокина «Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами», в которой были представлены 64 личные истории поэтов из народа, вышла в свет в 1925 г.[418] Автор книги малоизвестен и его труд обойден вниманием историков литературы. Личность и судьба Заволокина заслуживают отдельного рассказа. Однако в рамках настоящего исследования остановимся лишь на некоторых страницах его жизни и деятельности, основываясь преимущественно на архивных и немногих печатных источниках. [419]

Павел Яковлевич Заволокин родился в 1878 г. в Режице Витебской губернии (ныне Резекне, Латвия), в крестьянской старообрядческой семье. Отец

---

[417] Пролетарские писатели. Антология пролетарской литературы / сост. С. Родов / под общей ред. П. С. Когана. М., 1924. 672 с.

[418] Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами / сост. П. Я. Заволокин. Иваново-Вознесенск, 1925. 274 с. Первоначально издание должно было носить название «Автобиографии пролетарских поэтов». См.: ОР РНБ. Ф. 290. № 21. Л. 5 [*Заволокин П. Я.* Собирание автобиографий поэтов современников. Доклад, прочитанный 27 октября 1923 г. в Пушкинском Доме]. Два небольших фрагмента этого доклада, с незначительными разночтениями были опубликованы. См.: *Заволокин П. Я.* Кирпичник // «Зори». 1924. № 9. С. 11.

[419] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1498. Л. 1—4 [*Заволокин П. Я.* Автобиография]; РО ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, колл. И. Н. Заволоко, № 281 [письмо И. Н. Заволоко к Н. Н. Розову от 9 марта 1977 г.]; ОР РНБ. Ф. 290 (П. Я. Заволокин).

Заволокина не поддерживал стремления сына к знаниям, и ему пришлось самостоятельно прокладывать дорогу в мир литературы и просвещения. С 14 лет он начал пробовать свои силы в поэтическом творчестве. Через пять лет, по совету знакомых, начинающий автор издал в родном городе небольшую книжку стихотворений, озаглавленную «Плоды вдохновения».[420] Вероятно, именно стремление посвятить себя литературной деятельности привели Павла Яковлевича в первые годы наступившего XX столетия в Петербург. Здесь он активно занялся журналистской работой, расширившей круг его литературных знакомств, и окунулся в политическую и общественно-культурную жизнь столицы.

Удача не часто улыбалась Заволокину. В автобиографии 1919 г. он признавался, что судьба редко ему благоволила, и с горечью подводил итоги прожитого: «<…> приходится констатировать, что жизнь <…> не была для меня любящей и заботливой матерью, а скорее злой и жестокой мачехой… <…> Тюрьма, ссылка и хождение этапным порядком во времена царского режима, вычеркнули из моей жизни лучшую пору моей молодости <…>».[421]

Трижды арестованный по политическим делам журналист подвергался длительным заключениям. Однако тяжелые годы тюремного сидения способствовали творческим занятиям: именно тогда он написал цикл стихотворений под общим заглавием «Звуки тюремной лиры». В целом в 1900-е — 1910-е гг. в петербургских, московских и провинциальных изданиях было опубликовано более 25 стихотворений и прозаических опытов Заволокина.[422]

Позднее, в середине 1920-х гг. он входил в кружок ленинградских поэтов, собрания которых получили название «Вечера на Фонтанке» (они проходили в

---

[420] *Заволокин П. Я.* Плоды вдохновения. Режица, 1897. 19 с.

[421] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1498. Л. 2. [*Заволокин П. Я.* Автобиография].

[422] Назову лишь несколько сборников, в которых были опубликованы стихотворения Заволокина: Сборник русских поэтов и поэтесс. СПб., 1901; Арлекин. Штрихи и наброски. СПб., 1901; Молодые всходы. Товарищеский литературный сборник рассказов и стихотворений с краткими биографиями и портретами авторов. Вып. 1. М., 1903.

помещении Союза писателей на Фонтанке, 52). Свидетельством принадлежности Заволокина поэтическим кругам города служат сохранившиеся записка и дружеская эпиграмма поэта Владимира Смиренского:

«Могу еще подарить Вам на память эпиграмму. Это из ″Вечеров на Фонтанке″.

Я перепутал дни и сроки,
Моя дорога так темна.
Отволоки-ка, Заволокин,
Свою фигуру от окна!».[423]

Однако не журналистика и не поэтическое творчество стали главными достижениями Павла Яковлевича. Его главной творческой удачей, несомненно, оказалась антология «Современные рабоче-крестьянские поэты…». Путь к ней был нескор. Он начался за семнадцать лет до выхода книги в свет, когда состоялось знаменательное знакомство ее составителя с редактором КБС. Тогда, в 1908 г. на одном из заседаний Литфонда Венгеров обратился к молодому поэту и журналисту Заволокину с просьбой дать автобиографические сведения и фотографический портрет. Позднее Павел Яковлевич вспоминал о своем знакомстве с ученым: «Я припоминаю, как сейчас, то смущение и крайне неловкое чувство, которое я испытывал в те минуты, краснея, как провинившийся школьник перед строгим наставником».[424]

Заволокин был обескуражен тем обстоятельством, что мэтр отечественной историко-литературной науки, сам почтенный профессор Венгеров желал иметь в своем архиве жизнеописание начинающего автора.

Хорошо известно внимание, которое уделял Семен Афанасьевич молодым авторам, лишь только вступавшим на литературную дорогу. Одни ходатайствовали у него о работе, другие искали мудрого профессионального совета.[425] Многим Венгеров помогал словом и делом, а главное – вселял надежду

[423] ОР РНБ. Ф. 290. № 195. Л. 2 [*Смиренский В. В.* Записка и эпиграмма П. Я. Заволокину – б. д.].

[424] ОР РНБ. Ф. 290. № 21. Л. 1.

[425] Приведу отрывок из показательного в этом отношении письма к Венгерову, датированного 11 ноября 1885 г. Автор письма – студент Лесного Института Левон Атабеков: «Милостивый

в свои силы. Принимая от неоперившихся литераторов их жизнеописания, он тем самым как бы утверждал их личностную и творческую значимость. Вот как Заволокин передавал по памяти слова ученого:

«Мы все были маленькими, <…> подросли и сделались взрослыми. Литературное поприще многообразно, а творчество писателя, одаренного талантом многогранно. Необходимо каждому писателю, а в особенности писателю начинающему, прежде всего, найти свое надлежащее место в литературе и не разменяться на мелочи. Талант свой развивать неустанно и применять его в той области литературы, где он, по мнению самого автора, является взыскательным художником, творцом, а не наемным поденщиком, сумеет принести наибольшую пользу человечеству. А самое главное – необходимо много и упорно работать над самим собою. Необходимо обогащать свои знания, внимательно всматриваться и чутко прислушиваться к окружающей жизни».[426]

По совету Венгерова Заволокин побывал у Ф. Ф. Фидлера. Приведу фрагмент воспоминаний Заволокина об этом визите:

«Когда я пришел к Ф. Ф. Фидлеру (жил он тогода на Николаевской ул., д. 67), первое, что мне бросилось в глаза, это кабинет Ф. Ф. Фидлера – громадная комната, все стены которой от потолка до самого почти пола, плотно увешаны рамками с портретами русских писателей последнего 25-летия. На многих из портретов имеется собственноручная надпись писателя.

– Здесь, на этой стене я размещаю, – говорил Ф. Ф. Фидлер, – только портреты с автографами, сделанными для меня по личной моей просьбе. Поэтому стена эта как бы галерея знакомых мне писателей или таких, которых я знал или которые меня знают. Значительное

Государь Семен Афанасьевич! Нет сомнения, что незнакомая Вам подпись <…> несколько удивит Вас: извините мне, что я – личность Вам совершенно незнакомая – решаюсь непосредственно обратиться письменно к Вам, и будьте снисходительны и благосклонны к моей скромной просьбе. Только недавно приехав в Петербург из далекого Кавказа, я намерен заниматься чтением книг, с целью близкого ознакомления с новейшей русской литературой и с литературой Запада. <…> долго колеблясь, я, наконец, решился обратиться к Вам <…> с просьбой дать или указать мне на что-нибудь, вроде программы, чем бы я мог руководствоваться при чтении. Надеюсь, что эта просьба юноши, имеющего благое намерение, не останется без ответа с Вашей стороны, как со стороны такого человека, которому суждено воспитывать общество. <…>» // РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 174. Л. 1.

[426] ОР РНБ. Ф. 290. № 21. Л. 1—2.

количество портретов без подписей, а также портреты лично мне незнакомых авторов – бережно хранятся у меня отдельно, в шкапах и ящиках. <…>

Помимо редких реликвий вещественных, предметов, принадлежавших А. С. Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Тургеневу, Л. Н. Толстому, Короленко, Горькому и др. здесь можно было найти весьма ценный архив, в котором, бережно подобрано и сложено в строгом порядке, хранились неопубликованные рукописи, "по цензурным соображениям"; письма интимного содержания писателей-современников, дневники, альбомы автографов, корректуры запрещенных или конфискованных царскою цензурой антиправительственных сочинений, - все взятое в целом, служило редким украшением фидлеровского музея и гордостью его обладателя».[427]

В беседе с гостем Фидлер высказал мнение, что «не одни высокие сосны служат украшением леса, и что из маленьких елочек со временем вырастают большие ели».[428] И Венгеров, и Фидлер исходили из уверенности в том, что необходимо беречь для потомков биографическую память не только о выдающихся людях, но и о рядовых тружениках отечественного просвещения.

Заволокин глубоко усвоил этот урок. Гораздо позднее, в 1923 г., будучи уже обладателем внушительной коллекции автобиографий, он прочел о ней в Пушкинском Доме доклад, предварив его эпиграфом, извлеченным из предисловия Венгерова ко второму изданию КБС:

«Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в ее крупных представителях. Что бы сказали о зоологе и биологе, который законы жизни будет изучать только на слонах, тиграх, львах и медвежатах, пренебрегая зайцами и кроликами?».[429]

---

[427] Там же. Л. 4, 5. Вряд ли стоит сомневаться, что Заволокин действительно посетил «музей» Фидлера и побеседовал с его создателем и хранителем. Однако при описании своего визита и беседы с ним Заволокин, возможно, из опасений ошибок памяти, воспользовался не своими собственными записями, а почти дословно воспроизвел фрагменты очерка С. Ф. Либровича «Фидлеровский музей русских литераторов» (СПб., 1906. С. 5—6, 9).

[428] Там же. Л. 5.

[429] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Т. 1. Вып. 1. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки (Аарон – Куликов). С таблицами групповых портретов. Пг., 1915. С. XIV.

Таким образом, состоявшиеся в 1908 г. беседы с двумя корифеями отечественной культуры не прошли для молодого человека впустую. Кроме сочинения стихов, он начал искать и другие пути для реализации своих творческих устремлений.

Другая важная встреча с Венгеровым случилась через одиннадцать лет, когда Заволокин наконец решился передать тому свою автобиографию.[430] Об этом событии он вспоминал:

«Я отправился на Загородный, 21, где в то время жил Семен Афанасьевич и, найдя его в рабочем кабинете, стены которого были заставлены шкафами, наполненными книгами. На большом длинном столе лежали периодические издания (последние книжки журналов, прекративших свое существование из-за отсутствия бумаги, материальных средств, а также по цензурным условиям)».

Личное доставление жизнеописания было лишь предлогом для встречи с ученым, поскольку ответы на анкету КБС вполне могли быть отосланы и по почте. Однако Павлу Яковлевичу был крайне важен непосредственный разговор с Венгеровым как с учителем и советчиком в нелегком деле собирания и публикации личных историй современников.

Беседа состоялась, и мэтр одобрил начинание своего гостя, подчеркнув, что для историка литературы «работа по собиранию автобиографий писателей <…>, безусловно, интересная, а самое главное, полезная». При этом редактор КБС выразил сожаление, что Заволокин ограничился собиранием жизнеописаний лишь поэтов-современников. Ученый призвал его расширить этот круг и направить свои усилия на аккумуляцию авто-биобиблиографического материала о

---

[430] ОР РНБ. Ф. 290, № 21. Л. 2. Ср. с описанием кабинета Венгерова в воспоминаниях его племянника и ученика, писателя М. Л. Слонимского: «Большой кабинет. По стенам от пола до потолка книги. Книги на полках, книги на длинном столе посреди комнаты, книги на этажерках. В глубине, у окна, письменный стол, заваленный бумагами, корректурами и раскрытыми для работы книгами. В кожаном кресле перед столом крупная фигура человека, без которого немыслимо представить себе этот кабинет, эту квартиру в большом доме на Загородном проспекте» (*Слонимский М.* Черты из жизни С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 10. С. 4).

беллетристах, драматургах, критиках, публицистах, «а также и о имеющих близкую связь с литературой, – редакторах, издателях и переводчиках».[431]

Пример страстного до самоотречения труда старших коллег и учителей подвигнул Заволокина сделать работу по собиранию жизнеописаний рабоче-крестьянских поэтов главным делом жизни. Он признавался: «<…> я решил посвятить этой работе не только все свое свободное время и материальные средства, если таковые будут у меня, но и самого себя».[432]

Это решение Заволокин принял совершенно самостоятельно и по собственной инициативе, однако перед его глазами были зримые образцы трудов его предшественников, прежде всего Венгерова и Фидлера, чей энтузиазм и поддержка укрепили готовность их младшего коллеги направить максимум усилий на работу, которой сами они посвятили всю жизнь. Их опыт и компетенция легли прочным основанием под предпринятый Заволокиным проект антологии жизнеописаний поэтов из рабоче-крестьянской среды.

В отличие от Венгерова, всегда следовавшего по пути воплощения самых масштабных издательских проектов, Заволокин в силу недостатка образования, опыта и влияния в литературном мире обладал гораздо меньшими возможностями в затеянном им деле и понимал, что следует попытаться исполнить лишь то, что в его силах.

Несомненно, в начале работы над изданием он задумал серию книг, которая под одним общим названием полномасштабно представила бы всю его коллекцию. Первой в этом ряду должна была стать выпущенная в свет в 1925 г. антология.[433]

Заволокин шел непростым путем, и ему многому нужно было научиться. Он понимал, что для выполнения своей задачи ему не хватает самых первоначальных знаний в области библиографии, которые были ему совершенно необходимы для

---

[431] ОР РНБ. Ф. 290. № 21. Л. 2.

[432] Там же.

[433] Этот вывод позволяет сделать оговорка Заволокина в письме к поэту А. Ширяевцу от 23 окт. 1921 г. См.: ОР РНБ. Ф. 290. № 251. Л. 3.

успешной реализации идеи издания сборника. Можно не сомневаться, что именно с этой целью Заволокин поступил в 1923 г. на Курсы книговедения при Ленинградском институте книговедения, а через год получил соответствующее удостоверение об их окончании. В том же году Павел Яковлевич познакомился с хранившимися тогда в Институте автобиографическими материалами коллекции Венгерова.[434]

По трем дисциплинам, читавшимся на Курсах, еще неопытный библиограф получил лишь удовлетворительные оценки, а вот зачетная работа, носившая название «Собирание автобиографий», была признана «оригинальной и ценной».[435] Это и понятно: к 1924 г. этот слушатель Курсов не только знал теорию, но уже обладал и собственной внушительной коллекцией из двухсот личных историй, и изрядным опытом в их приобретении.[436]

Полученные навыки в дальнейшем послужили для Заволокина толчком к собственным начинаниям библиографического характера. Так, например, в 1922—1936 гг. он занимался составлением картотеки публикаций журнала «Красная новь», «Алфавитного указателя рецензентов», библиографий современных поэтов (Д. Бедного, Н. С. Гумилева, Н. А. Клюева, и др.).[437] По примеру учителя Заволокин создал свой собственный небольшой иконографический архив с портретами политических деятелей, литераторов, художников и ученых (фотографии на почтовых открытках, книжные и журнальные вырезки).[438]

В упомянутом докладе «Собирание автобиографий поэтов-современников», прочитанном в Пушкинском Доме в октябре 1923 г., Заволокин так определил задачи своей деятельности:

---

[434] РО ИРЛИ. Дело фонда 377. Т. II. Л. 3—20 [книга для записи посетителей Архива профессора С. А. Венгерова с 30 нояб. 1923 г. по 1931 г.].

[435] ОР РНБ. Ф. 290. № 1. Л. 7.

[436] ОР РНБ. Ф. 290. № 21. Л. 13.

[437] См.: ОР РНБ. Ф. 290. № 23, 24, 54, 105, 131.

[438] ОР РНБ. Ф. 290. № 228. 45 л.

«<…> на свой труд по собиранию автобиографий я смотрю как на черную работу "кирпичников" для постройки в недалеком будущем здания пантеона русской поэзии. Под этими словами я имею в виду издание *«Словаря русских поэтов и поэтесс от начала русской образованности до наших дней включительно»* <курсив мой. – *Е. К.*>, в который войдут автобиографии, биографии, библиография и критические статьи о поэтах. Каждую автобиографию, независимо кому она принадлежит, – знаменитому или начинающему поэту, я рассматриваю как весьма ценный человеческий документ, необходимый материал для историка русской литературы».[439]

Нетрудно заметить, что заглавие этого труда по существу является калькой заглавия КБС. Собирательские и составительские установки Венгерова отразились и в изданной Заволокиным в 1925 г. антологии жизнеописаний поэтов-современников, и в его других, нереализованных в печати начинаниях.

По примеру своего наставника он через периодику обратился к вышедшим из рабоче-крестьянской среды литераторам с просьбой о присылке автобиографических сведений.

Сохранился бланк опросного листа, составленного Заволокиным в связи с подготовкой антологии.[440] Совершенно очевидно, что при формировании плана автобиографического повествования он почти слово в слово шел вслед за схемой, которую предлагал своим корреспондентам Венгеров; при этом дублировалось даже полиграфическое оформление опросного листа. Однако графа о вероисповедании была предусмотрительно исключена: в советской России в обстановке антирелигиозной пропаганды сохранение этого пункта вряд ли было бы возможно. Общее число вопросов (как и у Венгерова, их было девять) сохранилось за счет того, что 7-ой вопрос венгеровской анкеты («Ход воспитания и образования. Под какими умственными и общественными влияниями оно происходило») Заволокин разбил на два отдельных.

---

[439] ОР РНБ. Ф. 290. № 21. Л. 14.

[440] ОР РНБ. Ф. 290. № 231. Л. 1—2.

Были и некоторые другие отличия от анкеты КБС, объясняющиеся иными историческими обстоятельствами, изменившимися жизненными реалиями и иной аудиторией, к которой обращался составитель.

Венгеров апеллировал к образованной части русского общества, в то время как героями коллекции Заволокина были вышедшие из толщи народных масс писатели-самоучки. В его анкете обращение «Милостивый Государь» было заменено на «Глубокоуважаемый товарищ». Заволокин оставил вопрос венгеровской анкеты об истории и выдающихся представителях рода, но, понимая, что генеалогические сюжеты не вполне уместны при обращении к литераторам из народа, он несколько неловко переформулировал его в вопрос о «краткой истории родословной» и «выдающихся в каком-либо отношении людей со стороны родителей». В остальном в ответах на анкету прослеживается очевидное сходство обеих схем автобиографического рассказа.

В некоторых жизнеописаниях, поступивших в распоряжение Заволокина, очевидны приметы послереволюционной эпохи. Он еще не включил в свою анкету графу «партийность», ставшую в дальнейшем обязательным маркером официального портрета гражданина советской России. Однако поэт Л. С. Попов, по всей видимости, уже не мыслил свою идентификацию без соответствующего указания и в постскриптуме к анкете спрашивал: «А это нужно? Партийность?», – и тут же отвечал: «беспартийный».[441] Такого же рода дополнение сделал и Н. И. Волков. Сведения об отце («крестьянин, торговый служащий») он дополнил указанием на «внепартийность».[442]

Воодушевление составителя сборника «Современные рабоче-крестьянские писатели…» сразу же столкнулось с трудностями, которые в свое время пережил и о которых его неоднократно предупреждал Венгеров. Заволокину пришлось на собственном опыте убедиться в том, как глубоко был прав создатель КБС,

[441] ОР РНБ. Ф. 290. № 181. Л. 1.

[442] ОР РНБ. Ф. 290. № 82. Л. 1.

говоривший, что «собирание автобиографий от тружеников пера – занятие весьма тяжелое и неблагодарное». [443]

Как и Венгеров, он не раз получал отказы, иногда очень резкие. Например, Александр Ширяевец, посчитавший проект Заволокина слишком политизированным, писал ему: «Участвовать в агитационных сборниках и конкурировать с Демьяном Бедным и иными ″пролетариями″, вкушающими кремлевские пайки, я не согласен <…>». [444]

Однако Заволокину было, несомненно, гораздо труднее, чем его наставнику: он не был столь знаменит и не обладал таким прочным авторитетом, каким пользовался его учитель. Заволокин отмечал с сожалением: «Несмотря на разосланные мною обращения и помещенные в периодической печати как в России, так и заграницей, письма, – от многих из современных поэтов я так и не получил нужных сведений». [445]

Тем не менее, как в свое время и Семен Афанасьевич, он со временем приобрел друзей, сочувствовавших его начинанию. Так, в 1919 г. у него завязалась активная переписка с членом московского Суриковского литературно-музыкального кружка Г. Д. Деевым-Хомяковским. Поэт приветствовал замысел Заволокина и оказал ему помощь в поиске самодеятельных литераторов из народа, прислав несколько жизнеописаний молодых талантливых авторов. Деев-Хомяковский просил отвести особое место в задуманной антологии суриковцам. [446] Поэт Т. Г. Мачтет с воодушевлением воспринял работу Заволокина и сопроводил свою личную историю перечнем имен и адресов московских литераторов как потенциальных героев книги. [447]

---

[443] «Современные рабоче-крестьянские поэты…». С. I.

[444] ОР РНБ. Ф. 290. № 251. Л. 2 [письмо А. Ширяевца к П. Я. Заволокину от 11 авг. 1921 г.].

[445] «Современные рабоче-крестьянские поэты…». С. I.

[446] См.: ОР РНБ. Ф. 290. № 107. Л. 1, 4, 5—5 об. [письма Г. Д. Деева-Хомяковского к П. Я. Заволокину от 30 марта, 3 и 29 апр., 10 мая 1919 г.]. В ответном письме от 17 мая 1919 г. Заволокин связывал свои планы по изданию антологии с Суриковским кружком. Там же. Л. 7—7 об.

[447] ОР РНБ. Ф. 290. № 290. Л. 11 об. [письмо Т. Г. Мачтета к П. Я. Заволокину от 31 дек. 1922 г.].

Сам собиратель завоевал в среде самодеятельных литераторов славу авторитетного эксперта. Так, в январе 1923 г. поэт-самоучка, симбирский крестьянин Т. Ф. Аверьянов прислал «на просмотр» свои стихи Заволокину, обратившись к нему как к мэтру, который может либо подарить надежду, либо разрушить мечты о продолжении творческих занятий.

«Я, – сокрушался Аверьянов, – по какой-то неведо<мой> для меня сил<е>, утомляю себя этим <творчеством. – *Е. К.*> уже вот очень давно, и сам не знаю, ради чего я это делаю, ведь сам вижу и чу<в>ствую, что мо<и> все произведени<я> не стоят выеденного яйца по сравнению других <так. – *Е. К.*>, но делаю. Окромя, конечно, стихов, есть и повести и рассказы, как я их заключаю по-своему, но они у меня лежат без внимания в Симбирске. В печать не принимают, и дальше я не знаю, куда обратиться. Вот осмеливаюсь впервые побеспокоить вас и буду ждать вашего заключения. И думаю, если только не подойдут, то уже раз и навсегда с этим тяжелым для меня делом нужно покончить».[448]

Заволокин углублял контакты с героями своей будущей книги, завязывал с ними переписку, встречался лично. Итогом знакомства с одним из них – крестьянским поэтом Е. В. Абраменко-Успеховым стал стихотворный экспромт последнего, озаглавленный «На память П. Я. Заволокину». Несомненно, стихотворение было откликом беседы, во время которой обсуждался вопрос о составлении автобиографии. Приведу текст этого послания:

«Я писатель деревенский,
Я поэт земли родной.
Я родился под копною,
Вырос в поле за сохой».[449]

В результате активной собирательской деятельности коллекция Заволокина постепенно росла. Несмотря на его особую приверженность к жизнеописаниям представителей пролетарской поэзии, он стремился расширить границы своей коллекции личными историями представителей других поэтических направлений

---

[448] ОР РНБ. Ф. 290. № 36. Л. 1 [письмо Т. Ф. Аверьянова к П. Я. Заволокину от 27 янв. 1923 г.]

[449] ОР РНБ. Ф. 290. № 34. Л. 2 [*Абраменко-Успехов Е. В.* На память Заволокину. Автограф – 15 авг. 1924 г.]. На обороте л. 1 помета Заволокина: «Заходил ко мне 15/VIII.1924».

начала XX века. Так, например, в ней оказалась автобиография поэта-символиста А. Г. Туфанова.[450]

После знаменательного для Заволокина события – выхода в свет антологии «Современные рабоче-крестьянские поэты…», он разослал своим корреспондентам анкету, содержавшую ряд вопросов, ответы на которые должны были послужить улучшению предполагавшихся в дальнейшем выпусков. В одном из таких ответов поэт Г. Д. Смагин, высоко оценивший значение сборника «Современные рабоче-крестьянские поэты…», писал:

«В общем и целом, книга хороша и является в своем роде <…> перлом Революции. Это – первая книга, давшая возможность рабоче-крестьянским писателям написать о себе и отдать на суд широкой публики свои, подчас робкие, произведения. В книге – в автобиографиях, есть чему поучиться и над чем задуматься».[451]

В воспитательной роли издания был уверен и Г. Д. Деев-Хомяковский. По его мнению, книга имела особое значение для подрастающего поколения, которое «учится на биографиях предшественников». В то же самое время поэт-суриковец высказал ряд замечаний. Согласно одному из них, некоторые корреспонденты Заволокина из скромного нежелания «саморекламы» умалчивали о некоторых обстоятельствах своей жизни, поэтому составителю сборника следовало бы в будущем поощрять рассказы о себе в третьем лице и тем самым предоставить авторам большую свободу. Деев-Хомяковский также справедливо критиковал Заволокина за хаотичность в расположении материала в книге и, дабы избежать

---

[450] Автобиография А. В. Туфанова из коллекции Заволокина была опубликована Н. А. Богомоловым. См.: Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова // Русский авангард в кругу европейской культуры. Международная конференция: Тезисы и материалы. М., 1993. С. 89—93. К тексту этого жизнеописания обращались и другие исследователи. См.: Эстетика «становления» А. В. Туфанова: статьи и выступления конца 1910-х – начала 1920-х гг. / вступ. статья, публикация и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С.616—617.

[451] ОР РНБ. Ф. 290. № 194. Л. 3 [письмо Г. Д. Смагина к П. Я. Заволокину с ответами на анкету, посвященную сборнику «Современные рабоче-крестьянские поэты…», от 15 сент. 1925 г.].

этого существенного недостатка, советовал ему в дальнейшем придерживаться более строгих принципов, размещая тексты в хронологическом порядке либо в алфавите имен.[452]

Трудно с уверенностью сказать, какова была реакция критики в целом на выход антологии, но одна из рецензий гласила:

«Книгу Заволокина мы должны всемерно приветствовать. Собранные в ней образцы поэзии по большей части не блещут особой талантливостью и ″изысканностью″. Очень многие стихотворения наивны, неуклюжи, прозаичны, но книга очень ценна в общественном смысле. В газетной статье не исчерпать того богатейшего материала, который дают автобиографии, собранные Заволокиным. Можно лишь сказать, что с этой книгой должен познакомиться каждый, кто хочет понять, какие творческие силы и порывы таятся в недрах рабочего класса и в толще крестьянства».[453]

Заволокин не только приложил немало усилий по собиранию личных историй, но и демонстрировал склонность к критическому анализу полученного материала, свидетельство чему находим на страницах его доклада в Пушкинском Доме. Тем не менее, вряд ли можно назвать эту попытку вполне удачной: она свелась в основном к перечислению авторов и цитированию выдержек из их жизнеописаний.

Гораздо позднее, в первой половине 1930-х гг. в небольшой заметке Заволокин вновь осмысливал содержание полученных им некогда эго-документов, пытаясь найти то общее, что объединяло судьбы поэтов из народа. Одной из таких «духовных скреп», по его мысли, были личность и творчество Максима Горького.[454] По собственному признанию Заволокина, становление его

---

[452] ОР РНБ. Ф. 290. № 107. Л. 26 об. [письмо Г. Д. Деева-Хомяковского П. Я. Заволокину от июня 1925 г.].

[453] *Тихий Ал.* <псевд. А. И. Тинякова>. Творчество тружеников <отклик на книгу «Современные рабоче-крестьянские поэты…> // Новая вечерняя газета (Ленинград). 1925. № 76. 19 июня. С. 7.

[454] РНБ. Ф. 290. № 19. Л. 1—6 [*Заволокин П. Я.* О Горьком]. Приведу небольшой фрагмент этой неопубликованной заметки: «В тяжелые годы экономической разрухи и гражданской войны 1919—22 гг. по инициативе А. М. Горького в Ленинграде было организовано издательство "Всемирной литературы". И<здательст>во помещалось на Моховой, № 36. С 1920 по 1922 я

мировоззрения проходило под сильнейшим воздействием очерков и рассказов пролетарского писателя. Влияние горьковских произведений было столь значительным, что подвигло Заволокина в молодые годы покинуть отчий дом, отправиться в Петербург и там искать пути для творческой самореализации.[455]

Конечно, в юности он и не предполагал, сколь тернистой будет эта стезя. Маховик политических репрессий настигал Заволокина и при царском режиме, и в годы советской власти. В начале 1930-х гг. его не уберегло от ареста даже личное знакомство с М. И. Калининым. Заволокин встретился с ним еще весной 1904 г. в олонецкой тюрьме после ареста по политическому делу. Спустя четырнадцать лет он рассказал об этом событии в небольшой брошюрке, которая оказалась первой из работ, посвященных «всесоюзному старосте».[456]

В архиве Академии наук хранятся четыре письма Заволокина к революционеру-народнику, члену «Земли и воли», писателю и поэту

работал в бригаде книж<ни>ков (состав бригады: Шилов, Ф. Г. Котов, Мельников, Мазуркевич, В. А. Маркизеттов, <нрзб.>) по отбору иностранных книг, глав<ным> образом, художественной литературы. Работой, подбором библиотеки иностранной литературы очень интересовался Алексей Максимович. Однажды, зайдя в библиотеку, где я отбирал книги, зашел Ал<ексей> Максимович и спросил меня, чем я занимаюсь, кроме библиотечной работы. Я ответил ему: "Собираю автобиографии для подготовляемой к печати книги "Совр<еменные> раб<оче>-крестьян<ские> поэты". Алексей Максимович одобрил мою мысль, сделал практические указания: "Не забудьте про Шкулева, Нечаева, Савина – москвичи самобытные; Садофьева – Арский – петроградцы; пошевелите провинцию и там немало талантливых поэтов-самоучек. Когда книга выйдет, обязательно пришлите экземплярчик мне", - закончил Ал<ексей> М<аксимович> и, пожелав успеха, крепко пожал мне руку».

[455] РО ИРЛИ. Ф. 377. № 1498. Л. 1—2 [*Заволокин П. Я.* Автобиография].

[456] *Заволокин П. Я.* М. И. Калинин в ссылке (1904 г.). М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и СС.-поселенцев, 1928. 24 с. (Издание журнала «Каторга и ссылка». 1928. № 35). В 1927 г. автор отослал рукопись брошюры М. И. Калинину на просмотр. Неизвестно, получил ли Заволокин ответ, однако, судя по всему, сам герой повествования не спешил его дать. См.: ОР РНБ. Ф. 290. № 304. Л. 1 [письмо Н. Свечниковой. <помощник секретаря Председателя ВЦИК> П. Я. Заволокину от 26 мая 1927 г. по поводу его рукописи, отосланной на просмотр М. И. Калинину].

Н. А. Морозову.[457] Два письма датированы мартом 1932 г. и свидетельствуют о том, что в это время Заволокин был политическим ссыльным и находился в Нарымском крае, в селе Тогур,[458] неподалеку от которого расположен Колпашевский яр, печально знаменитый массовыми захоронениями репрессированных.[459]

Два других письма написаны уже в Ленинграде в мае 1940 г., незадолго до кончины Заволокина. Тексты этих двух документов, а также переписка с В. М. Инбер[460] и его давним знакомым, поэтом Г. Д. Деевым-Хомяковским[461] со всей очевидностью показывают, что до последних дней Павел Яковлевич не оставлял надежду пополнить материалы своего архива писательских автобиографий. Они должны были лечь в основу подготавливавшегося им, но так и неосуществленного издания «Словаря русских поэтов революционного периода 1917—1940 гг.».[462] Вероятно, с той же целью одновременно Заволокин работал над сводным алфавитно-хронологическим указателем «Русская поэзия революционного периода 1917—1936 гг.»,[463] и составлял картотеку «Даты рождения и смерти поэтов».[464]

---

[457] СПбФ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. № 633. Л. 1—5.

[458] Ряд других документов, отложившихся в фонде П. Я. Заволокина в РНБ, также косвенно свидетельствуют о его нарымском изгнании. См., например: ОР РНБ. Ф. 290. № 1. Л. 1—2.

[459] Подробнее см.: *Запецкий В. М.* Колпашевский Яр. Новосибирск: Сибирская книга, 1992. 128 с.

[460] ОР РНБ. Ф. 290. № 237. Л. 2, 3 [письма П. Я. Заволокина к В. М. Инбер от 26 марта и 19 мая 1939 г.].

[461] ОР РНБ. Ф. 290. № 233. Л. 3 [письмо П. Я. Заволокина к Г. Д. Дееву-Хомяковскому от 26 сент. 1940 г.].

[462] Сохранился текст обращения к литераторам с анкетой, составленной в связи с работой над Словарем. См.: ОР РНБ. Ф. 290. № 231. Л. 3.

[463] ОР РНБ. Ф. 290. № 26—27. Указатель имеет двухчастную структуру («Алфавитный указатель авторов отдельных сборников стихотворений» и «Коллективные сборники») и дан в виде двух таблиц. В первую Заволокин вносил «первые» биографические сведения (имя, фамилию,

Деев-Хомяковский приветствовал усилия Заволокина, обещал ему всяческую помощь и советовал публиковать в задуманном «Словаре» именно биографические очерки, т. к. получение личных историй в целом ряде случаев было уже невозможно за смертью многих «интересных людей».[465]

В письме от 20 июня 1940 г. Заволокин сообщил Н. А. Морозову план, по которому просил написать автобиографию.[466] Он содержал в несколько усеченном виде черты программы, которая рекомендовалась двадцатью годами ранее при сборе материала для антологии «Современные рабоче-крестьянские писатели…». Опросный лист, предложенный Морозову, также напоминает анкету, которую рассылал Венгеров в связи с работой над «Предварительным списком русских писателей и ученых». Вспомним, что она должна была дать читающей публике «первые» сведения об авторах. В отличие от анкеты КБС схема автобиографического повествования, которую Заволокин предлагал Морозову, не содержала пунктов об «истории рода», вероисповедании и «замечательных событиях жизни», однако сохраняла вопрос об умственных и общественных влияниях, сузив его до литературных воздействий «классиков или современных пролетарских поэтов».

Напомню, что в 1925 г. в антологии «Современные рабоче-крестьянские поэты…» была реализована лишь часть коллекции Заволокина. В книгу вошли лишь 64 из двухсот жизнеописаний, имевшихся в распоряжении собирателя. Дальнейшая судьба его коллекции связана с Государственным Литературным музеем в Москве (далее: ГЛМ).

отчество автора, даты его рождения и смерти), а также год выхода отдельно изданных сочинений; во вторую вписывалось название коллективного сборника и его выходные данные.

[464] ОР РНБ. Ф. 290. № 223. Судя по материалам картотеки, она сохранилась не в полном объеме и насчитывает всего 32 карточки. Самая ранняя из них датирована 1919 г., последняя 1930 г.

[465] ОР РНБ. Ф. 290. № 107. Л. 33 [письмо Г. Д. Деева-Хомяковского к П. Я. Заволокину от 10 июня 1940 г.].

[466] СПбФ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. № 633. Л. 5 [письмо П. Я. Заволокина к Н. А. Морозову (с анкетой) от 20 июня 1940 г.]; образец этой анкеты см. также в РО РНБ. Ф. 290. № 231. Л. 3.

Из архивных источников известно, что по возвращении в 1934 г. из нарымской ссылки в Ленинград Павел Яковлевич недолго, менее года, служил в Ленинградском областном издательстве. Возможно, шлейф политической неблагонадежности помешал ему заниматься тем, к чему он стремился, и, с точки зрения официального трудоустройства, последние несколько лет жизни Заволокина не были связаны с литературой.

Из переписки с В. Д. Бонч-Бруевичем известно, что в эти годы Заволокин очень нуждался.[467] Все эти обстоятельства привели его в 1935 г. к решению продать 195 жизнеописаний из своей коллекции в Москву, в незадолго до этого основанный ГЛМ. В 1941 г. на базе ГЛМ был создан Центральный государственный литературный архив (далее: ЦГАЛИ).[468] Тогда коллекция Заволокина и оказалась в составе его фондов. Однако по описи этого архива она насчитывала уже 176 единиц хранения. Возможно, еще до переезда в ЦГАЛИ недостающие 19 автобиографических документов разошлись по другим фондам ГЛМ.

В любом случае в 1935 г. по неизвестным причинам в ГЛМ поступили не все материалы коллекции Заволокина: если исходить из ее количественного состава – двести жизнеописаний, которыми он располагал уже к 1923 г., – по крайней мере, пять из них должны были «задержаться» в его домашнем архиве.

Вероятно, они поступили в 1946 г. в РНБ и наряду с комплексом других документов образовали личный фонд Заволокина (ф. 290). Он включил в себя документы личного характера, включая переписку Заволокина; материалы, связанные с его библиографическими начинаниями и работой над книгой «Современные рабоче-крестьянские поэты…». Так, в этом фонде хранятся шестнадцать автобиографий: композитора и пианиста Е. Б. Вильбушевича* (1874—1933),[469] автора мелодекламаций завоевавшего особую популярность в

---

[467] Неопределенность с трудоустройством Заволокина сохранялась и к 1937 г. См.: ОР РНБ. Ф. 290. № 107. Л. 31 [письмо Г. Д. Деева-Хомяковского к П. Я. Заволокину от 17 нояб. 1937 г.].

[468] С 1992 г. – Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

[469] ОР РНБ. Ф. 290. № 78 [*Вильбушевич Е. Б.* <Автобиография> – [1920-е гг. (нач.) — 1933].

музыкально-драматическом дуэте с петербургским актером Н. Н. Ходотовым;[470]; поэта-суриковца Н. И. Волкова* (1872—1932);[471] поэтов В. Д. Горского (1903—1926),[472] М. М. Журавлева (?);[473] советского партийного деятеля, редактора «Литературной газеты» и журнала «Красная новь» С. И. Канатчикова (1879—1940);[474] беллетриста И. Д. Лукашина (1884—1937?);[475] поэтов Т. Г. Мачтета* (1891—1942);[476] А. С. Метелкина (?);[477] С. Г. Мохова (1877—?),[478] Д. А. Мошинского (1898—1941),[479] А. О. Палей (р. 1904),[480] Л. С. Попова (псевд. Солнцев; 1905—1991)[481], А. Н. Смирнова* (р. 1877—?)[482] и Дм. Четверикова*

---

[470] *Ходотов Н. Н.* Близкое далекое / предисл. Я. О. Малютина, подгот. текста и примеч. Г. З. Мординсона. 2-е изд., испр. и доп. Л.; М., 1962. С. 160—162, 164, 166, 167, 171, 173, 174, 179, 202, 212, 227, 239, 250, 253, 257, 258, 268, 271 (Театральные мемуары).

[471] ОР РНБ. Ф. 290. № 82 [письмо Н. И. Волкова к П. Я. Заволокину (с приложением «Ответов на анкету») – июль 1925 г.].

[472] ОР РНБ. Ф. 290. № 102 [*Горский В. Д.* Автобиография – б. д.].

[473] ОР РНБ. Ф. 290. № 120 [*Журавлев М. М.* Автобиография (вероятно, лишь заключительный фрагмент) – б. д.].

[474] ОР РНБ. Ф. 290. № 128 [*Канатчиков С. И.* Автобиография (только начало) – б. д.].

[475] ОР РНБ. Ф. 290. № 153 [*Лукашин И. Д.* «Автобиостих» и автобиография – б. д. и [не ранее 1923 г.].

[476] ОР РНБ. Ф. 290. № 290 [*Мачтет Т. Г.* Автобиография – 31 дек. 1922 г.].

[477] ОР РНБ. Ф. 290. № 158 [*Метелкин А. С*. Автобиография – не ранее 1918 г.].

[478] ОР РНБ. Ф. 290. № 165 [*Мохов С. Г.* Автобиография – 1922 г.].

[479] ОР РНБ. Ф. 290. № 166 [*Мошинский Д. А.* Автобиография – не ранее 1922 г.]. Дата смерти установлена по электронной «Базе данных по защитникам Отечества, погибшим на территории Республики Карелия в 1941–1944 гг.» (*monuments.karelia.ru*). Автобиография Мошинского – единственная из перечисленных, которая вошла в антологию «Современные рабоче-крестьянские поэты…». Однако текст жизнеописания, отложившийся в фонде Заволокина в РНБ, и опубликованный в антологии имеют разночтения, позволяющие говорить о двух вариантах одной автобиографии.

[480] ОР РНБ. Ф. 290. № 177 [*Палей А. О*. Автобиография – не ранее 1925 г.].

[481] ОР РНБ. Ф. 290. № 181 [письмо Л. С. Попова к П. Я. Заволокину с краткими автобиографическими сведениями в форме ответов на анкету – 3 мая 1923 г.]

(псевд. Б. Д. Четверикова; 1896—1981)[483], Е. Е. Шарова* (1891—1972),[484] В. П. Щекина* (р. 1866—?).[485] Шесть из перечисленных жизнеописаний являются автографами (отмечены в тексте звездочкой). Остальные – их большая часть – представляют собой разрозненные листы машинописной корректуры неустановленного сборника автобиографий пролетарских поэтов. Возможно, это тексты, предполагавшиеся быть включенными в книгу «Современные рабоче-крестьянские поэты…», но по каким-то причинам оставшиеся за рамками этого издания.

Итак, П. Я. Заволокина можно с уверенностью назвать прямым учеником С. А. Венгерова. Личность и труды ученого были для литератора не только отправной точкой и примером для подражания в деле собирания автобиографических свидетельств эпохи, но также стимулом к самообразованию и толчком к собственным начинаниям в области библиографии.

В свою очередь у П. Я. Заволокина появился свой последователь – поэт-суриковец Иван Абрамович Назаров (1878—1962).[486]\

---

[482] ОР РНБ. Ф. 290. № 196 [*Смирнов А. Н.* Автобиография и сопроводительное письмо П. Я. Заволокину от 23 апр. 1919 г.]. В сборнике «Современные рабоче-крестьянские поэты…» (с. 167—168) опубликован другой автобиографический текст.

[483] ОР РНБ. Ф. 290. № 210 [*Четвериков Дм.* Автобиография – не ранее 1919 г.].

[484] ОР РНБ. Ф. 290. № 212. Л. 10—13 [*Шаров Е. Е.* Краткое о самом себе <автобиография> – 17 нояб. 1928 г.].

[485] ОР РНБ. Ф. 290. № 219 [*Щекин В. П.* Автобиография и сопроводительное письмо П. Я. Заволокину с уведомлением о высылаемых одновременно с автобиографией двух фотографических снимков – 9 июня 1919 г.; прил.: *Щекин В. П.* стихотворения «Кузнец», «Буря» и «Май» (автографы)].

[486] О нем см.: *Осетров Е.* Большой путь // *Назаров И. А.* Встречи и письма. – Владимир: Владимирское книжное издательство, 1957. С. 3—12.

5.2. Коллекция И. А. Назарова

В 1919 г. Назаров живо интересовался тем, как у петербургского литератора продвигается работа над антологией жизнеописаний, и способствовал ему в поиске автобиографий литераторов из народа.[487] Чуть позднее это сотрудничество обернулось соперничеством. Уже зимой 1920 г. в распоряжении Назарова находился собственный внушительный свод автобиографий, который вкупе с биографическими материалами насчитывал 139 персоналий.[488] Среди них числился и П. Я. Заволокин. В марте 1919 г. он прислал своему коллеге автобиографию, которую Назаров прочел «с большим удовольствием» и нашел «очень интересной».[489]

Усилия Назарова издать материалы своего архива были длительными и безуспешными. По всей видимости, к 1925 г. основной корпус книги под заглавием «Поэты-пролетарии», был готов. Летом того же года Назаров писал составителю «Рабоче-крестьянских поэтов…»:

«Для своей книги <…> я включил пока 40 автобиографий (конечно, ни один автор не попадает из Вашей книги). На днях жду массу присыла автобиографий из Сибири. Буду стучаться в двери издательств».[490]

В дальнейшем концепция издания трансформировалась. Это отразилось в изменении заглавий: «Поэты из народа. С ломоносовской эпохи до наших дней» (1926) и «Словарь русских поэтов самородков. От начала 18 века и до наших дней» (1930). После череды тщетных попыток Назарову удалось «пристроить»

---

[487] ОР РНБ. Ф. 290. № 167. Л. 8—8 об., 15—16 об. [письма (2) И. А. Назарова к П. Я. Заволокину от 4 мая 1919 г. и 16 февр. 1924 г.].

[488] Там же. Л. 11—12 [«Биографии и автобиографии поэтов из народа, имеющихся у И. А. Назарова» – <не позднее 20 января 1920 г.>].

[489] Там же. Л. 6—6 об. [письмо И. А. Назарова к П. Я. Заволокину от 27 марта 1919 г.]

[490] Там же. Л. 18 [письмо И. А. Назарова к П. Я. Заволокину от 30 авг. 1925 г.].

книгу под последним из указанных названий в издательство «Федерация».[491] Как видим, по мере накопления материалов и работы с ними временные рамки предполагавшегося издания раздвинулись и приобрели поистине венгеровский размах: из антологии жизнеописаний оно трансформировалось в словарь, который насчитывал около 500 имен. По утверждению Назарова, Словарь вызвал интерес у М. Горького, П. С. Когана, И. Н. Розанова, Демьяна Бедного и многих других.[492]

В письме от 16 декабря 1929 г. М. Горький писал Назарову, что считает его книгу «полезной», но нуждающейся в исправлениях и дополнениях, а также в «хорошем предисловии» кого-нибудь, «досконально знакомого с делом». В качестве автора предисловия писатель предложил Назарову кандидатуру литературного критика П. С. Когана.[493] «Словарь Назарова – очень ценный словарь; необходимо его издать. Чем скорее – тем лучше», – утверждал Демьян Бедный.[494]

Поэт Н. Н. Захаров-Мэнский стал редактором словаря, а проф. Московского педагогического института А. В. Ефремин написал вступительную статью. Книга вновь изменила заглавие и стала называться «Поэты-самоучки. Опыт биобиблиографического словаря». Круг его персонажей был сужен до поэтов-суриковцев, чья творческая деятельность протекала с 1880-х гг. по 1917 г. С 1932 г. работа над изданием шла полным ходом, однако уже осенью начавшееся печатание книги было приостановлено. В этот период Назаров еще надеялся на положительный исход дела и заканчивал работу над продолжением – книгой

---

[491] Там же. Л. 21 [письмо И. А. Назарова П. Я. Заволокину (на почтовой карточке) от 3 июня 1927 г.]. «Собрал более 200 биографий и написал около 800 стр<аниц>», – сообщал Назаров в этом письме.

[492] Там же. Л. 22 об. [письмо И. А. Назарова П. Я. Заволокину (на почтовой карточке) от 13 авг. 1930 г.].

[493] *Горький М.* Собр. соч. в 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 154—155.

[494] Цитирую по книге: *Назаров И.* Встречи и письма. Владимир, 1957. С. 9.

«Прозаики-самоучки».[495] К весне 1934 г. стало очевидно, что издание «заглохло». Все попытки А. В. Ефремина пристроить его в другое издательство закончились неудачей,[496] однако предисловие к словарю он опубликовал в сборнике своих работ «Поэт и массы».[497] Вступительная статья Ефремина, констатировавшая насущную потребность в Словаре Назарова, к сожалению, дает мало информации о так и неосуществившемся проекте.

Впрочем, сам Назаров не терял надежду на его реализацию. В 1934—1935 гг. он вел переговоры с издательствами «Academia» и «Художественная литература»,[498] но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. В последние годы жизни литератор приводил в порядок свой богатейший архив. Он был приобретен Институтом мировой литературы им. А. М. Горького незадолго до восьмидесятилетия Назарова.[499]

Таким образом, в отличие от Заволокина, Назаров не был лично знаком с составителем КБС и напрямую не являлся его учеником. Однако опосредованно, через автора антологии «Современные рабоче-крестьянские поэты…», он воспринял идеи Венгерова и воплотил их в своей собирательской деятельности.

---

[495] ОР РНБ. Ф. 290. № 167. Л. 23, 24 об., 25—25 об. [письма (3) И. А. Назарова к П. Я. Заволокину (первые два письма на почтовых карточках) от 13 янв.,15 сент. и 17 окт. 1932 г.].

[496] Там же. Л. 27 об. [письмо И. А. Назарова к П. Я. Заволокину (на почтовой карточке) от 3 апр. 1934 г.].

[497] *Ефремин А. В*. Поэты-суриковцы <Предисловие к «Словарю-справочнику» И. А. Назарова> // Ефремин А. Поэт и массы. Сб. статей. М., 1932. С. 91—116.

[498] ОР РНБ. Ф. 290. № 167. Л. 27 об., 30—31 об. [письма (2) И. А. Назарова к П. Я. Заволокину от 3 апр. 1934 г. (на почтовой карточке) и 4 янв. 1935 г.].

[499] См.: *Гордеев С. П.* Назаров Иван Абрамович // Владимирская энциклопедия: биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 306.

Отдельные материалы архива Заволокина и Назарова привлекались исследователями,[500] однако коллекции собирателей в целом еще ждут своего исследователя.

Существует вероятность обнаружения в архивохранилищах страны и других коллекций автобиографий советского периода. Так, например, личные истории литераторов собирал поэт и прозаик А. Брянский (псевдоним А. Р. Фрейндлиха). Для подготавливавшейся им книги «Современные писатели» Назаров написал автобиографию, о чем сообщил в одном из писем к Заволокину.[501]

6. Забытая традиция: домашний альбом П. К. Симони

Антология жизнеописаний, собранных Заволокиным, появилась уже в новой послереволюционной России, во времена, когда писание автобиографий, ведение дневниковых записей, другими словами, текстов, так или иначе предполагавших откровенный рассказ о времени и о себе, становилось делом рискованным. По наблюдению автора предисловия к изданию дневника художницы и переводчицы Л. В. Шапориной (1879—1967), дневниковые записи прекращали вести или вовсе уничтожали на переломе 20-х – 30-х гг. XX века из-за опасения репрессий.[502] Утверждение о том, что лишь редкие смельчаки

---

[500] Так, кроме упоминавшихся выше публикаций автобиографии А. Г. Туфанова, Р. Тименчик опубликовал пространный ответ А. Ахматовой Заволокину с аргументацией своего отказа дать автобиографию. См.: *Тименчик Р.* Остров искусства // Дружба народов. 1989. № 6. С. 244. Публикация выполнена по тексту, впервые данному самим Заволокиным в литературном еженедельнике «Зори» (1924. № 9. С. 11). Были опубликованы также фрагменты из переписки поэта-суриковца Е. Е. Нечаева с П. Я. Заволокиным. См.: *Кулинич А. В.* Очерки по истории русской советской поэзии 20-х годов. Киев: Издательство Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, 1958. С. 199, 202—206.

[501] ОР РНБ. Ф. 290. № 167. Л. 19 [письмо И. А. Назарова к П. Я. Заволокину от 26 янв. 1926 г.].

[502] *Сажин В. Н.* Институтка: автопортрет в советском интерьере // *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 5.

продолжали фиксировать реалии своей биографии на фоне жизни страны и коллекционирование документов подобного рода сошло на нет, верно лишь отчасти. Вспомним, например, недавно изданные дневники О. Ф. Берггольц[503] и С. К. Островской.[504] С другой стороны, конечно, опасность разглашения и использования против человека личной информации не поощряла к ее хранению. По крайней мере, она не афишировалась.

Время наложило суровый отпечаток на историю небольшой коллекции, к которой я позволю себе привлечь внимание.

В Российской национальной библиотеке хранится своего рода гостевой альбом известного историка литературы, книговеда и палеографа Павла Константиновича Симони (1859—1939), который был хорошо знаком с Венгеровым, в частности, по работе в Русском библиологическом обществе.

Альбом представлен четырнадцатью автобиографиями людей, посещавших его дом в 1928—1929 гг.[505] В профессиональном отношении это был узкий круг

---

[503] *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц: Начало (по ранним дневникам). СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2014. 288 с.

[504] *Островская С. К.* Дневник. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 760 с.

[505] ОР РНБ. Ф. 696. Архив П. К. Симони. № 148. Перечень лиц, чьи автобиографии образовали коллекцию: I. 1928 год. *Аблов Николай Николаевич*, библиотековед (1882—1942); *Гребенщиков Яков Петрович*, библиотековед (1887—1935); *Билый Владимир Васильевич*, фольклорист, член Этнографической комиссии при Украинской АН; *Виноградов Георгий Семенович,* этнограф, фольклорист, краевед (1886—1945); *Егоров Вячеслав Александрович*, этнограф, фольклорист, краевед (1886—1945); *Карский Евфимий Федорович,* филолог-славист, палеограф и этнограф (1860—1931); *Королев Николай Алексеевич*, библиотекарь Иваново-Вознесенского Политехнического института; *Перетц Владимир Николаевич*, историк литературы, фольклорист (1970—1935); *Серова Мария Михеевна*, фольклористка (1877—1942); II. 1929 год. *Дружинин Василий Григорьевич*, историк старообрядчества, археограф, палеограф (1859—1937); *Капица Ольга Иеронимовна*, фольклористка (1866—1937); *Лебедев Владимир Васильевич*, художник (1891—1967); *Ляпунов Борис Михайлович*, филолог-славист (1862—1943); *Лященко Аркадий Вениаминович*, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, сотрудник Библиотеки АН.

специалистов-гуманитариев: историков, этнографов, фольклористов, библиотековедов, филологов.

Небольшое количество завершающих записей объединяет одна дата – 2 декабря 1934 г. Они содержат трогательные поздравления Симони от родных, коллег и учеников в связи с его семидесятипятилетним юбилеем и пятидесятилетием научной деятельности.

Плохая сохранность документа, состоящего из наполовину разрозненных листов из общей тетради, позволяет предполагать, что он не дошел до нас в своем первоначальном виде. По всей видимости, сам хозяин дома, по причинам, о которых можно только догадываться, изъял из него часть листов.

Первые личные истории в альбоме появились вскоре после начавшейся «осады» Академии наук, связанной с ее антидемократическим переустройством и призванной подавить сопротивление научной интеллигенции. Результатом этого процесса стало так называемое «Академическое дело». Оно было сфабриковано в январе – августе 1929 г., а в конце того же года произошли первые аресты сотрудников Академии, преимущественно историков-архивистов.[506] В результате кампании, пострадали четверо из четырнадцати лиц, предоставивших Симони сведения о себе. Возможно, именно это обстоятельство и объясняет утрату части документа.

Один из героев коллекции – библиотековед и библиофил Я. П. Гребенщиков. Как сотрудника Публичной библиотеки (1921—1930) и члена Общества библиотековедения, высококвалифицированного специалиста в своей области, в 1920 и 1922 гг. его привлекали к работе экспертной Комиссии по ознакомлению и научной оценке архива С. А. Венгерова.[507]

---

[506] *Ф. Ф. Перченок.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 201—235.

[507] РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Л. 5, 6—6 об., 26—27 об. [*Фомин А. Г.* Литературно-библиографический архив С. А. Венгерова].

Впервые Гребенщиков был арестован в 1924 г., когда ему было инкриминировано участие в деятельности антисоветской организации. Через четыре года по такому же обвинению он вновь был взят под стражу. Именно тогда, в 1928 г., им была написана автобиография, представленная в архиве Симони. Оба раза дело было прекращено. Однако в 1933 г. Гребенщиков был вновь арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе идейно-организационного центра народнического движения и сослан в Казахстан, где через два года скончался.[508]

Другой жертвой политических гонений стал известный отечественный историк, археограф, палеограф, член-корреспондент Академии наук В. Г. Дружинин. Его автобиография датирована 1929 г. В том же году ученый был уволен из Археографической комиссии на основании постановления Правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук, а еще через год арестован по так называемому «делу» академика С. Ф. Платонова. Вскоре, в 1931 г. он был отправлен на пять лет в Соловецкий лагерь особого назначения, однако через год был освобожден. В связи с лишением права проживания в 12 населенных пунктах СССР и Уральском регионе, он поселился на железнодорожной станции Ростов-Ярославский, где прожил три года. В 1935 г. он смог вернуться в Ленинград, где вскоре, в начале 1936 г. умер.[509]

Преследования другого автора автобиографии из коллекции Симони – выдающегося филолога-слависта Е. Ф. Карского начались весной 1919 г., когда он был уволен от должности профессора Минского педагогического института и арестован. В 1927 г. был поставлен вопрос об исключении Карского из Академии

---

508 *Суворова В. П.* Гребенщиков Яков Петрович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биогр. словарь. Т. 2. Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918—1930. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1999. С. 211—214.

509 *Гайдуков П. Г.* «Воспоминания» В. Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // Российская археология. 2010. № 4. С. 136—142.

наук, а еще через два года ученый был снят с должности директора Музея антропологии и этнографии.[510]

Крестовый поход на академическую науку продолжался. К середине 1930-х гг. сгустились тучи над академиком В. Н. Перетцем. В апреле 1934 г. он был арестован, в июне того же года выслан в Саратов, а в декабре исключен из действительных членов АН СССР и АН УССР. До кончины ученого оставалось менее года.[511]

Вероятно, наступившие времена, когда любое письменное свидетельство могло быть обращено против автора и ставило под угрозу саму жизнь человека, заставили Симони уже в 1929 г. прекратить сбор автобиографий для своего альбома.

Их содержание позволяет говорить о том, что Симони ориентировал авторов – своих гостей – на небольшой рассказ об основных этапах жизненного пути. На общем фоне выделяются лишь два жизнеописания – В. Н. Перетца и Б. М. Ляпунова. Первого из них Симони просил написать не историю жизни, а историю складывания научного мировоззрения; рассказать, как и когда возник его интерес к древнерусской письменности.

Большинство личных историй в коллекции невелико по объему. Исключением является лишь автобиография Б. М. Ляпунова. Она написана на четырех листах с двух сторон мелким убористым почерком и детально повествует об обстоятельствах жизни Ляпунова и научном формировании его как филолога-слависта.

Итак, специфику коллекции Симони определяет форма ее существования. Она представляет собой своеобразную реплику альбомной культуры XIX века. Наряду с этим собранный ученым материал отличает соотнесенность с очень

---

[510] *Рублевская Л., Скалабан В.* Околонаучный спор: Злополучная командировка профессора Карского // Советская Белоруссия – Беларусь сегодня. 2006. № 12. 20 янв. С. 6—7.

[511] *Адрианова-Перетц В. П.* Владимир Николаевич Перетц (1870—1935) // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.;Л.: АН СССР, 1962. С. 206—253.

кратким, отмеченным драматическими событиями в отечественной истории временным промежутком, а также «привязка» к узкому в личном и профессиональном отношении кругу людей.

***

Своды автобиографий, охарактеризованные в третьей главе диссертационной работы, отразили нараставшее в течение XIX века стремление к персонификации знания о человеке. Оно выразилось в пристальном внимании к «человеческим документам» и наиболее ярко проявилось к концу этого и началу следующего столетия, когда к мощному потоку справочных изданий биографического характера присоединились антологии авторских жизнеописаний. Самым продуктивным периодом в отношении собирания и публикации автобиографий был временной промежуток с конца 1900-х и до конца 1920-х гг.

Не ко всем сводам автобиографий, о которых шла речь, применимо понятие «коллекция». Так, в отношении к изданиям личных историй, осуществленных О. Норвежским и М. Л. Гофманом, правильнее говорить о некотором подборе автобиографических текстов. Если в Литературном календаре-альманахе он носил скорее случайный характер, то в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» строго определялся главной темой издания. Тем не менее, для обоих составителей этих книг публикация жизнеописаний не была главной целью, но служила некоторым дополнительным элементом, призванным «украсить» их издания. В первом случае «автобиографический декор» придавал живое звучание справочному изданию с тем, чтобы привлечь к нему внимание публики; во втором был направлен на общее художественно-эстетическое восприятие содержания книги.

Типологически особое место занимают своды жизнеописаний в сборниках «А. С. Суворину на память от сотрудников» (1884) и «Русские ведомости. 1863—1913». Приуроченность к юбилейным датам обусловила главную общую направленность и содержание помещенных в них личных историй. Их авторы

выстраивали повествование таким образом, чтобы, прежде всего, осветить благотворную роль в своей судьбе периодических изданий, сотрудниками которых они являлись.

В отношении ряда рассмотренных в главе коллекций прослеживается взаимосвязь с историко-культурными идеями и собирательскими принципами Венгерова. Прежде всего, речь идет об Альбоме М. И. Семевского «Знакомые» (1888). В 1884 г. ученый был одним из его «посетителей» и в свете своих начинаний имел возможность оценить перспективы создания собственного архива жизнеописаний. Вспомним, что именно в это время к Семену Афанасьевичу в связи с работой над «Историей новейшей русской литературы»,[512] по его просьбе поступили первые личные истории писателей, заложившие фундамент будущей коллекции. Из рассмотренных выше сводов жизнеописаний, как изданных, так и печатно нереализованных, лишь Альбом Семевского по замыслу и объему сопоставим с коллекцией Венгерова. Своеобразие этого Альбома определило возвращение его создателя к традиции, расцвет которой пришелся на пушкинское время. Через сорок лет, уже в другую эпоху ее слабый отзвук проявился в коллекции П. Н. Симони (1928—1934).

В свою очередь деятельность Венгерова по архивации автобиографического наследия эпохи генерировала попытки других собирателей и была точкой отсчета для А. Н. Чеботаревской, Ф. Ф. Фидлера, П. Я. Заволокина и И. А. Назарова.

Чеботаревская, в отличие от редактора КБС, не ставила перед собой задачу создания справочника, тотально фиксировавшего интеллектуальные, общественные и культурные силы нации вне привязки к оценочным категориям «знаменитый», «великий». Ее коллекция ограничена автобиографиями писателей и поэтов, чья деятельность пришлась на двадцатипятилетие рубежа XIX—XX веков и в той или иной степени уже получила признание. В силу этого обстоятельства, с точки зрения составительских принципов, объема, временных

[512] *Венгеров С. А.* История новейшей русской литературы. (От смерти Белинского до наших дней). Ч. 1. Конечные годы дореформенной эпохи. СПб., 1885. XXVIII, 235 с. Вышла только первая часть труда. Издание было уничтожено цензурой.

рамок и охвата имен коллекции Венгерова и Чеботаревской несопоставимы. Тем не менее, в их основе лежало общее представление о взаимосвязи биографических обстоятельств писателя и его творческих интенций, а также желание представить современный литературный процесс во всей его многоликости. Общий алгоритм строительства выявил другое сходство двух коллекций: обе появились как вспомогательные инструменты, сопровождавшие создание словарей.

Если Чеботаревская вряд ли осуществляла свой словарь под прямым влиянием Венгерова, то Фидлер в «Первых литературных шагах», несомненно, ориентировался на опыт своего друга. В то же время Федор Федорович не претендовал на широту замысла составителя КБС и сосредоточился только на личных историях писателей и исключительно на начальных страницах их творческого пути. Это позволило сборнику Фидлера занять свое особое, отличное от венгеровского, место в деле сохранения биографической памяти эпохи.

С. А. Венгеров, А. Н. Чеботаревская, О. Норвежский, М. Л. Гофман, Ф. Ф. Фидлер, П. Н. Симони представляли образованную часть российской культурной и научной интеллигенции. Именно она, прежде всего, была главным героем их собирательских усилий.

П. Я. Заволокин и И. А. Назаров, выходцы из народных низов, обратили свое внимание к личным историям тех, кто был особенно близок им по происхождению и творческим устремлениям – к участникам общего процесса демократизации литературной жизни конца XIX – начала XX веков, когда «одновременно с деятельностью литераторов-профессионалов заявила о себе пролетарская муза».[513] Заволокин и Назаров ориентировались в своих собирательских усилиях, прежде всего, на опыт Венгерова. Для них создатель КБС был учителем и главным наставником.

В 1930-х – 1940-х гг. эгодокументы не издавались, а их собирание не афишировалось, поскольку сведения о жизни человека могли угрожать его

[513] *Михайлов А. И.* Новокрестьянские поэты // История русской литературы. Т. 4. Литература конца XIX — начала XX века (1881—1917) / под ред. К. Д. Муратовой. Л.: Наука, 1983. С. 667.

безопасности. С конца 1950-х гг. в период «Хрущевской оттепели» интерес к автобиографическому повествованию пережил возрождение, связанное с либерализацией общественного сознания.

Так, с 1959 г. начала выходить пятитомная антология «Советские писатели. Автобиографии». Ее составители не обошлись без обращения к трудам Венгерова. Так, например, автобиографии А. А. Блока, В. Я. Брюсова и В. В. Вересаева были извлечены из «Русской литературы XX века». При работе над 5-ым томом в редакционный портфель поступили жизнеописания, составленные специально для этого издания.

С середины 1960-х гг. у исследователей появились более широкие возможности освоения архивных фондов писателей.

Детище Венгерова, его коллекция автобиографических и биобиблиографических материалов вдохновила на схожий проект сотрудников Рукописного отдела Института русской литературы, занимавшихся описанием материалов собрания ученого во второй половине XX века.

На производственном совещании Отдела в январе 1966 г. Н. Т. Панченко, много потрудившаяся над систематизацией и оформлением венгеровского Архива и прекрасно осознававшая исследовательский потенциал коллекции жизнеописаний, предложила типографским способом отпечатать 6000 бланков обращений к советским писателям с просьбой присылать в Рукописный отдел ИРЛИ свои автобиографии. «Это будет ценнейший материал», – утверждала исследовательница.[514] В составлении и обсуждении текста обращения приняли участие П. П. Ширмаков, Н. Т. Панченко, Ю. А. Андреев и сотрудники Сектора советской литературы. Однако инициатива Нины Тимофеевны реализовалась лишь отчасти.

В 1968 г. вышла в свет ее статья, посвященная биобиблиографическим материалам Пушкинского Дома. В ней отмечалась их большая востребованность в

[514] РО ИРЛИ. Ф. 150 [протокол производственного совещания Рукописного отдела Института от 14 января 1966 г.].

среде научной общественности. Картотеки, составленные многолетними трудами Венгерова, она назвала «национальным библиографическим сокровищем».[515] В качестве Приложения к статье была предложена Анкета, адресованная «советским писателям, журналистам и ученым-филологам».[516] В отличие от венгеровской в первой ее части («сведения биографические»), всего семь пунктов. Тем не менее, нетрудно заметить, что ученые-архивисты, работавшие с коллекцией автобиографий Венгерова и хорошо знакомые с опросным листом, который ученый предлагал своим корреспондентам, воспользовались его опытом и в значительной части продублировали анкету КБС. Однако время наложило свой отпечаток на изменения, внесенные в нее. Некоторые из вопросов исчезли, другие появились. Так, разумеется, в ней отсутствовали пункты «вероисповедание», «история рода» и сведения о его «выдающихся представителях», а в графе, которую предполагалось заполнить сведениями о родителях и семье, дополнительно появилась строка «национальность». Также была опущена графа венгеровской анкеты о «замечательных событиях жизни», та самая, что в свое время вызывала немало трудностей у корреспондентов КБС и в то же самое время была наиболее привлекательна для читателей, поскольку на ее полях сообщались не только традиционные факты биографии писателя, а нечто особенное из его жизни

К сожалению, обращение сотрудников Рукописного отдела осталось без ответа, возможно, из-за того, что оно было опубликовано лишь в одном и сугубо специфическом научном издании, ограничивавшим читательскую аудиторию узким кругом исследователей-архивистов. Для достижения желаемого результата необходимо было обладать настойчивостью, фанатическим стремлением к достижению поставленной цели, т. е. теми качествами, которые в полной степени были присущи создателю КБС.

---

[515] *Панченко Н. Т.* Биобиблиографические материалы Рукописного отдела Пушкинского Дома // Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти (труды 1-го совещания архивистов Академии наук СССР и Академии Наук. 17—23 мая 1967 г.). М., 1968. С. 244.

[516] Там же. С. 258—259.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Коллекция автобиографий и биобиблиографических материалов С. А. Венгерова складывалась в течение трех с половиной десятилетий и отразила различные этапы его многогранной научно-издательской деятельности, прежде всего, как редактора КБС, ЭСБ и «Русской литературы XX века». Изучение этого огромного свода личных документов свидетельствует о его неразрывной связи с другими разделами венгеровского Архива, что позволило ученому использовать понятие «автобиографический» применительно ко всему своему собранию. Наиболее очевидной представляется условность границ между его иконографической и эпистолярной частями и коллекцией жизнеописаний.

Вместе с Архивом она прошла в процессе своего формирования два главных этапа: первый (1885—1920) пришелся на годы жизни самого Венгерова и был временем подбора, накопления и постепенного складывания архитектуры Архива; второй (1920—2010) стал периодом его научной обработки и окончательного оформления.

В течение всех этих десятилетий в его строительстве и сбережении приняли участие не только отдельные лица, но и целые организации, такие как Литературно-библиографический институт, Российская Книжная палата в Петрограде, Петроградский Институт книговедения и, наконец, Пушкинский Дом, ставший полноправным хозяином Архива в 1933 г. С этим событием завершился полный драматических поворотов этап, ознаменованный борьбой учеников и последователей Венгерова за сохранение целостности Архива. Открылась новая страница в его истории: началось его постепенное оформление в соответствии с современными правилами и требованиями. Что касается коллекции автобиографий, то наиболее активная фаза ее освоения, систематизации и описания пришлась на период с конца 1970-х гг. до 2010 г., когда в свет вышел второй том Аннотированного указателя «Русская интеллигенция». Это издание

позволило взглянуть на коллекцию в целом с новых исследовательских позиций, дав возможность выявить основные типы входящих в нее документов и на новом уровне рассмотреть вопрос о ее историко-литературном значении.

Материалы коллекции показали, что входящие в нее жизнеописания в зависимости от целевых установок, степени личностного присутствия и психологической готовности автора к самораскрытию представлены двумя большими группами: одна получила в диссертационном сочинении определение «формальных», а другая «индивидуализированных». Характерной чертой первых является отсутствие индивидуального авторского отношения к предоставленным сведениям. По форме их подачи они образуют три типа: 1. автобиографии в вопросо-ответной форме; 2. curriculum vitae; 3. автобиографии в форме энциклопедических статей.

В отличие от «формальных» сообщений, авторы которых стремились к официальному и предельно лаконичному изложению событий, «индивидуализированные» личные истории отмечены эмоциональной остротой и саморефлексией. В большей степени это качество присуще *автобиографиям-исповедям* – первому из четырех типов «индивидуализированных» жизнеописаний. Главной особенностью второго – *автобиографий-мемуаров* – является желание рассказчика представить свой жизненный путь в контексте общественных, политических и культурных событий эпохи, утвердить преемственные связи своего поколения с поколением ушедших веков. Особое место занимают *беллетризованные автобиографии*, находящиеся в пограничном пространстве между документом и произведением беллетристики. Завуалированное недомолвками и намеками изложение событий в «*антибиографиях*», спровоцированное драматическим характером конкретной жизненной ситуации либо вызванное стремлением к литературной мистификации, должно было заинтриговать читателя, заставив его угадывать за внешней формой внутренний смысл предложенного рассказа.

Данная классификация основана на выявлении доминантного признака каждого типа. Однако далеко не каждое жизнеописание являет собой «чистый»,

безупречный автобиографический тип. Это позволяет признать известную условность предложенного членения. С другой стороны, наличие в одном тексте одновременно сосуществующих признаков разных типов дает право выделить *автобиографии смешанного типа*.

Историко-литературное значение коллекции Венгерова выявляется при рассмотрении ее в контексте ряда других собраний, появившихся во 2-ой половине XIX – первой трети XX веков.

С точки зрения составительских установок, пространственно-временного и социального охвата, масштаб коллекции Венгерова гораздо шире, чем в сводах жизнеописаний 1880-х – 1930-х гг., создатели которых решали гораздо более локальные монозадачи. Это обстоятельство связано с тем, что коллекция Венгерова складывалась в течение нескольких десятилетий в процессе осуществления нескольких творческих замыслов, среди которых КБС играл первостепенное значение. Между тем, в отношении ряда собраний прослеживается взаимосвязь с историко-культурными идеями и собирательскими принципами Венгерова. Прежде всего, речь идет о коллекциях А. Н. Чеботаревской, Ф. Ф. Фидлера, П. Я. Заволокина и И. А. Назарова, для которых деятельность Венгерова по архивации автобиографического наследия эпохи во многом была образцом и точкой отсчета.

Коллекция автобиографий и биобиблиографических материалов С. А. Венгерова формировалась как вспомогательный инструментарий при подготовке статей для КБС, ЭСБ, «Русской литературы XX века» и ряда других проектов ученого. Однако, постепенно создававшийся им на протяжении трех с половиной десятилетий свод жизнеописаний утратил утилитарный характер и приобрел самостоятельное значение, став своеобразным «музеем» автобиографической памяти нескольких поколений русской интеллигенции.

Не будет преувеличением назвать коллекцию ученого хранилищем «живых» голосов эпохи, благодаря которым реконструкция прошлого наполняется эмоциональным звучанием. В своей совокупности уникальный фактографический материал коллекции можно рассматривать как коллективную

мемуарную эпопею, многогранно отображающую жизнь российской империи второй половины XIX – первой четверти XX вв. и играющую роль исторического комментария к ее умственной и духовной жизни. История литературных и общественных идей, творчество отдельных писателей и целых литературных направлений, история отечественной науки, высшего и среднего образования – вот далеко неполный перечень тем, которые предоставляет исследователям собранный Венгеровым богатейший свод документальных свидетельств его современников.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 2-х тт. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 637—653. (Литературные памятники).

2. Автобиографии деятелей книги в собрании С. А. Венгерова / публикация М. Д. Эльзона // Книга. Исследования и материалы: Сборник. [Вып.] 29. М.: Книга, 1974. С. 153—164.

3. Автобиографии современных русских писателей. СПб., 1910. 48 с.

4. *Адрианова-Перетц В. П.* Владимир Николаевич Перетц (1870—1935) // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 206—253.

5. *Азадовский К. М.* Н. А. Клюев // Русские писатели. 1800—1917: биографический словарь. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 555—559.

6. *Азадовский К. М.* Личность и судьба Николая Клюева // Нева. 1988. № 12. С. 177—188.

7. *Азадовский М. К.* Памяти С. А. Венгерова (Венгеров-библиограф) [Речь, произнесенная на открытии Дальневосточного Библиологического общества] // Вестник просвещения. 1922. № 1. С. 96—108; то же отд. отт. Чита, 1922. 12 с.

8. *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 171—185.

9. *Азбукин В. Н., Пожилова Л. В.* Историко-литературная концепция С. А. Венгерова и его взгляды на романтизм // Романтический метод и романтические тенденции в русской и зарубежной литературе. Казань: Издательство Казанского университета, 1975. С. 66—79.

10. *Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей / вступ. ст. В. П. Крейд. М.: Издательство «Республика», 1994. — 591 с.

11. Алексею Сергеевичу Суворину на память от сотрудников [газеты «Новое время». Альбом автобиографий] 28 февраля 1886 года. М., 1886. 349 с.

12. *Альшиц Д., Розов Н.* Николай Алексеевич Соколов (Некролог) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVIII. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 601—602.

13. Арлекин. Штрихи и наброски / под ред. С. И. Казанского. СПб., 1901. 69 с.

14. *Арцыбашев М. П.* Автобиографический очерк // «Женское дело». 1912. № 24. С. 24—26.

15. *Ашукин Н. С.* С. А. Венгеров. (К 5-летию со дня смерти) // Красная нива. 1925. № 39. С. 939.

16. *Б. <Боднарский Б. С.>* «Литературно-библиографический институт» проф. С. А. Венгерова // Библиографические известия. 1916. № 1—2. С. 69—70.

17. *Бакун Д. Н.* Венгеров Семен Афанасьевич // Новая российская энциклопедия: в 12 т. / под ред. А. Д. Некипелова. М.: Энциклопедия: ИНФРА-М, 2007. Т. III (2). С. 321—322.

18. *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом (1905—1930—1980): Исторический очерк / АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Л.: Наука, 1980. — 320 с.

19. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. С. 234—407.

20. *Без подписи*. Заседание памяти проф. С. А. Венгерова [объявление о проведении заседания памяти С. А. Венгерова] // Известия Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1920. № 212 (704). 23 сент. С. 2.

21. *Без подписи*. Откровенные разговоры: по поводу одной автобиографии [рецензия на 6 том КБС] // Южный край. 1904. № 8164. 27 июля. С 4.

22. *Без подписи*. [Рецензия на КБС. Вып. 15] // Новости и Биржевая газета. 1889. № 27. 27 янв. С. 2.

23. *Без подписи.* Чествование С. А. Венгерова [информация о прошедшем в Книжной палате чествовании С. А. Венгерова в связи с его 65-летием] // Жизнь искусства. 1920. № 446—447. 20 мая. С. 1.

24. *Безрогов В. Г.* В тисках автобиографии: Новые зарубежные справочные издания по истории рассказов о себе и своей жизни // Человек. 2004. № 4. С. 156—166.

25. *Безрогов В. Г.* Коллективное и персональное в автобиографии // Человек. 2003. № 5. С. 26—37.

26. *Берков П. Н.* А. Г. Фомин (1887—1939). Очерк жизни и научной деятельности. М.: Издательство Всесоюзной Книжной палаты, 1949. 43 с.

27. *Библиограф*. Словарь и картотека проф. С. А. Венгерова // Столица и усадьба. 1917. № 81—82 (30 мая). С. 22.

28. Биобиблиографические материалы, собранные Э. А. Вольтером в 1913—1914 годах. [Вып. 1]. Пг., 1915. 56 с.

29. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования. (1802—1902). Т. 1—2. / под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1902—1903.

30. Библиографический указатель произведений В. Г. Короленко и литература о нем / сост. Вс. Венгеров // Жизнь и литературное творчество В. Г. Короленко: сб. статей и речей к 65-летнему юбилею. Пг.: Культура и свобода, [1919]. С. 98—140.

31. *Бирюков А. М.* П. И. Бирюков – первый биограф Л. Н. Толстого. М.: Полиграф сервис, 2011. 40 с.

32. *Богдан В.* Дар Платона Вакселя музею Академии художеств // ДИ (Диалог искусств). 2009. № 1. С. 6—9.

33. *Богомолов Н. А.* Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова // Русский авангард в кругу европейской культуры. Международная конференция: Тезисы и материалы. М.: Науч. совет по истории мировой культуры РАН, 1993. С. 89—93.

34. *Боднарский Б. С.* Венгеров: [Некролог] // Библиографические известия. 1920. № 3—4. С. 57—58.

35. *Бондаренко В.* Встречи с Россией // В мире книг. 1975. № 6. С. 23—26.

36. *Бугрина Н. А.* Документальность биографического повествования и его жанры // Факт, домысел, вымысел в литературе: межвуз. сб. науч. трудов / Иван. гос. ун-т им. первого в России Иван. Вознес. общегор. Совета рабочих депутатов. Иваново: ИвГУ, 1987. С. 117—131.

37. *Букмэн И. [Айзенштадт Д. С.]*. С. А. Венгеров // Литературная газета. 1940. № 50 (901). 29 сент. С. 6.

38. *Булгакова Л. В.* Научно-исследовательский институт книговедения за два года: окт. 1926 — окт. 1928 // Книга о книге. Л., 1929. Вып. 2. С. 1—74.

39. *В. Б. [Брюсов В. Я.]*. С. А. Венгеров [Некролог] // Художественное слово. 1920. № 2. С. 73.

40. *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. — Л.: Наука, 1979. — С. 3—65.

41. Венгеров Всеволод Семенович // Вологда: XII—начало XX века. Краеведческий словарь / сост. Ф. Я. Коновалов, Л. С. Панов, Н. В. Уваров. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1993. С. 156—157.

42. Венгеров Семен Афанасьевич // Литературный Санкт-Петербург. XX век: энцикл. словарь: в 3 т. 2-е изд., испр. и доп. / Т. 1. СПб.: б. и., 2015. С. 395—396.

43. *Венгеров С. А.* Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пг., 1920. 8 с.

44. *Венгеров С. А.* История новейшей русской литературы. (От смерти Белинского до наших дней). Ч. 1. Конечные годы дореформенной эпохи. СПб., 1885. XXVIII, 235 с.

45. *Венгеров С. А.* Критик-импрессионист // Речь. 1910. № 202. 26 июля. С. 3.

46. *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. С таблицами групповых портретов. Т. I. Вып. 1—3 (Аарон — Куликов). Пг., 1915. LXX, 436 с.; Т. II. Вып. 4—5 (Куликов – Павлов). Пг., 1918. 224 с.

47. *Винокур Г.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. 186 с.

48. *Г. <псевд. Туманова Г. М.>*. [Рецензия на 6 том КБС] // Новое обозрение. 1904. № 6748. С. 3.

49. *Гайдуков П. Г.* «Воспоминания» В. Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // Российская археология. 1910. № 4. С. 136—142.

50. *Гнедич П. П.* Книга жизни: Воспоминания: 1855—1918 / ред. и примеч. В. Ф. Боцяновского [Переиздание 1929 года]. М.: Аграф, 2000. 368 с.

51. *Голофаст В. Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71—89.

52. *Голубов В. З.* Переписка М. Горького с С. А. Венгеровым. 1907—1916 гг. // М. Горький. Материалы и исследования. Т. III. М.;Л.: АН СССР, 1941. С. 102—108.

53. *Гордеев С. П.* Назаров Иван Абрамович // Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь / Администрация Владимирской области, Владимирский Фонд культуры. Владимир, 2002. С. 306.

54. Б. М. Городецкий. Профессор С. А. Венгеров / публ. и коммент. И. Д. Золотаревой [статья публикуется по рукописи, хранящейся в гос. архиве Краснодарского края] // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 53—56; то же // Библиография. 2014. № 2. С. 101—106.

55. *Грачева А. М.* В кругу петербургских литераторов // Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 80—90 (Studiorum Slavicorum Monumenta, t. 19).

56. *Грачева А. М.* Правдивые приключения и необыкновенные книги «русского Дюма» (Василий Иванович Немирович-Данченко) // Немирович-Данченко В. И. Цари биржи. Каиново племя в наши дни: Роман; Сластеновские миллионы. Роман в 5 частях: Роман / вступ. ст., сост., примеч. А. М. Грачевой. СПб.: ООО «Полиграф», 2013. С. 5—22.

57. *Грачева А. М.* Рукавишников Иван Сергеевич // Русские писатели 1800—1917: биогр. словарь. Т. 5 М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 550—553.

58. Ю. Н. Данзас. Письмо С. А. Венгерову 1920 г. / публ. и вступ. заметка А. М. Грачевой // *Грачева А. М.* Диалоги Януса. Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века. Портреты Этюды. Разыскания. СПб. Издательство «Пушкинский Дом», 2011. С. 133—140.

59. Е. Я. Данько. Воспоминания о Федоре Сологубе. / вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПБ.: Феникс: Atheneum, 1992. С. 190—234.

60. *Державин Н. С.* Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) // Известия Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1920. № 206 (698). 16 сент. С. 1.

61. *Динерштейн Е. А.* Вас. И. Немирович-Данченко // Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М.: Книга, 1983. С. 154—156.

62. *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания. Т. 2. СПб.: Наука, 2009 (Лит. памятники). С. 251—355.

63. *Дмитриев Л. А.* И. Я. Айзеншток // Энциклопедия "Слова о полку Игореве". [В 5 т.]. Т. 1: А—В / Российская академия наук. Институт русской лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 42—43.

64. *Дмитриева Е.* Преподавание сравнительной истории литератур в Санкт-Петербургском университете (1850—1917) [Текст] // Slavica Occitania. — 2010. № 30. С. 57—76.

65. *Долгополов Л.* Из автобиографического собрания А. Н. Чеботаревской // Вопросы литературы. 1984. № 1. С. 202—208.

66. *Еголин А. М.* Венгеров // История русской критики. В 2-х тт. Т. II. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР [Ленинградское отд-ние], 1958. С. 370—376.

67. *Егоров И. В.* Литературно-библиографический институт // Историческая летопись. 1916. № 12. С. 1164—1166.

68. *Ефремин А. В.* Поэты-суриковцы [Предисловие к «Словарю-справочнику И. А. Назарова] // Ефремин А. Поэт и массы: сборник статей. М.: Федерация, 1932. С. 91—116.

69. *Жарков И. Г.* Жанровая структура Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза–И. А. Ефрона, 1890—1907: Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2000. 16 с.

70. *Жукович П. Н.* Русский биографический словарь // Императорское русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916. С.95—112.

71. *Заволокин П. Я.* М. И. Калинин в ссылке (1904 г.). М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и СС.-поселенцев, 1928. 24 с. (Издание журнала «Каторга и ссылка». 1928. № 35).

72. *Заволокин П. Я.* Кирпичник // «Зори». 1924. № 9. С. 11.

73. *Заволокин П. Я.* Плоды вдохновения. Режица, 1897. 19 с.

74. *Запецкий В. М.* Колпашевский Яр. Новосибирск: Сибирская книга, 1992. 128 с.

75. *Зарецкий Ю. П.* История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). С. 218—232.

76. *Здобнов Н. В.* С. А. Венгеров // Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М.: Госкультпросветиздат, 1955. С. 564—570 и др.

77. Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина». Книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц. – Воспоминания. – Стихотворения. – Эпиграммы. – Шутки. – Подписи. 1867—1888. СПб., 1888. XXXII. 401 с.

78. *Золотарева И. Д.* «Незабвенные друзья книги»: С.А. Венгеров и Б. М. Городецкий // Библиография. 2014. № 2. С. 95—100.

79. *Золотарева И. Д.* «Незабвенный друг книги»: к истории отношений С. А. Венгерова и Б. М. Городецкого // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 02 (40). С. 13—16.

80. *Зубрис Г.* Очерк о Борисе Федоровиче Бонч-Осмоловском // Электронная публикация: http://www.proza.ru/2011/01/18/1696 (дата обращения: 19.10.2015).

81. *И. Е.* [*Егоров И. В.*]. Профессор С. А. Венгеров // Красный балтийский флот. 1920. № 94 (182). 18 сент. С. 3.

82. Из неопубликованных писем А. Блока к С. А. Венгерову (О переводах Блока из Байрона и «Очерке литературы о Грибоедове») / публ., вступит. заметка и коммент. Н. Т. Панченко // Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 333—340 (Тартуский государственный университет).

83. *Измайлов А.*< *А*>. Литературные заметки // «Биржевые ведомости». 1904. № 352. 17 июля. С. 2.

84. *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 / вступит. статья и публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 272—346.

85. *Ильинский Л. К.* С. А. Венгеров // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1923. Т. XXVIII. С. 85—130.

86. Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713—1913). Юбилейное издание. Ч. 1—3. СПб., 1913—1915.

87. Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Ч. 1—3. Л.: Наука, 1970. 595 с.

88. Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900. 120 с.

89. *Калентьева А. Г.* Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова (1855—1920). М.: Книга, 1964. 80 с.

90. *Калугин Д. Я.* Проза жизни: русские биографии в XVIII—XIX вв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 260 с.

91. *Кантор Р.* Боевое крещение С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 10 (22). С. 2—4.

92. *Караваева А.* Странички воспоминаний. // Сибирские огни. 1947. № 1. С. 143—145.

93. *Кауфман А. Е.* Влюбленный в литературу. Памяти С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 9 (21). С. 6—8.

94. *Кауфман А. Е.* С. А. Венгеров и его архив (К открытию Литературно-библиографического Института) // Солнце России. 1916. № 351 (5 ноября). С. 1—5.

95. *Киселев М. Ю*. Переписка С. А. Венгерова и П. Н. Беркова с русскими учеными в архиве Российской академии наук [Текст] // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: к 90-летию научно-исследовательского института книговедения в Петрограде: материалы Международной конференции. М.: Наука, 2010. С. 150—152.

96. Книговедение: энциклопедический словарь / ред. коллегия: Н. М. Сикорский (гл. ред.) и др. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 664 с.

97. *Кузнецова О. А.* Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской // Писатели символистского круга. Новые материалы. [Сб.] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 411—453.

98. *Кулинич А. В.* Очерки по истории русской советской поэзии 20-х годов. Киев: Издательство Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, 1958. 216 с.

99. *Либрович С. Ф.* Фидлеровский музей русских литераторов. СПб., 1906. 23 с.

100. *Лидин В. Г.* Три джигита [О Ф. Ф. Фидлере и встречах с его дочерью М. Ф. Фидлер] // *Лидин Вл.* Друзья мои – книги. М.: Современник, 1976. С. 295—298.

101. Литературный календарь-альманах / под ред. Оскара Норвежского. СПб., 1908. 111 с.

102. *Луговой Ал.* Умер талант! СПб.: Общественная польза, [1902]. 139 с.

103. *Любин Д. В.* Раннее творчество Генриха Фогелера (к проблеме обозначения этапов творчества художника) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2 (ч. 2). С. 113—118.

104. *Любин Д. В.* Ранний период творчества Генриха Фогелера в контексте художественной жизни Германии конца XIX — начала XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб., 2007. 24 с.

105. *Мануильский М. А.* Человек – человеку // Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74. № 12. С. 1123—1125.

106. *Мануильский М. А.* Энциклопедические контуры человека // Человек. 2005. № 1. С. 59—67.

107. *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета. Историческая записка. Одесса, 1890. 846 с.

108. *Машкова М. В.* История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 г.). М.: Книга, 1969. 492 с.

109. *Мерцалов И. П.* Друзья русской книги. С. А. Венгеров. Опыт характеристики // Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф: Иллюстрированный библиографический журнал. 1897. № 3. С. 58—64.

110. *Мещеряков Н.* Энциклопедия // Большая советская энциклопедия. Т. 64. М.: Советская энциклопедия, 1934. Стб. 475—501.

111. *Миначетдинова Г. С.* Н. Я. Агафонов – «идеальный летописец казанской жизни» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). История. Вып. 48. С. 152—157.

112. *Михайлова И. П.* «При сем прилагаю мою автобиографию»: письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгерову. 1915 г. // Исторический архив. 2012. № 3. С. 182—187.

113. *Михеев М. Ю.* Фактографическая проза, или предтекст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. №. 2. С. 133—142. № 3. С. 132—143.

114. *Михеева Г. В.* Машкова Мария Васильевна // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биогр. словарь. Т. 3. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина 1931—1945. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2003. С. 364—367.

115. *Модзалевский Б. Л.* С. А. Венгеров // Дела и дни: ист. журн. Книга первая. 1920. С. 614—617.

116. Молодые всходы. Товарищеский литературный сборник рассказов и стихотворений с краткими биографиями и портретами авторов. Вып. 1. / под ред. М. Циммермана. М., 1903 (Издание ред. «Кружка писателей из народа»). 160 с.

117. *Морозова О. М.* Нарратив профессора И. А. Малиновского // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные международные аспекты / отв. ред. А. Н. Еремеева. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2008. С. 61—70.

118. *Мошин А.* Автобиография // Отклики Кавказа. 1913. № 169. 31 июля. С. 4; № 175. 8 авг. С. 4; № 176. 9 авг. С. 4; № 177. 10 авг. С. 3; № 179. 13 авг. С. 4; № 184. 20 авг. С. 4; № 185. 21 авг. С. 4; № 186. 22 авг. С. 4; № 187. 23 авг. С. 4.

119. *Мошин А.* Легенды Великих Лук. Псков, 1915. 46 с.

120. *Мысляков В. А.* О венгеровском «автобиографическом собрании» и о подготовке указателя к нему // Русская литература. 1996. № 4. С 156—171.

121. *Назаров И. А.* Встречи и письма. Владимир: Владимирское книжное издательство, 1957. 146 с.

122. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. С 71-м портретами-карикатурами, рисованными художниками А. И. Лебедевым, М. Е. Малышевым и А. А. Серебряковым по наброскам автора / сост. Вл. Михневич. СПб., 1884. 284 с.

123. *Немирович-Данченко Вас. И.* Исповедь женщины. Роман в 3 ч. СПб., 1889. 271 с.

124. *Никитина Е. Ф.* Русская литература от символизма до наших дней. М.: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1926. 544 с.

125. *Николюкин А.* С. А. Венгеров и его книга // Русская литература XX века / под ред. С. А. Венгерова. М.: «Республика», 2004. С. 519—522.

126. *Оболенский Л. Е.* Обо всем // Одесские новости». 1892. № 2430. 22 окт. С. 3.

127. *Овсянико-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века. Ч. 2. От 50-х до 80-х годов. — М., 1907. — 356 с.

128. *Ольховский Е. Р.* Вахан Фомич Тотомианц. К 120-летию со дня рождения // Кооперация. Страницы истории. Вып. 5 / отв. ред. Н. К. Фигуровская. М., 1996. С. 194.

129. *Островская С. К.* Дневник / вступ. статья Т. С. Поздняковой; послесл. П. Ю. Барсковой; подгот. текста и коммент. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 760 с.

130. Памяти С. А. Венгерова // Петроградская правда. 1920. № 205. 15 сент. С. 1.

131. *Панов Л. С.* Остался честным перед своей совестью // Библиография. 1993. № 6. С. 100—110.

132. *Панченко Н. Т.* Биобиблиографические материалы Рукописного отдела Пушкинского Дома // Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти (труды 1-го совещания архивистов Академии наук СССР и Академии Наук. 17—23 мая 1967 г.). М., 1968. С. 244—256.

133. *Панченко Н. Т.* Библиографическое собрание Рукописного отдела Пушкинского Дома // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 6. — М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 204—209.

134. *Панченко Н. Т.* С. Венгеров о встрече с Л. Н. Толстым в 1882 году [К публикации выдержек из писем С. А. Венгерова к З. А. Венгеровой от 22 и 29 января 1882 года] // Русская литература. 1961. № 1. С. 211—213.

135. Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / сост. Ф. Ф. Фидлер. М.: Книгодизательство Т-ва И. Д. Сытина, 1911. 265 с.

136. *Ф .Ф.Перченок.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 201—235.

137. *Петровская И. Ф.* Биографика: Введение в биографику. Источники биографической информации о россиянах 1801—1917 гг. СПб. : Logos, 2003. 489 с.

138. Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / под ред. Вл. Лидина. М.: Книгоиздательство «Современные проблемы», 1926. 372 с.; 2-е изд., доп. и испр. М., 1928. 395 с.

139. *Поляков А. С.* Труды профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Библиографический перечень. М., 1916. 77 с.

140. *Прозоров И. Е.* Отечественная научно–вспомогательная литературная библиография (1917—1929 гг.): тенденции развития и организационные формы: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Прозоров Иван Евгеньевич; СПбГУКИ; науч. рук. О. Н. Ильина. СПб., 2010. 361 с.

141. *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц: Начало (по ранним дневникам). — СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2014. 288 с.

142. Пролетарские писатели. Антология пролетарской литературы / сост. С. Родов / под общей ред. П. С. Когана. М.: ГИЗ, 1924. 672 с.

143. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005 / Рос. Акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); [редкол.: Н.Н. Скатов (гл. ред.) и др.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 600 с.

144. *Резник Я. Е.* У истоков Книжной палаты. [С публикацией письма С. А. Венгерова В. Я. Брюсову, февраль 1917 г.] // Сов. библиография. 1987. № 2. С. 56—58.

145. *Рейсер С. А.* Из альбомов Фидлера // Звезда. 1961. № 2. С. 207—208.

146. *Ремизов А. М.* Автобиографии / публ. и коммент. А. М. Грачевой // *Ремизов А. М.* Собр. соч. в 10 т. Т. 4. Плачужная канава. М.: Русская книга, 2001. С. 455—463, 543—545.

147. *Родюкова М. В.* О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 373—383.

148. *Родюкова М. В.* Обзор фонда С. А. Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 5—35.

149. *Рождественский Вс.* Страницы жизни // Звезда. 1958. № 12. С. 118—119.

150. *Росов В. А.* Валентин Федорович Булгаков – создатель музеев, писем и изысканных пьес // Ариаварта: науч. журнал. 1999. № 3. С. 135—148.

151. *Рублевская Л., Скалабан В.* Околонаучный спор: Злополучная командировка профессора Карского // Советская Белоруссия – Беларусь сегодня. 2006. № 12. 20 янв. С. 6—7.

152. Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель в двух томах / под ред. В. А. Мыслякова. Т. 1—2. СПб.: Наука, 2001—2010.

Т. 1. А—Л. 640 с.

Т. 2. М—Я. 765 с.

153. Русская литература XX века (1890—1910)» / под ред. С. А. Венгерова. Т. 1—3. Вып. 1—8. М., 1914—1918; см. также переиздание: Русская литература XX века. 1890—1910 / под ред. С. А. Венгерова / послесл., подгот. текста А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 543 с.

154. Русские биографические и биобиблиографические словари / сост. И. М. Кауфман. М.:Госкультпросветиздат, 1955. 752 с.

155. Русские писатели. 1800—1917: биогр. словарь. Т. 1—5. М., 1989—2007.

Т. 1. Русские писатели. 1800—1917 / гл. ред. П. А. Николаев /ред. колл. В. Н. Баскаков, Б. Л. Бессонов, Н. Б. Волкова и др. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1989. 672 с.

Т. 2. Русские писатели. 1800—1917 / гл. ред. П. А. Николаев /ред. колл. В. Н. Баскаков, Б. Л. Бессонов, Н. Б. Волкова и др. М.: Науч. издательство «Большая Российская энциклопедия», Фианит, 1992. 624 с.

Т. 3. Русские писатели. 1800—1917 / гл. ред. П. А. Николаев /ред. колл. В. Н. Баскаков, Б. Л. Бессонов, Н. Б. Волкова и др. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», Научно-внедренческое предприятие Фианит, 1994. 592 с.

Т. 4. Русские писатели. 1800—1917 / гл. ред. П. А. Николаев /ред. колл. В. Н. Баскаков, Б. Л. Бессонов, Н. Б. Волкова и др. М.: Науч. издательство «Большая Российская энциклопедия», Научно-внедренческое предприятие Фианит, 1999. 704 с.

Т. 5. Русские писатели. 1800—1917 / гл. ред. П. А. Николаев / ред. колл. Б. Л. Бессонов, Н. А. Богомолов, С. Г. Бочаров и др. М.: Науч. издательство «Большая Российская энциклопедия», 2007. 800 с.

156. *С. Р. [Рейсер С. А.]* Критико-биографический словарь С. А. Венгерова и цензура // Книжные новости. 1936. №№ 28—29. С. 46—47.

157. *Сажин В. Н.* Институтка: автопортрет в советском интерьере // Л. В. Шапорина. Дневник. Т. 1. М.: Новое Литературное обозрение, 2012. С. 5—19.

158. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Тряпичкины очевидцы // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1971. С. 212—247.

158. Сборник русских поэтов и поэтесс. СПб., 1901. 400 с.

159. *Семенко И. М.* В. А. Жуковский. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. Стихотворения. М.;Л.: Худож. лит.,1959. С. V—LII.

160. *Скабичевский* А. История новейшей русской литературы, 1848—1908. 7-е изд., испр. и доп. СПБ, 1909. С. 316—330.

161. *Слонимский М. С.* А. Венгеров // Дом искусств. 1921. № 1. С. 64—68.

162. *Слонимский М.* Черты из жизни С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 10. С. 4.

163. Советские писатели. Автобиографии. [Т. 1—5]. М., 1959—1988.

Т. 1. Советские писатели. Автобиографии в двух томах. [А—Л] / сост. Б. Я. Брайнина и Е. Ф. Никитина. М.: ГИХЛ, 1959. 704 с.

Т. 2. Советские писатели. Автобиографии в двух томах. [М—Я] / сост. Б. Я. Брайнина и Е. Ф. Никитина. М.: ГИХЛ, 1959. 760 с.

Т. 3. Советские писатели. Автобиографии / сост. Б. Я. Брайнина и А. Н. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1966. 760 с.

Т. 4. Советские писатели. Автобиографии / сост. Б. Я. Брайнина и А. Н. Дмитриева. — М.: Худож. лит., 1972. 720 с.

Т. 5. Советские писатели. Автобиографии / сост. С. П. Колов. М.: Худож. лит., 1988. 528 с.

164. Современники // Русский календарь А. Суворина. 1873. С 446—455.

165. Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами / сост. П. Я. Заволокин. Иваново-Вознесенск: «Основа», 1925. 274 с.

166. Сотрудники «Русских ведомостей» 1863—1913 // Русские ведомости: сб. статей 1863—1913. М.: 1913. 224 с.

167. *Стасов В. В.* Воспоминания товарища о Д. А. Ровинском // Публичное собрание имп. Академии наук в память ее почетного члена Дмитрия Александровича Ровинского 10-го декабря 1895 года. СПб., 1896. С. 17—38; то же: отд. отт. СПб., 1896.

168. *Степанов С. В.* «Коллекция автобиографий русских писателей и ученых» (1863—1920) С. А. Венгерова в ИРЛИ // Источники по биографике и генеалогии в фондах библиотек, архивов и музеев: материалы 7-й научно-практической конференции по информационным ресурсам петербурговедения / Центр. гор. публ. б-ка им. В. В. Маяковского. СПб., 2014. С. 39—42.

169. А. С. Суворину на память от сотрудников 28 февраля 1886 года. [Альбом автобиографий]. СПб., [1886]. 349 с.

170. *Сухорукова Е. М.* Юбилей С. А. Венгерова: неосуществленный проект // Библиография. 2007. № 2. С. 18—21.

171. *Тихий Ал.* <псевд. А. И. Тинякова>. Творчество тружеников [Отклик на книгу «Современные рабоче-крестьянские поэты…] // Новая вечерняя газета (Ленинград). 1925. № 76. 19 июня. С. 7.

172. *Томашевский Б. М.* Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4. С. 6—9.

173. У гроба проф. С. А. Венгерова // Известия Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1920. № 206 (698). 16 сент.

174. Устав Литературно-библиографического Института [Утв. 21 июня 1916]. Пг.: Т-во художественной печати, 1916. 12 с.

175. Ученик об учителе: [черновые заметки А. Г. Фомина о С. А. Венгерове / публ. М. Д. Эльзона] // В мире книг. 1971. № 3. С. 47.

176. *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство “Никитинские субботники” в контексте литературного процесса 1920 — 1930-х годов. М.: РГГУ, 1998. 224 с.

177. Ф. Ф. Фидлер. Из мира литераторов: Характеры и суждения. / перевод, указатель и примеч. К. М. Азадовского. М.: НЛО, 2008. 861, [2] с.

178. *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты (ныне Института книговедения). К пятилетию со дня его смерти. Л., 1925. 48 с.

179. *Фомин А.* С. А. Венгеров, как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник. Памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.;Пг., 1923. С. X—XXXIII (Пушкинист, т. IV).

180. А. Г. Фомин [Некролог. Подписан А. С. Орловым, П. И. Лебедевым-Полянским, Н. К. Пиксановым, В. М. Жирмунским, М. П. Алексеевым, С. Д. Балухатым, В. В. Гиппиусом, Б. М. Эйхенбаумом «и др.»] // Ленинградская правда. 1939. № 115. 22 мая. С. 4.

181. *Ходотов Н. Н.* Близкое далекое / предисл. Я. О. Малютина, подгот. текста и примеч. Г. З. Мординсона. 2-е изд., испр. и доп. Л.;М.: Искусство, 1962. 328 с. (Театральные мемуары).

182. *Хохлова Н. А.* Может ли быть завершен изданием ″Предварительный список русских писателей и ученых″ С. А. Венгерова // Русская литература. 2014. № 4. С. 184—193.

183. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л.: Наука, 1989. 544 с.

184. *Чеснокова Т.* Счета за стирку или величие? (Жанр биографии в Швеции) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 217—231.

185. *Чхартишвили Г.* Писатель и самоубийство. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 573 [1] с.

186. *Шильникова М. А.* Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) // Санкт-Петербургские Высшие Женские (Бестужевские) Курсы. 1878—1918: сб. статей. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 210—215.

187. *Шляпкин И. А.* Для немногих. Автобиогр. заметка. СПб., 1907. VIII с.

188. *Шмидт С. О.* Высший литературно-художественный институт // Москва: энцикл. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 197.

189. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

190. *Штрайх С. Я.* С. А. Венгеров // Жизнь искусства. 1920. № 558. 16 сент. С. 1—2.

191. *Эльзон М. Э.* Быков Петр Васильевич // Русские писатели: биографический словарь. 1800—1917. Т. 1. А–Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 381—383.

192. *Эльзон М. Д.* Неизвестная статья А. Г. Фомина о С. А. Венгерове – пушкинисте // Историко-библиографические исследования. 1995. Вып. 5. С. 100—103.

193. *Эльзон М. Д.* Ученый, издатель, библиограф // Книжное обозрение. 1980. № 40 (750). 3 окт. С. 16.

194. *Эльзон М. Д.* А. Г. Фомин (1887—1939): жизнь и библиогр. деятельность: автореф. дис. … канд. пед. наук / М. Д. Эльзон; ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1972. 18 с.

195. *Энгельгардт Б. М.* Памяти С. А. Венгерова (речь, произнесенная на заседании в Доме искусств 16 сентября 1920 г.). [Корректура неустановленного издания] // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 2. № 43. Л. 1.

196. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». 7-е, соверш. переработ. изд. / под ред. проф. В. Я. Железнова и др. М.: Изд-во Русского библиографического ин-та Гранат, 1927. Т. 40: Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70-х и первой половины 80-х гг. 658 стб.

197. Эстетика «становления» А. В. Туфанова: статьи и выступления конца 1910-х – начала 1920-х гг. / вступ. статья, публ. и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 616–617.

198. *Юсупов Э. С.* Словарь терминов архитектуры. СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1994. 432 с.

199. *Я.<Яковлев П. Л.>*. О альбомах. (Из альбома К. И. И<змайловой>) // Благонамеренный. 1820. № 18. С. 373—378.

200. *Яковлев Н.* У истоков пушкиноведения. [О пушкинском семинарии С. А. Венгерова] // Ленинградский университет. 1962. № 7 (1256). С. 3.

201. *Vogeler H.* Dir. Gedichte. Mit Illustrationen von H. Vogeler. Leipzig: Insel-Verlag, 1899. 64 s.

Список сокращений

ГЛМ – Государственный литературный музей

КБС – Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1—6. СПб., 1889–1904

НЭСБ – Новый энциклопедический словарь / под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева — СПб.; Пг.: Изд-во Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1911—1916. — Т. 1—29

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук

ЭСБ – Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского; Изд. Ф. А. Брокгауз [Лейпциг], И. А. Ефрон [Санкт-Петербург]. — СПб., 1890—1907. — Т. 1—41А [1—82], доп. 1—2А [1—4]